

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

КЛАД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

Старый Оскол
2011

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел
К 47

Клад: Литературно-художественный альманах. Выпуск 14. –
К 47 Старый Оскол: Изд-во «РОСА». – 2011. – 242 с.

ISBN 978-5-903659-75-3

Свидетельство о регистрации П-1469 от 18.07.95,
выдано Северо-Западным Управлением Комитета РФ по печати.

Литературно-художественный альманах
Российского общества современных авторов (РОСА).
309512, Белгородская обл., г. Старый Оскол, а/я 577.
e-mail: 885533@mail.ru, <http://art.oskol.info/>
Адрес литмастерской РОСА: г. Старый Оскол, м-н Жукова, 30б,
Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина

Главный редактор – Сергей Галиченко

Выпускающий редактор – Зоя Буцаева

УДК 882
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-5 Бел

ISBN 978-5-903659-75-3

© Авторы альманаха, 2011.
© Издательство РОСА, 2011.

О ГЛУПОСТИ РАЗУМА

На седьмом году жизни Российского общества современных авторов вновь, как в первые дни его деятельности, возникли споры о статусе, организационной структуре, направлениях деятельности. Причиной тому стали, во-первых, неадекватная оценка собственных заслуг и способностей, когда исключительно себе либо воле случая приписываются все нынешние достижения, на самом деле являющиеся результатом совместных усилий в течение тех самых семи лет. Во-вторых, созданная за эти семь лет структура позволяет каждому желающему без особых проблем реализовывать те самые три «Р», обозначенные как первоначальные задачи РОСА, – раскрепощение, развитие и реализация творческого потенциала. Правда, многие опускают вторую часть заявленных целей – о стремлении использовать свой творческий дар для совершенствования общественных отношений, которые и являются культурой, отражаемой в различных формах художественного творчества, в том числе и в литературе.

Были даже заявлены очередные три буквы «С», предлагаемые в качестве краеугольных ориентиров тех самых отношений, – «сочувствие», «сострадание», «сопереживание». В организационном плане этот этап развития должен был отразиться в обнародовании Программы РОСА, в содержательной части фестивалей, конкурсов, газеты, сайта, издательских проектов, культурно-массовых мероприятий...

Фактически так оно и было. По всем направлениям работа не прекращалась ни на один день. Просто многие уже не замечали того, что они что-то делают, в чём-то участвуют, – им казалось, что это естественный индивидуальный способ их существования, никем не инициированный и никем не координируемый. К этому времени настала пора и перевыборов координирующих структур Общества. Но, увлечшись практической деятельностью содержательного плана, мы несколько «подзапустили»

формальную часть, что не преминуло сказаться как на самоидентификации некоторых участников Общества, так и на его продвижении в существующем организационно-правовом пространстве.

РОСА все эти годы использовалась тактика, прямо противоположная той, которая на вооружении практически всех общественных объединений, в первую очередь озабоченных собственным развитием. РОСА занималось не созданием объединения, а решением задач, используя для этого форму Общества.

Сейчас, на определённом этапе перехода к новому качественному уровню участия в развитии общественных отношений, посредством художественного творчества в том числе, возник вопрос о возможности полного отказа от использования жёстких организационных структур в пользу развития концептуальных движений, инициируемых неформальными лидерами из среды современных авторов. Но, учитывая недостаточность интеграции современных авторов в действующие общественные структуры, низкую активность в освоении информационного пространства и в самом творческом процессе, имеющем целевую направленность, предоставляется целесообразным попытаться сохранить организационную структуру в форме общественной организации, которая должна продолжить координацию индивидуальных возможностей и потребностей современных авторов, способствуя развитию уже имеющихся и созданию новых направлений по решению программных и уставных задач.

Нормативной базой для создания общественной организации стал закон РФ «Об общественных объединениях», принятый Государственной Думой 14 апреля 1995 года с изменениями на 22 июля 2010 года. В соответствии с гл. 2 ст. 18 закона РФ «Об общественных объединениях» общественные объединения создаются по инициативе их учредителей – не менее трёх физических лиц, а решение о создании общественного объединения, об утверждении его устава и о формировании руководящих органов принимается на съезде (конференции) или общем собрании. С момента принятия указанных решений общественное объединение считается созданным: осуществляет свою уставную деятельность, приобретает права и принимает на себя обязанности, предусмотренные настоящим

Федеральным законом. В точном соответствии с действующим законодательством РФ 6 сентября 2004 года в Старом Осколе состоялось учредительное собрание РОСА, в котором приняли участие пять человек – Владимир Федотенко, Алексей Дёменко, Ирина Цыганкова, Анастасия Проценко и Сергей Галиченко, что закреплено соответствующим протоколом. Затем стали создаваться первичные организации в других регионах России. Объединив усилия, мы получили возможность, например, через творческие командировки представить старооскольских авторов в Москве и Питере, а москвичей и питерцев – в Старом Осколе... У многих авторов из различных регионов завязались личные творческие контакты, и всё понеслось со стремительной скоростью... Не успели оглянуться, а уже семь лет прошло. И мне жаль тех авторов, которые тратят свои силы и время на то, чтобы не увидеть очевидное, сломать удочку с леской, поплавком, грузилом, крючком и прочими современными приспособлениями, которой можно было наловить крупной рыбы для ухи, и вместо неё соорудить некое подобие из сухой ветки да конского волоса, которой можно разве задремавшего пескаря подцепить, да самим процессом сидения на берегу реки насладиться. Мне жаль таких людей, потому что чаще всего делают они это не по злему умыслу, а по искреннему убеждению своему, пребывая в глубоком заблуждении насчёт окружающей действительности.

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и усилия антикультурной так называемой политической и бизнес-элиты, которая, превратив политику, экономику и художественное творчество в инструменты воздействия на человека, с целью превращения его в составляющее человеческой массы, пригодной для производства трудовых ресурсов, всячески поддерживает процессы распада единства современных авторов, культивируя приоритет личностных интересов, ради достижения которых допускается всё. Основой такого посыла является деградация тех самых сочувствия, сопереживания, сострадания, без которых человек в числе прочего утрачивает способность слышать, понимать и уважать своего собеседника, даже при наличии общности интересов.

Вот неполный перечень действующих проектов РОСА: сайт «Творческая гостиная» <http://art.oskol.info>, литературная мастерская «Лад», литературно-художественный альма-

нах «Клад», газета «Правда жизни», фестиваль «Русская ярмарка талантов», конкурс рукописей, фестиваль «Ведрусский посох», детская литературная мастерская «Росинка», театр поэзии «Галактика рос», книжные серии «Сигнальный экземпляр» и «Это было на самом деле...», сказочный театральный фестиваль «Я-МАЛ, ПРИВЕТ!», издательство, круглые столы, научно-практические конференции. Находятся в стадии формирования отдел науки, информационная служба. Постоянно проходят выступления авторов по различным учреждениям, организациям, предприятиям. Возобновлены ежемесячные концертные программы для зрительской аудитории.

И тем не менее находятся те, кто упрямо продолжает твердить, что РОСА на самом деле нет, а потому нужно отказаться от всяких там амбициозных проектов и сжаться до литературной студии или гостиной, довольствоваться самообразованием и слушанием лекций «старших товарищей» из «писательских профессиональных союзов» и приятным времяпрепровождением в кругу себе подобных. И сжимаются, и создают...

Это замечательно, когда из большего количества выделяется меньшее, собравшее воедино тех, кто обладает общностью интересов и психологической совместимостью, приблизительно одинаковым уровнем творческих способностей и потребностей... Это естественный процесс, когда сообщество мы сделали какое-то дело, например, провели сквозь шторм корабль, а теперь, оказавшись на берегу, можно существовать уже и не командой, а порознь или различными группами... До тех пор, пока, например, не придётся объединиться для противостояния природной стихии, внешнему врагу или для строительства жилья на зиму...

Но, по-моему, не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понимать преимущество постоянного сотрудничества перед периодическим, если мы обречены жить на одной территории, пользоваться едиными общественными институтами и прочее... Или же нужно создавать собственные автономные условия жизнеобеспечения нашему творчеству и самим авторам. Но самое главное – услышать друг друга и определиться с теми самыми приоритетными направлениями в общественном начале, которые есть не что иное, как та самая осознанная необходимость, образующая свободу каждого и всех. Только вряд ли она образуется сама собой, даже если мы будем об этом го-

ворить своему отражению в зеркале по сто раз на дно... Но и предавать забвению прописные истины, наивно полагая, что они одинаково приемлемы каждым с рождения, – есть иная крайность, лишаящая нас возможности понять друг друга. Поэтому, возможно, я в чём-то повторюсь в этом предисловии, но, по всей видимости, такова картина дня сегодняшнего, с моей точки зрения, в сравнении с предшествующим периодом подготовки к изданию этого выпуска альманаха.

Несмотря на доступность в Интернете Плана Даллеса, Протокола сионских мудрецов и прочих проектов различных организаций по уничтожению государства Российского и народа, его населяющего, у меня складывается порой впечатление, что всё у нас происходящее всё же не есть последствия происков спецслужб и коварных сект различных, а всего лишь глупости человеческой, являющейся результатом задержки умственного и чувственного развития активных представителей рода нашего.

Иначе как же можно объяснить поведение поэта, который, например, в своих стихах душу рвёт ради спасения Отечества своего от супостатов иноземных, культуру предков наших уничтожающих, а вечером того же дня тот же «патриот» рукоплещет актёрам, которые выводят Пушкина как случайное счастье для Руси, решившего шутки ради между пьянками да гулянками стать солнцем русской поэзии. То бишь перевернуть всё с ног на голову, когда не благодатная русская культура, в которой рос потомок Ганнибала, привила ему любовь к слову русскому, а вот, мол, дар такой народу сему ниспослан в утешение непрямой жертвенности его на алтаре служения миру иному и владыкам иноземным. И всё это вперемешку с красотами стихотворными да песнями музыкальными...

Как в рекламе 25-й кадр, вроде бы про курицу смотришь, а идёшь водку покупаешь...

Или вот взять, например, рассказы Василия Макаровича Шукшина о совести человеческой, о праве исконно русском, о выборе сознательном – жить по совести, несмотря ни на какие перипетии судьбы. Взять да и представить в постановке театральной, али в фильме художественном, или в крайнем случае в статье в каком-либо журнале «толстом». или газете «уважаемой» как продолжателя идеи «маленького» человека, рисующего «дурачков» русских, силы и ума не имеющих да

простотой своей раболепствующих... Порой делает это автор в строгом соответствии с убеждениями своими, выросшими на основе национальной культуры, частью которой является, например, вероисповедание, в основе которого лежат постулаты о народе избранном и прочие...

И потихоньку на фоне таком «культурном» для поддержания дисбаланса развивается и мысль о том, что сионизм, фашизм, расизм – это не противоборство наций, а всего лишь движение в целях самосохранения отдельных народов с их самобытной культурой.

Но ведь не за счёт гибели иных культур и самих народов должны самоутверждаться и развиваться какие бы то ни было избранные или не избранные, верующие или неверующие, белые или чёрные, добрые или хитрые...

Есть и иные примеры, когда человек иной культуры, попадая в русскую общину, не только сохраняет свои родовые традиции, но и бережно, с большим уважением относится к русской культуре, временами более уважительно, чем сами русские, живущие рядом с ним.

По всей видимости, извращение культурной основы происходит из-за неумения или из-за умышленного исключения из художественных образов духовной составляющей, под которой подразумевать следует не религиозные устремления, так как религия всего лишь попытка отражения культуры общества и личности в нём, а совесть человеческую, вышестованную вековыми традициями, всем укладом жизни рода нашего. Без этого все сюжетные и эмоциональные конструкции, собранные по внешней мотивации, зачастую создают ложный образ.

Есть такой гриб – ложный опёнок называют его в народе. Вроде бы внешне почти ничем не отличается от съедобного опёнка, а на самом деле смертельно ядовит. И в творчестве художественном подобные «ложные опята» не менее опасны, убивая самоуважение, уверенность в своих силах, порождая страх перед волей и преклонение перед носителями чужой культуры.

Вот, например, книга про величие славян. Вроде бы про историю нашу славную... Намерения благие декларируются... А язык да сюжетная основа совсем иную культуру отражают, где живут не по совести, а по праву силы, где смакуются сцены разврата и жестокости, где чтут не народ свой, а правителя мирового, сверху даденного...

И получается, что в бутылке с этикеткой славянской вместо молока бурёнки нашей родимой нам подсовывают виски заморские, к коим мы привыкаем исправно.

Бывает и ещё ужаснее, когда планы более изопрённые и коварные, когда читателя привлекают текстами выверенными, идеями привлекательными, да по мелочам всяким, по частностям, да до поры до времени, пока доверие не выработается у читателя постоянного. А потом авторитет для службы делу неправому, подлому используется, когда исподволь, намёком, полусловом подправляется ваше представление о мире, о культуре рода вашего. И вот вы уже не замечаете, что рукоплещете литературному (театральному, киношному) герою, который семейные ценности разменивает на сиюминутное удовольствие, когда ради денег он с готовностью предаёт женщин, детей, когда убийство подаётся как нечто наподобие щелчка пальцами или битой карты... И всё это вроде бы на русском языке, иногда даже похожем на литературный... Так, незаметно, происходит подмена понятий...

И в этой связи вышеназванные литературные и иные художественные опусы гораздо опаснее для нашей культуры, нежели графоманские сочинения, опыты самодеятельных авторов, попытки самовыражения людей искренних, но не владеющих в достаточной мере навыками работы с печатным словом. Но при наличии желания и уверенности в своём праве не молчать у многих из них впоследствии смогут получиться полноценные самостоятельные произведения, отражающие эпоху, её культурную среду, от внутреннего мира человека до общественной морали, порождаемой на стыке культур народов.

Именно там, в недрах народа нашего, вдалеке от мегаполисов-паразитов, ещё сохранилась наша культура в первозданной своей чистоте. И она передаётся как код в этих робких, грубоватых, наивных строчках авторов, не стремящихся «рукописи продать», но горит у которых огонь в душе, заставляя прислушиваться к её стонам, угадывать в них буквы, слова, собирая их в образы... Образы любви, добра, справедливости, счастья, красоты... В отдельных строчках, предложениях, словах, которые, возможно, смогут разбудить новые таланты...

Долгое время я считал себя сторонником идей интернационализма и глобального социально-экономического обустройства общества. Но приобретённые за прошедшие годы опыт и зна-

ния убеждают меня в обратном – только сохранение и развитие своей национальной культуры и приоритетное в бесспорном порядке решение вопросов жизнеобеспечения своего рода и земли своей смогут дать шанс на выживание всей планеты и общества человеческого. Воля не должна ограничиваться экономическим поводом собственника богатств природных или средств производства. Разум и чувства даны человеку природой не для самоуничтожения (ибо, уничтожая себе подобных, мы уничтожаем часть себя), а для сохранения данного нам блага земного и для постижения возможностей жизни в различных пространствах. При этом и за иные формы жизни ответственность прежде всего должна на существах разумных быть...

И как не может пальма вырасти за границей полярного круга в тундре бескрайней, как не может быть стройным кедр, если ему сломают верхушку, так и человек, вырванный из естественных условий природных, оторванный от культуры рода своего, утратит часть своей жизненной силы.

А если под предлогами благовидными якобы творчества художественного разуму неокрепшему давать возможность лгать, убивать, жестокость проявлять, совестью пренебрегать, алкоголем да табаком себя пичкать и в наркотический дурман или виртуальную реальность убежать от действительности, так и будет оно на деле, а не в фантазии читателя...

Особо зримо наблюдается подобное безрассудство авторов современных при сравнении с произведениями авторов, творивших в середине – конце прошлого века, когда, повествуя о войне, они не описывали все её ужасы в анатомических подробностях, но вызывали в душе и боль, и ярость, и любовь, и ненависть, и восхищение, и презрение...

По-видимому, для того, чтобы стать писателем, недостаточно знать, как из букв складывать слова, а из слов – предложения для того, чтобы описать те либо иные события, предметы. Главное, по всей видимости, заключается в состоянии души писателя, в её способности воздействовать на разум, а не наоборот.

Сергей Галиченко,
главный редактор альманаха «Клад»
885533@mail.ru <http://art.oskol.info/>

**ПОЭТИЧЕСКИЙ
МАРАФОН**
РОСА

Алексей ВИТАКОВ

Поэт, прозаик, музыкант. Родился в 1966 году в Коми АССР. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Председатель жюри и автор идеи Межвузовского литературного форума им. Н.С. Гумилёва «Осиянное слово».

(<http://osiyannoye-slovo.ru/>). Член Союза писателей России, участник Российского общества современных авторов. Автор семи аудиоальбомов и семи поэтических книг, а также романов «Домой не возвращайся!» (2008) и «Вали всё на Меркурия» (2009), который вышел в издательстве «РОСА». Живёт в Москве.

АНТОНИНА

(быль)

Вторая редакция

Руки прятала Антонина
Неумело от взглядов чужих.
Можно было с высохшей глиной,
С глиной в трещинах сравнивать их.
Знала травы. Лечила грыжи.
Было всё вроде как у людей.
Но под старость всё чаще и ближе
Голос детский мерещился ей.
То ругает голос, то судит,
То откуда-то сверху кричит,
То настойчивым всхлипом будит
Одинокое сердце в ночи.
И бежит тогда Антонина,

Спотыкаясь, на встречу с тайгой.
Руки в трещинах, глина глиной,
Подбирают подол вековой.
На поляне, где плахи пнями,
Тень берёзы – комар в смоле,
Мёртво вцепится в горло память
И придавит щекою к земле.
Наплывет штабелями катищ,
Дымом вырубков, визгом пилы,
Сплавом и островами кладбищ,
Чёрным ветром, столбами золы.
Мёртвым зноем и гиблой стужей,
Мужем... мужем... да чтоб ты, война!
Двух детей родила от мужа
И сирот поднимала одна.
Днём работа: топор да брёвна
Да у сучьего века в плену.
К ночи ноги не ходят, словно
К ним привязано по валуну.
То-то слово соседки плетью
Хлётско било по левой груди:
«Хочешь, Тоня, быть ближе к детям?
Ты роди. Ну, чего там, роди!»
А она, взгляд бросая длинный
На ладони, твердила в ответ:
«Руки вон пострашнее глины.
Да и где мужики-то? Ведь нет!
На детей обернётся с болью:
Сыну десять, а младшенькой семь.
Без присмотра – осока в поле.
Впрямь от рук отобьются совсем.
Сводни старые для забавы:
«Вон Васяга, хоть нем, да шустёр!
Антонина прервёт: «Шалавы.
Всякий горб свой отыщет багор!»
Но однажды, уйдя из дому
Ночью тёмной, что в подпол дыра,

Постучалась она к немому
И была у него до утра.
А на тридцать восьмой неделе
Взрезал воздух младенческий крик.
Как от ветра качнулись ели,
Проступил в небе дымкою лик.
Вот уж плакала Антонина
Целый день, а потом всю ночь.
Руки в трещинах, глина глиной,
Сына, сына хотели! Не дочь!
За окном – разговор да шутки!
Антонина в сердцах: «Надо ж, прут!
Прямо фаршем из мясорубки.
То дозваться невозможно, а тут..!»

Серым волком мелькнули годы.
Семь раз землю распахивал плуг.
Сердце заживо жгли восходы.
Над иконой болтался паук.

Антонина уже без грусти
На вопрос: «Как малую зовут?» –
Отвечала с улыбкой: «Люсей.
Люди, вот ведь, чего не наврут!»
Но пришло, навалилось горе:
От рожденья четвёртой весной
Люся после сыпучей хвори
Безнадёжно осталась слепой.
Антонина лишь сжала губы
И с мужчинами — на лесосплав.
...Ничего, обойдётся. Вон Люба
Пятерых в люди вывести смогла.
Эка жизнь, всё равно как вымажь.
Только лучик – и тут же пропал...
«Антонина Иванна, сын ваш...
Жив, но ранен. Под штабель попал!»
...Это сглаз иль напасть какая?

Кто вас, беды, направил в меня?
Чуть притрёшься к одной – другая!
Дуй на воду. Беги от огня.
Как легко им: живой, но ранен.
Инвалид – ну как! Где же ты, Бог?..
И впервые цветком в стакане
Вдруг сломалась. Упала на мох.
Дальше холод и тьма глухая.
Скрип. И вот он – паук из угла...
На коленях стоит слепая
И целует в заснежье чела.
...Люся, Люся, ну что нам делать!
Дух ли чей-то так нас невзлюбил?
Или кто-то на свете белом
На белила меня обделил?..

Вот они уже прочь от дома
Через дебри бредут наугад.
А как встала луна огромно,
Мать одна возвратилась назад.
Трое суток тайга гудела.
Рог охотничий всюду хрипел.
Трое суток остервенело
Сын бинты разрывал на себе.
Бился душно в своей постели
И, сестру прижимая к плечу,
Трое суток стонал, шалея:
«Мать, зачем ты? Вовек не прощу!»
Сосны древние не забыли,
Как, задув за оконцем свечу,
Закричал вдруг немой Василий:
«Антонина, вовек не прощу!»

Серым волком мелькнули годы.
Семь раз землю распахивал плуг.
Сердце заживо жгли восходы.
Над иконой болтался паук.

Антонина дугой согнулась.
Поседела, как мох-лишай.
Сын, мужая, впадал в угрюмость,
Водкой морок и злость глуша.
Спьяну-сдуру женился на спор.
Дочь уехала – и с концом,
Выйдя замуж за зека с властным,
Посеревшим от зон лицом.
Старики уходили в вечность.
Поросль в жизнь пробивалась, и
Антонина подчас у печки
Пела внукам, держа свои
Руки сморщенные, что глина,
На убитых пеньках колен.
И боялась хмельного сына.
И боялась своих же стен.
Как-то летом от дочки в гости
Прибыл внук: егоза и врун.
Бледный, хилый, сплошные кости,
В волосах – смоляной колтун.
Он в свои десять лет слыл вором,
Дикарёнком. Ну, сущий ад!
Дети били его за город,
За враньё и за всё подряд.
Это лето дождливым было.
Так лило, что не описать.
Взбунтовалась река, взбурлила,
Обернула течение вспять.
Разметала, как щепки, бонны.
Лаву свайную – навзничь, вдрызг.
Лишь висячий мосток со стоном
Ставил бок под лавину брызг.
И селяне, толпясь, робели:
Ну и ну, мол, да всё – грехи.
А река размывала берег.
Страшно ухали топляки.

Вот тогда на мосток висячий,
Одежонку стянув, залез
Дикаренко, скелет ходячий,
И раскинул ручонки в крест.
Берег ахнул, застыл оградой.
Частокол – мурава в слюде.
Все услышали: «Вот вам, гады!
Нате! На...» – и исчез в воде.
Дико вскрикнула Антонина.
Побежала, споткнулась, и
Потащила её по глине
Сила бешеная земли.
Вдруг откуда-то – дед Василий.
Миг. Над пеной лицо. И нет.
Распластались льняные крылья.
Седины запредельный свет.
Прокричала воронка сипло.
Муть кромешная. Голова.
А потом дикарёнок выплыл,
По-собачьи гребя едва.
Это всё, что сумел Василий
Разглядеть, уходя на дно.
Не узнал он, как бабы были,
Как ломал мужиков озноб.
Как по грудь в воде Антонина,
Стиснув дочерна кулаки,
Била, била, нещадно, длительно
Отупевшую плоть реки.

Серым волком мелькнули годы.
Семь раз землю распахивал плуг.
Сердце заживо жгли восходы.
Над иконой болтался паук.

Вот и наш дикарёнок вырос
И в тайге пропадал с ружьём.
И тайга для него открылась

Рыбой, птицею и зверьём.
Сколько минуло, поменялось,
Превратилось в золу и дым?
Только прозвище и осталось –
«Дикарёнок». Да бог бы с ним...
Как-то раз, проходя болото,
Он наткнулся на старый крест,
В кочку воткнутый, словно кто-то
Всё о силе знал этих мест.
И, домой возвратившись к ночи,
Всё не мог он забыть никак
Топь и крест на высокой кочке,
Сердца бешеный стук в висках.
Антонине вскользь, между делом
Рассказал и увидел вдруг,
Как лицо её побелело,
Как в глазах промелькнул испуг.
И со дна её сердца память
Поднялась, наплыла в глаза.
По оврагам лица, по камню
Губ неспешно сползла слеза:
«Там за топью есть луговина,
Просто вся из целебных трав.
Я-то, в мыслях своих о сыне,
В первый раз не взяла багра.
Отпустила я руку дочки
Лишь на миг на какой-то, и
Загуляла лешачья кочка.
Обернулась – в воде круги!»

Поднималась луна огромно.
Плыл над лесом неясный звук.
И в забытом углу, над иконой
Тот же самый висел паук.

Ева КУДРИЧ

Родилась в г. Ярославль. Окончила МГУКИ (режиссёр любительского театра). Работала в ДК «Нефтяник» (режиссёр молодёжного театра «Арлекин»). Дипломант поэтических и песенных фестивалей. Автор поэтических сборников «Отражение» (2004), «Переплетение теней» (2005), «Лепестками памяти» (2006), «В такт» (2008). Вышел сольный диск «Прогулка» (2008). Постоянные публикации – на сайте www.stihi.ru. Создала и руководит литературной гостиной «СтихиЯ» с 2005 года. Участвовала в организации и проведении фестиваля «Логорифмы». Член Союза писателей России. Лауреат конкурса рукописей «Правда жизни» в номинации «Поэзия» VI Русской ярмарки талантов.

ШТОРМ

*Обида горше – поэма глубже,
по океану, мельчайшей луже,
лёгких танкеток не замочив,
ангел, краёв вы чьих?*

В табор

Марине Цветаевой

Ветер бился, крутился подстреленной чайкой,
канул в волны и Фениксом вырос из пены,
растрепал ярко-пурпурных роз гобелены,
на секунду печально склонился над чайной,
закружил, превратил в ароматную вьюгу
мотыльков и рассыпал у ваших сандалий
бирюзовые брызги, пыльцу и друг другу

лепетавших былины заоблачных далей
светляков, соскользнувших с созвездия Девы,
обнял жарко, отчаянно в сердце солёной
лаской вьелся. Морская, Вы знали с пелёнок
танцы, сказы, гаданья, обряды, напевы.
Пани, в табор?

Росток

Хлестало небо по глазам,
звенело зарево:
– Пиши всё, что не досказал,
не государево
роскошное житьё-бытьё,
родился в рубище
поэта – пой, твоё чутьё
в любом не любящем
отыщёт малое зерно
тепла и вырастит
лазурной нежности вьюнок
в бесцветной сырости,
промозглой серости страстей.

Ядро шторма

Запах арбуза, шторма,
резкие ласки волн,
облака синий слон,
полный хобот поп-корна –
белых барашков набрал,
медленно тянет в рот,
дальнюю гору, порт
город накрыл шквал
ало-сиреневый.

Зонт

пляжный крыльями бьёт –

зовёт братьев в полёт
за горизонт.

Нот,
красок и слов нет –
шоу огней, теней
слепком ложится в блокнот.
Стих – золотая форма –
амфора всех свобод,
океанический брод
к богу. Ядро шторма.

Наотмашь

Прочитаю по губам сентября
не нашёптанный Шекспиру сонет,
оборвутся облаков якоря,
ураган разбередит Интернет,
ты услышишь боль –
наотмашь волна
одиночества ударит скалу.
Не скули – нам от рожденья дана
злость и гордость не склоняться в полу
уплывающим туманам. Старик,
смерч гуляет, пьёт и бьёт за троих,
из пучины поднимается крик,
стынет солью, преломляется в стих.

Игра

Парашюты медуз,
наконечники стрел,
стайки рыб
перламутровых, мы вне игры –
адюльтер догорел,
на губах пепла вкус
от того, что вчера

называли судьбой.
Чайки наперебой
гонят в бой
сплетни в весе пера,
хохот их,
превращающий в прах
пламенеющий стих, оседает в горах.

Надкусили искус –
остров счастья в воде,
шили иглы
на заре выплывает, от глыб
свет. Нырнём за предел.
В рукаве алый туз
солнца. Облако сна
обнимает волной,
открывая иной –
твой и мой –
мир. За нами стена –
не смотри –
превратились в коралл
все, кто не доиграл.

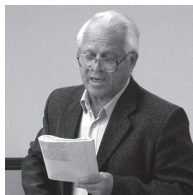
Маяк

Любовь моя, печаль моя и боль,
позволь не рассказать тебе. Позволь
тлеть маяком на алых скалах дней,
разбив о риф лихих морских коней
нечастых встреч. И солнечную речь
позволь притихшей памяти обречь
на казнь от взмаха бархатных ресниц.
Желанья – ниц. Для птиц создать границ
нельзя. Лети за сто морей.
Вернешься – поцелуем отогрей.

Притяжение

Волну к земле,
тебя ко мне
неодолимо,
соль ссоры – вздор –
смири укор,
дождись прилива
и притяжению любви противоборствуй
скалой, собой,
любой другой –
виват упорству!

Вода скалу
сотрёт в золу,
по океану
развеет грусть,
матрос, не трусь –
тумана манну
хватая губами на лету.
Солоновата?
Лови мечту (читай, тщету)
кроватей вата
чужих не остановит кровь
открытой раны.
Наломано довольно дров –
одна тебе судьба и кров
и грань нирваны –
я.

Анатолий ОВСЯННИКОВ

Родился 27 ноября 1944 года в г. Старый Оскол. В 1964 году окончил Старооскольский геологоразведочный техникум, а затем Якутский гос. университет. Трудился в различных геологоразведочных партиях, избирался председателем комитета профсоюза Охотской ГРЭ, председателем исполкома Куларского поселкового Совета народных депутатов. Является кандидатом в члены РОСА. В 2008 стал лауреатом III Славянского межрегионального поэтического фестиваля «Ведрусский посох». В 2009 году его стихи были опубликованы в альманахе «КЛАД». В 2010 году стал обладателем специальной премии VI Русской ярмарки талантов «За сохранение и развитие славянских традиций в литературном творчестве». В этом же году в издательстве «РОСА» в серии «Сигнальный экземпляр» вышел в свет его поэтический сборник «Памяти предков».

Перун

Разметал Перун стрелы-молнии,
Запылал восток алым заревом,
Небеса жрецам громко молвили:
«Прилетит он ранним маревом».
В колеснице Бог с небес опускается,
Руки мощные вверх взмываются,
Криком радостным он встречается,
Посланец Прави пред людьми является,
Светлый Бог славян-ариев:
На плечах волной волос палевый,
Во глазах его синь озёрная.
Над толпою льётся мудрость горняя:
Жить по совести, любви, честности,

Предкам-родичам память вечная.
Защищайте Род в родной местности.
Славян благость – волна встречная.
Вы любите Землю-Матушку!
Трудом праведным её радуйте,
Род крепите вместе с Ладушкой,
Пред врагом на колени не падайте.
Правда Божия в устах молвится,
Душа радостью, счастьем полнится.
Распрямились плечи славян-ариев,
Мудрость жизни в глазах каревых.
Но из Мира Тьмы нечисть явится,
Тучей злобною Русь укутает,
Зависть, ненависть лавой плавится,
Враньём, ложью правду спутает.
Лестью сладкою в души вселится,
Ваших дочек возьмут жёнами,
Ваша кровь чуждой сменится,
Дух торгашеством начнёт пениться.
Будут женщины жить гулёнами,
У мужей неверных Рода славного
Змей Зелёный в друзьях числится.
Позабудут многие в жизни главное:
Мудрость Русича трезвым мыслится.
Вижу деток их – беспризорные.
Лютый враг им – отец с матерью.
Честность, совесть – враги кровные.
Жизнь детей – дорога скатертью.
Вижу конец света тёмной личности,
В пекле огненном нечисть скроется,
Любовь, счастье – радость Вечности,
Светлым Духом Русь накроется.
Голос стих, замолчал Перун,
Главы русичей опустилися,
Думой крепкою осенилися,
Запись сделали древних рун.

Надежда СЫЧЁВА

г. Бирюч

Тютчева творенья

Люблю я Тютчева творенья:
Из глубины души идут.
В них красота и вдохновенье
До сей поры в строках живут.
В виденье Тютчева – вся жизнь
Как череда волшебных снов,
И этот мир, что мы живём,
Он стоит тысячу миров.
Он в «Двух единствах» призывал:
Славянский мир, сомкнись тесней,
Скрепи любовью свой народ,
Что на Земле всего прочней.
В его твореньях – красота,
Раздолье Родины моей.
Читая Тютчева стихи,
Россию любишь всё сильнее.

Нина ГУДОВА

с. Нижняя Покровка

Прощание с юностью

*Моей школьной влюблённости
Федорищеву Петру*

Нижняя Покровка, через мост – Сорокино,
Две деревни рядышком, сторона далёкая.
На мосту с гитарой паренёк стоял,
Девушке свидание здесь он назначал.
И, подруг стесняясь, вечером тайком
Девушка спешила на встречу с пареньком.
Чистой и красивой их любовь была,
Да только разлучила их потом судьба.
Много лет минуло с давней той поры,
И больше уж ни разу не встретились они.
Но однажды, внука за руку держа,
Та девушка, волнуясь, к мостику пришла.
Новый, из бетона мост теперь стоял,
А рядышком тот старый мостик догнивал.
И от боли сердце сжалось в груди,
Горькие слезинки по щекам текли.
Где ты, юность давняя, где тот паренёк?
На свиданье к мостику он больше не придёт.
Буйная головушка, гитарист лихой,
Грешный мир покинув, спит в земле сырой.
Тянет внук за руку: «Бабушка, пошли».
«Ты меня за слёзы, маленький, прости,
Я всю жизнь мечтала вновь прийти сюда,
А сегодня с юностью простилась навсегда».

Нижняя Покровка, через мост – Сорокино,
Вы до боли дороги сердцу одинокому...

Иван БАБИЧЕВ

Родился 19 сентября 1937 года в г. Бирюч Красногвардейского района Белгородской области (в то время – Будённый Будённовского района Воронежской области). У родителей было семеро детей. Отец – рабочий, мать – колхозница. Читать начал с пяти лет. Писать стихи – с седьмого класса. Когда ему исполнилось пять лет, начались испытания войной. В послевоенные годы пошёл в школу, которую окончил в 1957 году. Служил в армии – три года в Закавказье, в радиобатальоне спецназа. Окончил Государственный университет г. Ростов-на-Дону. Совмещал учёбу с ночной работой на заводе. Это не мешало много читать, увлекаться философией, астрономией, историей. Работал учителем в Чечено-Ингушетии, был на партийной и профсоюзной работе, преподавал в Красногвардейском сельскохозяйственном техникуме. Встречался с Михаилом Шолоховым и Александром Солженицыным. Живёт в г. Бирюч.

Деревенская Русь

Запустенье, безлюдные хаты,
Тишина и гнетущая глушь.
А ведь жили здесь люди когда-то –
Много разных и трепетных душ.

Разносились на каждом подворье
Лай собак и детей голоса,
И коровы паслись на приволье,
И жужжала напевно коса.

Что с тобой, деревенская Русь?
Иль ненужной и лишней ты стала?
Навеваешь смертельную грусть,
Аж слеза на глазах заблестала.

Мы немало и так угробили
Деревень, хуторов и дворов,
Лишь метель заметает сугробами
Там, где был чей-то отчий кров.

Лишь названья останутся вскоре,
Да и те не запишут в архив.
Ой ты, горе! Ты, сельское горе, –
Грустной песни печальный мотив.

Виталий КУДЕЛИН

Родился в 1975 году. С 9 лет начал писать стихи, с 15 – прозу. В 1990 году в журнале «Мы» была опубликована первая подборка стихотворений. Учился, женился, работал, переезжал с места на место, воспитывал детей, разводился, опять учился, опять женился, продолжает воспитывать детей, работать... Весной 2004 года вместе с другом создал рок-проект «Гвардейцы КардиНала», где В. Куделин является автором текстов и координатором. Группа имеет свой сайт – <http://gvardiancar.narod.ru/>. Был главным редактором, журналистом, верстальщиком и дизайнером газеты «ОКолица». Лауреат, дипломант фестивалей поэзии и авторской песни «Оскольская лира – 2005», «Нежегольская тропа – 2006», «Русская ярмарка талантов – 2007», «Белая волна – 2008», дважды победитель поэтического турнира и лауреат фестиваля «Ведрусский посох» (2008, 2009). Печатался в коллективных сборниках «Песни Тихой Сосны» (г. Бирюч), «Жизнь и лира» (г. Санкт-Петербург), «Правда жизни», «Студенческая муза» (г. Старый Оскол), а также в различных газетах и Интернет-изданиях. Соавтор фантастической книги «Война Инь» совместно с московским фантастом Константином Утолиным (вышла в издательстве «Астрель»). Работает директором рекламного агентства, является администратором и разработчиком портала «Литературная Белгородчина». Сайт автора – <http://vektograd.ru/>. Живёт в г. Бирюч.

Кусочек свободы

Хочу быть свободным, но всё же
Мечтаю, как все, о любви.
Хоть жить мне, как все, невозможно,
Но в эти весенние дни,
Твоею улыбкой пленённый,
В порыв обращаю свой пыл.
Загадочным словом «влюблённый»
Я нынче себя окрестил.

И в час сумрачно-полуночный
Диктует шаманка Луна.
Расчётом космически точным
Пал выбор на нас неспроста.

Я рад обстоятельствам этим,
Всему, что свело нас двоих.
Раскинув амурные сети,
Амур притаился, затих.
И, в стих превращая признание,
Глядит где-то там, с высоты,
На встречи, прогулки, прощанья,
В которых есть я и есть ты.

Мне так хорошо быть с тобою,
Приятно, светло на душе.
Нельзя быть свободным весною,
Когда вдруг полюбишь. Вообще
Нельзя быть свободным в паденье.
Нельзя жить без кошек котам.
Тебе в знак любви, исключеньем
Кусочек свободы отдам.

Зоя ИВАНОВА

г. Бирюч

Фонтан на Тихой Сосне

*О речка, «...колыбель моя,
Любил ли кто тебя, как я».*

Вот каменный мост над Сосною,
Ручей, островок камыша,
И травы, склоняясь под водою,
Как будто куда-то спешат.

Здесь речка протокой струится,
Там гладью плывут облака,
И стайка рыбёшек резвится
На отмели у бережка.

Фонтан в свете радуг сияет,
И впрямь – величавый «Самсон».
Безмолвье реки оживляет
Струи ниспадающей звон.

И грустно здесь быть, и легко мне,
До детства – рукою подать.
Реку полноводною помню:
Какая была благодать!

Глубокие, чистые плёсы,
И пляжи, и вербы кругом.
С Байракского и до Засосны
Служил переправой паром.

И связки челнов на причале,
И заводи с рыбой речной,
Созвездия лилий качались
На глади её голубой.

Река людям радость дарила,
Всегда в жизни рядом была...
Большая беда накатила
И жертву свою забрала.

Её ночью словно украли,
Ушла, не простившись с селом.
Что люди с рассветом узнали,
То трудно постигнуть умом.

Нет речки! И спутались мысли.
Протока да яма с водой,
Беспомощно лодки повисли,
Вцепившись за берег крутой...

Стоят мужики, онемели,
А бабы тужили навзрыд.
Притихшие дети глядели
На гибель оставшихся рыб...

Река стала болью людскою.
Былая приходит во сне...
Взметнулся фонтан над водою
Как памятник Тихой Сосне.

Виталий ВАЛИТАР

Родился в 1963 году в с. Нижняя Покровка Красногвардейского района Белгородской области. В 1980 году закончил Верхнепокровскую среднюю школу. После окончания естественно-географического факультета Воронежского государственного института работал директором в одной из школ Липецкой области, преподавал в школах Белгородской области, работал директором и методистом в сельских домах культуры в сёлах В. Покровка, Прудки и Н. Покровка. В настоящее время живёт на малой родине. Первое стихотворение было написано Валитаром в 12 лет, а первая публикация была в газете «Знамя труда» Красногвардейского района, в январе 1979 года. В 2004 году в белгородском издательстве «Везелица» вышла первая книга – «Зов спасения». Затем в издательстве «РОСА» вышли его сборники «Ведрусский посох» и «Разгадка жизни».

Барометр души

Русских дорог обочина – барометр души человеческой.

И, если там есть червоточина, её, как рентгеном,
высвечивает.

Водители все очень разные, как профи – так и любители.

Для них мы и в будни, и в праздники словно в театре
зрители.

Правда, места все стоячие, но видно и слышно всё чётко.

И, коли напряг с удачею, то стой, отбивая чечётку.

И с этим степом асфальтовым наблюдаешь картину
времени,

Антракт здесь не обязателен, стой и смотри уверенно.

Увы, равнодушных тысячи! И это – не теорема.

И каждый их взглядом вычислит без особой проблемы.

И, глядя на лица и рожи, они легко различимы,

Барометр души итожит всё то, что необходимо.

Вывод – он всех касается: едешь ли, голосуешь...

Земля всё равно вращается, и ты это кожей чуешь.

И, если тот самый жареный петух клонет ниже кобчика,

Вспомни, как ты отчаянно не замечал на обочине

Стоящих российских граждан – нехорошо это, низко,

Знай, будет такое однажды, коль ты не помог своим
близким.

Тогда не реви белугой, шум ветра окрест заглушая,

Коль в жизни прослыл хапугой, не ждёт тебя участь
другая.

Русских дорог обочина, она не для всех заметна!

Но если в душе червоточина, «жареный» клонет
конкретно!

Татьяна СИНЕПУПОВА

г. Бирюч

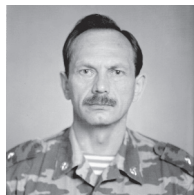
Жизни смысл

Жизни смысл у детской колыбели
Виден сразу – он незримо тут.
Ну, а если дети повзрослели
И своим путём уже идут?

Если жизнь как свечка догорает
И вдали виднеется закат?..
В послесловье слова не хватает...
Жизнь твоя – ведь это жизнь внучат.

Это дом, построенный тобою,
Это сад, взлелеянный весной,
Это те слова, что дарятся с любовью,
Это всё, что сделано тобой.

Что останется на память долгую потомкам,
Что не даст злословить о тебе.
Жизни смысл... Что надо сделать? Только
Добрый след оставить на земле!

Виктор ПЬЯНОВ

Гвардии майор ВВС СССР по-прежнему в строю... В совершенстве владея приёмами каратэ, самбо, рукопашного боя, он передаёт свои знания и опыт мальчишкам, и хочется ему, чтобы подрастающее поколение горячо любило свою Родину, которой и посвящены все его стихи, повести, рисунки... Ведь она так велика и величественна, наша Родина. Нужно только не забывать, что все мы – неотделимая часть её, зовущаяся русским народом... Живёт в г. Бирюч.

Детство

Я бегу по косограм
 В листьях сонных лопухов
 И рублю опять с разгона
 Шашкой грозных «беляков».
 А за поясом гранаты,
 Деревянный пистолет,
 Зубы в напряжение сжаты,
 У рубахи красный цвет.
 После боя на ромашках
 В небо синее смотрю.
 Сердце бьётся ещё чаще –
 Вижу белую стрелу.
 Истребитель мой любимый,
 Звёзды яркие горят,
 Реактивный, быстрокрылый –
 Я хочу им управлять.
 Вся душа летает птицей
 Выше солнца, облаков,
 День лучами золотится
 И жара как сто костров.

с. Валуи

Вера КОТЕНЁВА

Родилась в с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области. Работала библиотекарем. Автор поэтических сборников – «Большая любовь» (1996), «Деревенские сны» (1999), «Пути-дороги» (2003), «Ожидание» (2011). Соавтор книги по краеведению «Роговатое далёкое и близкое» и автор книги о Старооскольском железнодорожном узле «От «кукушки» до электровоза». В 2010 году стала дипломантом двух поэтических фестивалей – «Русская ярмарка талантов» (Старый Оскол) и Российского фестиваля женской поэзии «Бабье лето» (Новый Оскол). Член Российского общества современных авторов (РОСА). Живёт в г. Старый Оскол.

Ожидание

Мы торопим года,
Как в погоне коней.
В ожиданьи всегда
Мы того, что милей.
В детстве ждём – подрасти,
От опеки бежим.
Побыстрее отцвести –
Юных гонит экстрим.
Ждём любви, ждём чудес,
Нас влечёт больше даль...
Но прошёл интерес –
Томит сердце печаль.
От печали, тоски
Ускоряем свой бег.

Чудаки, простаки –
Догоняем успех.
«Когда кончится год»,
«Когда отпуск дадут»...
Окончанья черёд,
Окончания смут,
Ждёшь, чтоб день трудовой
Свой закончил разбег...
Ты ещё молодой –
Хочешь жить без помех.
Внука в школу ведёшь,
Но ещё не богат...
Будням гимн не поёшь,
Только праздникам рад.
Холод нам надоел,
Когда ж снова весна?!
...Волос вдруг поседел,
Нарушение сна...
Видно, старость пришла.
Ты ей, видно, не рад,
Только выбора нет.
Будь любезен же, брат,
Подари ей букет:
Из нежарких речей,
Из спокойных ночей,
Из внимательных глаз,
Из изысканных фраз,
Из неспешных минут –
Пока ты ещё тут.

Нила ЛЫЧАК

Родилась 3 июля 1951 года в г. Хмельницкий Украинской ССР. Окончила Хмельницкое медицинское училище. Работала старшей медсестрой. С 1997 по 2009 жила в г. Губкинский (Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская обл.). В 2009 году переехала в Старый Оскол. Член Союза писателей России, Конгресса литераторов Украины, кандидат в члены Российского общества современных авторов. Специальный корреспондент журнала «ЮНОСТЬ». Автор шести книг на украинском языке, семи – на русском, одной – на итальянском. Награждена дипломом и Юбилейной серебряной Тютчевской медалью Международного Пушкинского фонда «КЛАССИКА», медалью к 55-летию Союза писателей России, многими дипломами, грамотами, благодарственными письмами Союза писателей Москвы, управлений культуры городов Губкинский, Ноябрьск, Салехард, Муравленко. Книги представлены на Международной 10-й ярмарке интеллектуальной литературы Non/fiction (26–30.11.2008) и VII выставке-ярмарке народных художественных промыслов России «Ладья – 2008» (17–21.12.2008) в Москве. Проза, переводы, фотопозия, публицистика и поэзия опубликованы в альманахах, журналах, книгах и газетах Москвы, Салехарда, Губкинского, Киева, Хмельницкого, Старого Оскола, Екатеринбурга, Иванова. Провела 12 персональных фотовыставок: «Пред красотой Земли склоняюсь», «Златоцвет», «Отец, покажи ребёнку мир!», «Калейдоскоп улыбок детских» и др. В рамках Гоголевских дней в Италии, посвящённых 200-летию писателя, Нила Лычак приняла участие в презентации книги «Очарованные Сибирью», в пресс-конференции в администрации г. Рима, во встрече со студентами в г. Пезаро, Урбино, Венеции. Живёт в Старом Осколе.

Горний полёт

В аметистовом сумраке сочном
Пробираюсь поближе к лесам.
Там волокна серебряной ночи
Расстилаются по небесам.

В фиолет зарываюсь и прячусь
В лиловеющий кабриолет.
Синей звёздочкой я обозначусь
В небесах. Затаюсь на сто лет.

Облака караваном летели.
Раскудрявилась ночь по полям.
Замирает нейрон в сонном теле.
Мир общений – согласно ролям.

В зеркалах голубеющей ночи
Засияла звезды кисея.
Календарь указал сроки точно –
Промелькнула надежда моя.

Мой полёт именуется «горний»!
Сон жар-птицей сидит на руке.
И впотьмах разветвляются корни.
Розовеет заря вдалеке.

Зимы сеют снежинок приветы.
Миг, секунды в день новый текут.
Сквозь туманы, срывая браслеты,
Просыпаясь, ищу я свой путь.

Зоя БУЦАЕВА

Родилась 13 марта 1952 года в с. Капустин Яр Астраханской обл. Детские годы прошли в Липецке. По окончании Воронежского инженерно-строительного института в 1975 г. приехала в Старый Оскол, где живёт поныне. Работала инженером-теплотехником на различных предприятиях города. Член РОСА. Автор пяти сборников стихов. В 2011 г. принята в Московскую писательскую организацию.

Ёж и певчие птицы

(басня)

*Миру нужно песенное слово,
Петь по-свойски, даже как лягушка.*

С. Есенин

– Как ты неправильно поёшь! –
Сказал щеглу колючий ёж. –
Где нота «ля», где «соль», где «ми»?
Уроки пения возьми.
Я буду на дуде дудеть,
А ты – под эту дудку петь.
Плохие все вокруг певцы –
И канарейки, и скворцы,
Такой неграмотный народ –
Никто из них не знает нот.
Я пенью обучу их всех,
Нас будет ждать большой успех!
С тех пор идёт который год,
Никто в лесу том не поёт.
И даже наш щегол-мастак
Не смог подладиться никак.
Умолк лягушек хор в пруду,
И слышно лишь: «Ду-ду, ду-ду»...
Мы вывод делаем такой:
*У каждой птицы голос свой.
Известно всем давным-давно –
Под дудку петь им не дано!*

Вероника ДРОЖИЧЕВА*г. Старый Оскол***Листопад**

Листопад, листопад!
Листья в воздухе кружат.
И куда не кинешь взгляд –
Как узор, они лежат.
Лист зелёный, жёлтый, красный,
Посмотри, как всё прекрасно!
Вот резной листочек клёна –
Он теперь жёлто-зелёный.
Вот берёзы листик нежный,
Светло-жёлтый солнца луч.
Цвет зари багряно-красной
Занял тополь, дуб и вяз.
Это осени прекрасной
Краски яркие горят!

Нелли АМУНОВА

г. Старый Оскол

Другу

Памяти Э.Г. Бутанова

Ты ушёл не прощаясь, ушёл навсегда.
Снегом плакали сосны, качаясь.
И уже без тебя зажигалась звезда...
Почему ты ушёл не прощаясь?

Свет печальный струила луна на погост,
И мерцала звезда тусклой свечкой.
Вечер с ночью шептался, слетая с берёз,
На пригорке печальном за речкой.

Как в ночи поезда, пролетают года,
Светом фар боль мою освещая.
Как понять мне, что ты не придёшь никогда?
Почему ты ушёл не прощаясь?..

Антонина АЛЕКСЕЕВА

Родилась 30 ноября 1932 года в г. Новая Горловка Донецкой области. Отец был строителем железнодорожных тоннелей и шахт. Жили в Краснодаре, Сухуми, Тбилиси, Ташкенте, Нуреке. Закончила физико-математический факультет Тбилисского государственного педагогического института, Ташкентскую Высшую партийную школу ЦК КПСС. Работала преподавателем физики и математики, на различных ответственных должностях в профсоюзных, советских партийных органах. За добросовестный труд награждена тремя медалями и двумя знаками почёта. С 1994 года живёт в Старом Осколе.

Весна пришла

Ещё вчера повсюду снег лежал,
Но март пришёл – капелью зазвенело,
Растаял снег – ручьями побежал,
В лесах, в садах Весною всё запело.
А вот и первый дождь заморосил,
Ручьи и ручейки слились все в реки,
Деревья и кусты набрались сил,
Набухли почки и раскрыли веки.
Лист задрожал под ветром, зашумел,
Над лесом птичьи стаи закружили,
В округе щебет эхом пролетел –
Зверьё лесное птицы всполошили.
Подснежник подарила нам Весна,
А вслед за ним появится фиалка.
Сорвут её – красавица она.
Не удержусь и я, хоть очень жалко!

Ещё вчера повсюду снег лежал...

Марианна ВОЛОДИНА

г. Старый Оскол

Детство Марианны Володиной прошло в с. Шишовка Воронежской области на живописном берегу реки Битюг. В 1975 году она переехала вместе с родителями в г. Старый Оскол. Закончив политехнический институт, работала инженером-экономистом. Член Российского общества современных авторов.

Оля

Моя сестрёнка – просто Оля –
Мне не даёт давно покоя.
Читаю надпись на заборе:
«Моя сестра» плюс рядом – «Толя».
И написал же кто-то в школе –
«Любовь», а рядом с «Толей» – «Оля».
И мелом на футбольном поле:
«Тебя люблю я», подпись: «Толя».

Ну почему же, милый Толя,
Тебе мила лишь только Оля?
А ведь у Оли, право, Толя,
Есть и сестра не хуже Оли.
Так обрати вниманье, Толя,
Или купи очки, уж что ли.
А чем я хуже нашей Оли?
Пойду я глазки строить Коле.

Иду я дальше по дороге.
Записка мне летит под ноги.
В записке вновь в любви признанье,
Но для меня разочарованье.
И в той записке пишет Коля,
Что он мечтает лишь об Оле.
И предлагает встречу Коля:
«В кино пойдём со мною, Оля!»

Так что же, право, делать с Колей?
Пусть смотрит фильм с сестрёнкой Олей.
Любить не будешь поневоле.
У каждого своя ведь доля.
А я поеду на мопеде
И подмигну легонько Пете,
Пусть не скучает он о Свете,
Есть и другие на планете.

Так что же мне сказать в куплете –
Не оказаться бы в кювете –
Мы за любовь свою в ответе.
Дано любить не всем на свете.
Любить не будешь понарошку,
Судьба подставит вдруг подножку.
А за смирение – награда:
Пошлёт любовь, какую надо.

Тамара ДРОНОВА

Родилась в с. Огибное Чернянского района Белгородской области. По образованию воспитатель дошкольных учреждений. В настоящее время живёт и работает в Старом Осколе. Писать стихи начала в зрелом возрасте. Наряду с любовной лирикой и поэзией на православную тему пишет стихи для детей, которые вошли в методические разработки для дошкольных учреждений Белгородской области. В 2009 году стала дипломантом фестиваля женской поэзии «Бабье лето» в г. Новый Оскол. В этом же году вошла в десятку лучших на фестивале «Оскольская лира» (г. Старый Оскол).

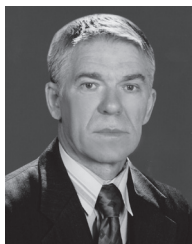
Под покровом Твоим

Под покровом Твоим православная Русь,
Ты в молитвах не будешь забыта.
С этим именем я ничего не боюсь,
Богородица – наша защита.

Твой покров – белый снег, Твой покров – благодать.
Дар небесный не сразу узнал,
Удостоился тот лишь дары получать,
Кто тебя в своё сердце позвал.

Пусть печален Твой лик, всех людей на нём грусть,
Ты молитвами беды отводишь,
Под покровом Твоим ничего не боюсь,
По земле ты незримая ходишь.

Православная Русь чистой верой сильна,
Ты в молитвах не будешь забыта.
И стоишь Ты на страже над всеми всегда,
Богородица – наша защита.

АЛЕКСАНДР БРАЖНИКОВ

Памяти Беллы Ахмадулиной

Родился
в 1951 году
в Старом
Осколе.
Закончил
художествен-
ный факультет
Курского госу-
дарственного
педагогическо-
го института.
Преподаватель.
Художник.
Поэт.
Живёт и
работает
в Старом
Осколе.

От слова до прикосновенья
Живой метущейся души,
Где радость, горечь и сомненье,
Где боль, надежда, возмущенье,
Жизнь не меняла на гроши.
Явилась, ангелом хранима,
Талантом Бог не обделил.
К себе самой непримирима,
Не балерина и не прима,
Пегас один ей богом был.
«Поэт» – звала себя ревниво
И, драгоценный дар храня,
Она несла сосуд красиво
И наполняла терпеливо
Стихами, полными огня.
Нет, нет, она их не читала –
Она, как сказочный родник,
Из сердца прямо извергала,
Бросала в дрожь и обжигала,
Казалось многим: шёпот – крик.
О, как вмещалась в плоти хрупкой,
В бездонном полумраке глаз
Любовь, летящая голубкой,
Чужая боль на сцене гулкой,
Гармония из чувств и фраз.
Да, есть ли смысл годами мерить
Земную жизнь – ей нет конца.
Свободен, кто не хочет верить:
Поэта сердце не измерить,
И что у смерти нет лица.

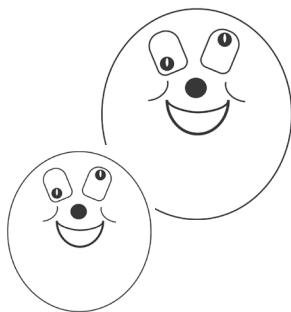

Павел ДЕЛИДОН

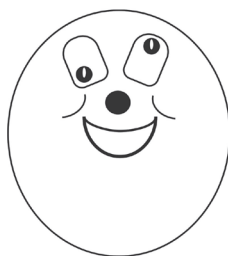
г. Старый Оскол

Войнушки

Ветер, Ветер, я – наёмник,
Не суди меня жестоко.
Как иголочек на ёлках
Воли взять мне где же столько?
Знаю, ты – хозяин прерий,
Мы сюда бестактно вторглись
За зарплатой, за карьерой,
Разрушаем твой простор весь.
Я – не враг, не конкистадор,
Тут бригадные гастроли,
Вот и я иду за стадом,
Ведь работаю в Газстрое.
Был здесь долго твой пустырь лишь,
Землю захвачу твою я,
Ты у нас тепло всё стыришь,
Будто бы всерьёз воюя.
Как в окопе, я в траншее,
Ведь тружусь в конторе газовой,
У меня к тебе прошение:
Сильно строго не наказывай.
Под твоим холодным залпом
Я сегодня целый день был.
Но при солнышке пузатом
Обещаю: скоро дембель.

АФОРИЗМЫ

Николай ШИЛОХВОСТОВ

Родился 27 июля 1946 года в рабочем посёлке Сузум Новосибирской области. Закончил Томский медицинский институт, Ленинградскую военно-медицинскую академию и философский факультет университета. 25 лет работал в армии полковым врачом радиологом-токсикологом. Главный радиолог оперативной группы гражданской обороны СССР по ликвидации последствий Чернобыльской АЭС. Награждён орденами «Знак Почёта» и «За службу Родине» III степени. Полковник медицинской службы. Служил в разных городах СССР и Польши. Афоризмы пишет с юности. В Старом Осколе живёт с 1996 года.

У живущего не напрягаясь
Мечта расслабиться
Живёт, не сбываясь...

Как ни обгоняй моду,
как за ней ни гляди,
Манекен –
всегда впереди...

Никогда так не стареешь,
даже с помощью
воображения,
Как в Новый год
и в день рождения...

У женской причёски,
даже соломенной,
Есть тайное желание –
быть сломанной.

Счастье – когда тебя поняли
и всё в твоём стиле,
Несчастье – поняли,
но не простили.

Мода – организованная эпидемия
вкуса среди больных безвкусием...

Родина – мать,
а в объятиях чиновника – мачеха.

Язык птиц знают избранные,
Язык свиней – все остальные...

Простая,
но странная новь...
Самогон – ОН,
а самогонка – ОНА...
Так выпьем же
За разнополую любовь...

Всё бесценное – у нищих в хатах,
Всё остальное – у богатых...

Тусовка – это мероприятие,
Где, кроме очередного тоста,
Говорят правду, а не проклятия...
Но после ухода каждого гостя...

Господа режиссёры,
молодые и с усами,
Свой секс, мордобой, убийства
смотрите сами...

ПРОЗА

Елена СОКОЛОВА

г. Кострома

КНИГА НА СЧАСТЬЕ

Хлопнула входная дверь. И, как это часто случалось в последнее время, сердце у Риты сжалось. От обиды, что Вадим снова пришёл почти в одиннадцать. От злости, что неизвестно где проводит часы после работы. От неприязни, которая поднималась с неведомого дна души, когда она, встречая его, ловила виноватый взгляд таких любимых серых глаз. Никогда прежде Рита не думала, что их отношения с Вадимом окрасятся подобными эмоциями.

А начинался их роман сказочно. Хотя они познакомились совершенно случайно.

В тот день, вернее вечер, Рита решила немного прогуляться. Предупредив мать, что немного задержится, она сначала прошлась по центру города, любуясь на то, как изменился он в последнее время, потом посидела на скамеечке около фонтана.

Работа бухгалтера, требующая аккуратности и внимания, девушке очень нравилась – ей всегда было проще разбираться в хитросплетении цифр, чем общаться с людьми. Это был минус, так как из-за своего характера она иногда чувствовала себя ужасно одинокой. И пусть родители деликатно молчали, – лишь мать, увидев на улице женщину с коляской, печально вздохнула, Рита и сама понимала – пора устраивать личную жизнь. Всё надо делать вовремя, и особенно – создавать семью. Сериал «Секс в большом городе» в очередной раз напомнил: после тридцати очень непросто познакомиться с мужчи-

ной, который хотел бы не только встречаться. Недавно ей исполнилось двадцать восемь, карьера складывалась отлично, а вот перспектива выйти замуж вдруг стала казаться недостижимой, как вечно ускользающий горизонт.

- Девушка, извините... - раздался неожиданно мужской голос.

«Неужели это мне?» - удивилась Рита, оглядываясь. В ответ на её нахмуренные брови молодой человек улыбнулся и пожал плечами.

Отшить наглеца, легко и беззаботно, как умеют некоторые девушки, у неё не получилось - нужные слова всегда приходили с опозданием, к тому же и молодой человек на наглеца не тянул. И он явно смутился под Ритиным суровым взглядом.

- Меня сегодня назначили начальником отдела, - сказал он. - То есть ещё не назначили. Объявят в пятницу, но всё равно... Может, Вы не откажетесь поужинать со мной?

Такого поворота событий, достойного дешёвой мелодрамы, Рита не ждала. Как обычно, правая бровь взлетела вверх. «Что же делать? - занервничала девушка. - Послать подальше или...» Однако ей, как назло, нравились мужчины этого типа, высокие, суховато-спортивные, с тёмными волосами и серыми глазами. Среди Ритиных знакомых таких, увы, не было.

- Вадим, - произнёс молодой человек и протянул руку.

Этот жест дружеского расположения огорчил Риту. Точно так же она расстроилась, когда однажды услышала, как шеф по телефону хвалит аналитический ум своего главного бухгалтера. И хотя девушка совершенно не мечтала, чтобы начальник вдруг увидел в ней не ценного сотрудника, а привлекательную женщину, однако задумалась: неужели для мужчин она - лишь товарищ, с которым можно посоветоваться по любому финансовому вопросу?

Вспомнился недавний разговор с матерью. Та, провожая дочь в отпуск, сказала, что совсем необязательно напукать на себя такой неприступный вид.

– Иначе ты никогда и ни с кем не познакомишься.

– А что, я должна вести себя доступно?! – возмутилась Рита, но мать возразила, что не стоит воспринимать её слова столь гротескно и что женщине надо выглядеть мягкой и покладистой.

– Пушистой кошечкой, – сыронизировала девушка.

И мать согласно закивала:

– Да, кошечкой, а не каменной скалой.

Тогда Рита пренебрежительно фыркнула, дескать, какая есть, такая есть, только потом всю дорогу мысленно спорила с матерью, напоминая той, кто её воспитал. Да и на отдыхе этот разговор вспоминался. Ну что ещё будешь делать, лёжа на горячем песке, как не думать?! К тому же в чём-то мать была права, потому что за дни, проведённые на курорте, к ней подошли всего два деда – любители молодых тел и бесконечных рассказов о внуках.

– Мы просто посидим в кафе. Вас это ни к чему не обяжет! – нарушил Ритины размышления Вадим.

– А Вам что, больше некого пригласить? – поинтересовалась она, злясь на саму себя и на глупые правила этикета, которые не позволяют женщине сразу же сказать «да».

Молодой человек ей всё больше нравился, и потому девушка совсем не хотела, чтобы он развернулся и оставил её мучиться над вопросом: правильно ли она поступила. К счастью, уходить Вадим не торопился.

– Получается, что некого, – признался он.

– Хорошо, – согласилась Рита, ужасаясь своей смелости. – Только за себя я плачу сама.

До кафе они дошли молча. Рите понравилось, как решительно направился к столику Вадим. Если бы выбирала она, то тоже выбрала бы этот, чуть в стороне и спрятавшийся за раскидистой пальмой.

Присаживаясь, Рита спросила:

– Вы здесь уже не в первый раз?

– В первый, – ответил Вадим и, улыбнувшись, добавил: – И девушек вот так никогда не приглашал.

Скрыв смущение за ширмой из меню, Рита попыталась сосредоточиться на заказе, но ей это не удалось. Когда она нервничала, то теряла над собой контроль.

– И всё-таки позвольте почувствовать себя мужчиной, – попросил Вадим. – Мы ведь не в Европе. И назначение – это почти как день рождения.

– Но я пришла на Ваш праздник без подарка, – возразила Рита.

– А что бы я сейчас без Вас делал? Сидел на кухне и жарил картошку?

Девушка развеселилась:

– Так Вы любите жареную картошку?

«Раз сам готовит, значит, живёт один», – подумала она. Это была хорошая новость. Ей, как любой нормальной незамужней девушке, было важно узнать, что понравившийся молодой человек не женат.

– А кто же её не любит? – засмеялся Вадим.

После разговора о картошке и о предпочтениях в еде Вадим принялся рассказывать о себе и о своей работе. Он не задавал вопросов, поэтому Рита, в конце концов, тоже разговорилась. И если она чего и начала опасаться, так это того, что, выйдя из кафе, они разойдутся в разные стороны. Но как, не потеряв своего лица, дать Вадиму номер телефона? Всё же, наверное, подруги были правы, ругая её за то, что она слишком усложняет жизнь. Только легко говорить: «Будь проще!», и совсем другое – написать на салфетке несколько цифр и непринуждённо протянуть её собеседнику. Это надо уметь. А Рита в отношениях с мужчинами, особенно с теми, к которым испытывала симпатию, всегда была стеснительной и неловкой.

После ужина Вадим пошёл её провожать. Почти всю дорогу девушка, в ожидании рокового «Пока!», молчала, хотя и понимала – это уменьшает шансы на то, что моло-

дой человек захочет ещё раз с ней встретиться. Но он, проводив её до двери, протянул свою визитку и сказал, что благодарен за чудесный вечер и что будет рад звонку.

Эти отвратительные условности, как они иногда портят людям жизнь! Целую неделю Рита мучилась, сомневаясь, уже можно звонить или ещё рано. Телефон притягивал девушку, словно магнит, а потому она была вынуждена придумывать себе разные отвлекающие занятия. Только вот беда – всё валялось у неё из рук. Мать, наблюдая за дочерью, как-то поинтересовалась: не случилось ли чего, и Рите пришлось врать, живописуя немыслимое количество работы в этом месяце.

Ровно через неделю девушка позвонила Вадиму, и он, подняв трубку, сразу же спросил: «Рита?!» И пригласил на субботу в театр. После этого Рите стало так легко и весело, что она закружилась, словно танцуя.

Они встречались три месяца. Вадим очень понравился её родителям. Но всё равно Рита удивилась тому, как легко они согласились на её переезд к молодому человеку. Мать даже задумчиво произнесла, что времена переменялись, а потом добавила:

– И вообще, взрослым детям надо жить самостоятельно.

Пожалуй, сомнений, верно ли она поступает, было больше у неё, чем у родителей. И то лишь потому, что одна из однокурсниц уже лет пять жила в гражданском браке, который через определённый срок женщин начинает тяготить.

И вот уже почти год они жили вместе. Ритины замужние подруги любили жаловаться на мужей, но девушка их не понимала. У них с Вадимом особых проблем не возникало. Конечно, иногда они ссорились и конфликтовали, но быстро мирились.

– Поверь моему жизненному опыту: вы – идеальная пара, – сказала однажды мать. – Такое встречается нечасто. Тебе повезло. Береги Вадима!

Повезло-то, повезло, мысленно согласилась дочь. Однако женщинам всегда хочется больше, чем они имеют. И теперь она мечтала о семье и о ребёнке. Ей и так уже скоро стукнет тридцать, поэтому откладывать рождение малыша было глупо.

И вдруг начались проблемы. Вадим явно что-то скрывал, по вечерам задерживался на работе, исчезал из дома в выходные. Вот и сегодня он пришёл поздно, и в его взгляде, брошенном на неё, Рита разглядела вину, поэтому вздохнула. Сейчас она, как вчера и позавчера, спросит его: «Ужинать будешь?», Вадим ответит, что уже поел, сходит в ванну и ляжет спать.

– Вот, это тебе, – смутился Вадим, доставая из сумки какой-то свёрток.

Девушка обрадовалась, не подарку, а тому, что ставший привычным ритуал наконец-то нарушен. Презент оказался большой книгой, которую Рита, словно школьница, гадающая на судьбу, распахнула наугад и не глядя ткнула пальцем в страницу. Палец показал на рецепт приготовления щей. От обиды потемнело в глазах. Значит, Вадим считает, что она плохо готовит? Это она-то?! Которая ради любимого проводит на кухне всё своё свободное время. А завтра он принесёт ей руководство по сохранению молодости?! Скажет, уже пора. Это ведь мужчины в любом возрасте хороши, а женщины с годами теряют свою привлекательность.

– Уходи, уходи немедленно! – закричала Рита и, увидев в глазах у Вадима недоумение, запустила в него книгой.

Щёлкнул замок. Девушка осталась одна. Тут же, в прихожей, она опустилась на пол и зарыдала. Это был конец, конец её семейной жизни и надежде на счастливое будущее. Никогда прежде с ней такой истерики не случилось. С детства Рита привыкла прятать эмоции глубоко внутри. И вот теперь сорвалась и даже выгнала Вадима из его собственного дома. И о чём она сегодня кричала? Что любит его и ненавидит, что верила ему больше, чем себе, что хо-

тела родить сына, похожего на него, но что у них ничего не получается, так как они друг друга не понимают.

Выплакавшись, Рита встала, подняла книгу. Этот последний подарок она возьмёт себе, а все прочие – оставит. Книга в её руках сама собой открылась на измятых страницах. Холодные закуски. Иногда ей хотелось восторженно завизжать, броситься на шею к Вадиму и прошептать: «Я тебя люблю!» Но она не могла, словно её душа была застёгнута на незримую молнию. А вот и помявшиеся страницы с салатами – Рита с нежностью погладила их, стараясь расправить. Каких только экзотических салатов они не попробовали в летнем круизе! Отдых получился замечательным, таким же волшебным, как первая поездка в детстве к морю. А какие великолепные иллюстрации, особенно в разделе по приготовлению тортов!

Иногда Рита сама удивлялась, с каким удовольствием она теперь занимается хозяйством, совсем так же, как когда-то в нежном возрасте. Но ей до того нравилось кормить Вадима, что она частенько, тайком от коллег выискивала рецепты в Интернете. Так вот почему он принёс эту книгу! А она, как дура, вместо того, чтобы обрадоваться, накричала на него. И ведь ничего не исправишь, вышлеснутых сгоряча слов не вернёшь. Впрочем, это и к лучшему – раз Вадим даже не попытался сказать что-либо в своё оправдание. И не расстроился. Наоборот, как ей показалось, обрадовался.

Вздохнув, Рита захлопнула книгу. Нужно было спешить, чтобы уйти до возвращения Вадима. Представить, как она посмотрит ему в глаза, девушка не могла.

Рита чувствовала себя виноватой и в то же время была обижена на Вадима. И боялась вновь сорваться. Но как будешь собираться, если не знаешь, за что братья, а в глазах стоят слёзы? Тогда она сунула в сумку злополучную книгу и вышла в прихожую. Уже открыв дверь, Рита оглянулась. И тут хлопнула дверца лифта. Это он, вздрог-

нула девушка, это Вадим. Она не хотела с ним встречаться, однако судьба распорядилась иначе.

– Выходи за меня замуж. Я люблю тебя, – попросил Вадим.

И недоумевающая Рита, повернувшись, увидела сначала огромный букет своих любимых хризантем, а затем – сияющее лицо Вадима.

Утром они вместе вышли из дома. Вадим, как обычно, подвёз Риту на работу. Перед тем, как выйти из машины, она призналась:

– Когда ты ушёл, я подумала, что между нами всё кончено... Что ты никогда не вернёшься...

– Я тоже думал, думал, что ты меня не любишь...

– Но почему? – удивилась Рита.

– Потому, что человек не всегда понимает, как к нему относится другой человек. И начинает себя накручивать.

Поцеловав Вадима, Рита пообещала:

– Я больше не буду скрытничать, честное слово!

– А я, если появятся сомнения, буду спрашивать!

Вечером, чтобы отметить помолвку, Рита с Вадимом договорились встретиться в том самом кафе, где были в день своего знакомства. Их столик оказался занят, поэтому они сели за другой и долго смеялись, так как пришли каждый со стопкой книг, только что купленных.

– Ты тоже взял «Психологию семейных отношений»?!
– смеялась Рита, сравнивая свои приобретения с книгами Вадима.

Они долго веселились, а потом решили, что будут беречь своё счастье от недомолвок и недопонимания, будут искать и находить общий язык... И неважно, с чьей помощью: родителей, друзей, психологов или книг.

Владимир КАЛУЦКИЙ

г. Бирюч

ПРИРУЧЕНИЕ ДРАКОНА

«Реальна угроза поглощения Китаем большинства российских пространств, потому что противостоят жёлтому дракону нечем. Где искать противоядие этой экспансии?»

Газета «Южный край», 12 июня 2010 года

Константин Спафарий, посланник царя Фёдора Алексеевича в Китае, возвратился из Поднебесной со странной русской рукописью. Он нашел её в таможенной избе у ворот Канбалька, где ждал императорского разрешения на право предстать перед его высокие очи. Тягучими декабрьскими днями в Китае Спафарий, дабы не терять времени, изучал окрестности столицы, а однажды вечером прямо в избе, за пучком струганных лучин, и обнаружил рукопись. Несколько дней московский посланник читал труд незнакомого предшественника, и когда грянул час дипломатического приёма, он уже был во всеоружии, ибо в старой рукописи перечислялись все препоны посольского дела в Китае. Записки помогли Спафарию удачно обойти возможные неприятности и исполнить волю московского государя Фёдора Алексеевича.

По возвращении в Москву и после отчёта по Посольскому разряду Спафарий испросил монаршего соизволения отправиться ради отдыха на родину, в Валахию.

Получив таковое, он упрятал канбалыкскую рукопись в дорожную шкатулку и отбыл к югу.

Однако приставленный к сановнику посольский дьяк очень удивился, когда Спафарий велел отклониться от дорожного предписания и заехать в порубежную крепость Валуйки. Это самый южный фас тогдашнего Московского государства, знаменитая Белгородская засечная черта.

Стоял спелый август, самый порог осени. От Оскола к сановному поезду приставлена казачья стража, есаул со служивыми в четырнадцать глаз стерегли окрай дороги вдоль всего околоречного пути. Валуйки встретили Спафария церковным звоном по случаю медового Спаса, и сам воевода Григорий Дмитриевич Кобяков распахнул перед ним свой терем.

Но времени у Спафария на разносолы не было, и он, после штофа медовухи, попросил воеводу устроить ему встречу с Фёдором Исааковичем Байковым.

Начальник крепости нисколько не удивился такой просьбе, потому что именно Байков в порубежье имел славу крупного государственного человека. «Да только, – посетовал Кобяков, – нет ныне Фёдора Исааковича на Валуйке. Всё лето живет он на своей пасеке, в Полатовом городке. Это вам назад, как есть, возвращаться. Да тут недалеко, дюжина вёрст всего. Только ведите себя сторожко – там места глухие, раскольничьи».

Мог бы и не предупреждать. Время тогда было такое – Россия ещё не оправилась от церковного раздора: в ином городе приходской иерей поет славу Богу по никоновскому образцу – в другом местный поп расшибает лоб с двоеперстным крещением. Военные команды рыщут по городам и весям, сурово секут раскольников – да кто ж на Руси кнута боится?

С тем же оскольским конвоем повернул Спафарий назад, к северу. Чуть влево отклонились от Оскола, пошли

по глухим лесным просекам. Карета скрипела, закатываясь высоким узорным колесом в дорожные ухабины, и кони то и дело рвали жилы, приседая в натугах на задние ноги. Кучер притих, давая коням волю выбирать шаг.

К вечеру добрались до Полатова городка. Солнце уже зацепилось за новенький крест деревянной церквушки, и рябой пастушонок-свинопас тоненькой хворостиной указал:

– Вона теремок колдуна Исайки. Тока собаку там не дразните, а то она пчёл растревожит. Злочие – жуть!

С опаской подъехали к «теремку». Хороший дубовый дом на самом краю единственной улочки городка. Невысокие ворота со столбами, тёсанными в виде бородастых лесных леших. Калитка вровень с воротами и с ручкой на манер древесного корня. На улочке пусто. Спафарий выбрался из кареты, размял члены и опасливо застыл, не успев распрямиться. Прямо перед ним невесть откуда появился громадный дымчатый пёс. Он прикрывал путь к калитке, хотя озлобленности в нём не было. И пока кучер с козёл приноравливался, как бы потянуть собаку кнутом, калитка приоткрылась.

Вышел похожий на лешака мужик. Стал, подпёр столб, и стало трудно отличить изваяние от живого бородача. Потёр переносицу и скрипуче спросил:

– Н-ну?

Спафарий распрямился, отряхнул кафтан:

– Фёдор Исаакович, сын Байков?

– Н-ну!

Спафарий опасливо поглядел на собаку:

– Пригласил бы в дом, хозяин.

Леший перемялся с ноги на ногу:

– А я тебя звал?

На улице стали появляться зеваки. Сельский малолеток-дурачок в рваньё потянул Спафария за полу кафтана:

– Дай пряник, ухажор!

Кучер потянул мальчика вдоль спины кнутом. Тот взвыл, сел рядом с собакой и высунул язык. Вельможа заторопился, увидев в конце улочки священника в чёрной разлетайке. Начинать с ним распрю о вере не хотелось. Спафарий пристально глянул в глаза лешаку и внятно сказал:

- Привет из Канбалыка.

Тонкой холёной рукой лешак взялся за корень калитки, повернул его:

- Заходи.

Ухоженное подворье со службами, по дальнему краю полянка с высокими грибками-ульями. Там два пасечника чадили дымарями. Высокое крыльцо с узорными столбиками перил, деревянным кружевом придверных косяков. Дальше - комнаты по обе стороны прохода, прямо - теремная горница. На полу дерюжные коврики, по восточной стене - иконы. Крепкий дух морёного дуба. Все добротное и обстоятельно. Хозяин плотно сел в деревянное кресло с высокой спинкой, кивнул головой на другое, по ту сторону невысокого стола с подсвечником на три лапы:

- Сейчас служка медку поднесёт. Так, Канбалык, баешь?

И Спафарий заговорил. Он рассказал о своём посольском деле в Китай и о том, как в таможенной избе нашёл рукопись Фёдора Исааковича. Вельможа достал из дорожного баула старые бумаги и развернул их на столе. Лешак щёлкнул пальцами, служка сдвинула в сторону чашки с мёдом и от фитилька зажгла все три восковые свечи. Сумрак сразу сгустился в горнице, и запахло ладаном. Фёдор Исаакович брал по одному листы, разглядывал их на свету и на просвет:

- Так что тебе непонятно, Константин Стефанович? Я всё ровными русскими буквами написал. А оставил записки в таможенной избе затем, что прятал от китайских чиновников. Уезжал столь скоро, что извлечь запи-

ски никакой возможности не было... Мне ведь тогда от богдыхана письмо передали для Алексея Михайловича. Привёз то письмо на Москву – а там его прочесть некому. Вот и попал я в царскую немилость – он меня и низверг назад, на Валуйку. А семь лет назад, по зрелости лет, оставил я службу и перебрался сюда, в Полатов городок. Живу бобылём, но с прислугой. Осталась отрада – пчёлы да мёд. А тебе-то что до меня, господарь?

Спафарий мягко повёл языком по краю сладкого от мёда уса, досадливо развёл руками:

– Через тридцать с лишним лет нашли толмача – прочли богдыханово послание. И тут же поручили мне посольское дело в Китай. Там твои бумаги мне крепко помогли. Да вот незадача, Фёдор Исаакович, – не закончена твоя записка. А я хотел её в Европе на латынь перевести да тиснуть в типографии. Там ведь, в Европах-то, и поныне про Китай сказки рассказывают.

– Да я уж позабыл всё...

– Э-э, нет, – протестующе поднял руку Спафарий. – Мне вот непонятна история твоего посольского батюшки Иллариона и буддийских монахов. В записках всё обрывается на том, что его позвали в монастырь для знакомства. Чем там всё закончилось?

Байков коротко дунул на свечи. Окна белёсыми пятнами выдавали за окном ночь.

– Поздно теперь, – сказал хозяин. – Тебе постель в почивальне. А людям и караулу спать за домом под навесом. Ты теперь отдохни, а я пройду в светлицу и напишу пару страничек в концовку рукописи. Утром соберёшь все вместе – да и поняй с Богом. Только вот незадача – бумага у меня старая, в дырах. Нет ли у тебя двух листочков? Вот и добро. Покойной ночи тебе, господарь.

...Поутру продрали горло петухи, разбудили солнце. Спафарий проснулся бодрый и здоровый, пощурился

на золотое окно. Потом склонился на стол. Несколько белых листочков аккуратно лежали рядом со старой рукописью.

Ещё только начал одеваться – вошёл рябой служка. Отвесил поклон:

– Боярин велел кланяться на дальнюю дорожку. А сам он теперь на лесной деляне – валежник на дрова миру отмеряет. Велел не дожидаться...

И поставил на стол глубокую деревянную плошку с мёдом. Рядом поставил кувшин молока и положил небольшую краюху ржаного хлеба.

– Ступай! – Спафарий прыгал по горнице, норовя попать ногой в штанину панталон (чёртов европейский костюм, кой дурак делает модой носить его при дворе?), потом затянул тесёмку на голом животе, сел к столу. Потянулся было к краюхе, но любопытство пересилило – взял бумажный лист. Выведенные ровным почерком привыкшего к письму человека, там лежали строки новых записей Фёдора Байкова. Спафарий забыл и про рубаху, и про мёд, и про всё на свете.

«Како шли мы посольством от государя Алексея Михайловича к богдыхану в Канбалык, – читал Спафарий, – тако в землях башкирцев вселился бес в нашего попа Касьяна. Сподвигся Касьян в никонианскую ересь и хотел к присяге по новому образцу принудить меня, посла и людишек моих. Ну – мы Касьяна и выгнали взащей. А быть попом велели дякучернецу Ларивону. Этот Ларивон в Писании ушлый и волосьми длинен, как всякий духовный. Потом в Кяхте у тамошнего епископа Михаила рукоположили Ларивона по древнему уставу, да с тем и пришли к воротам Канбалыка.

Как уже писал я – заключили всё посольство под стражу в таможенной избе до особой воли богдыхана. Хотя ходить не лишали, а позволяли бродить окрест. Мовы мы их китайской не разумели, но вот скоро Ларивон

привёл монгольца, и монголец тот на все языки горазд. Но китайского нам не раскрыл в испуге перед бамбуковыми палками. И тот монголец просил моего позволения для Ларивона сходить с ним в монастырь-дацан познания тибетской веры ради. Я отказал, но Ларивон уверил в своей твёрдости православной и пользе для посольства от его хождения в монастырь затем, чтобы уличить лжеверие их. Я отпустил, а через две недели Ларивон вернулся. При посольском стряпчем и монгольце я учинил Ларивону спрос под присягой. И вот что он поведал.

У них-де, тибетцев, многое устройство по христианскому духу. И храмы золочёны, и молитвы долги, курение кадильное. Шесть дней постигал я их устав монастырский, а на седьмой призвал меня перед собой настоятель – лама по-ихнему. Жёлтыми ризами повит, спросил он меня, Ларивона:

– Нашёл ли различия в наших верах, пришелец?

Ответствовал я, что почти нет. Что любовь и добро одинако обитают в наших монастырях и сердцах и делить нам нечего, а токмо едино укрепляться в Боге.

И долго лама спрашивал жизнь наших монастырей и мира православного. Потом сказал:

– И впрямь веры похожи. Но вот скажи мне, пришелец, – а какие единоборства укрепляют православных монахов?

И я растерялся было. За неделю видел упражнения их с длинными палками и ножами. Но почитал за глупую забаву. Но лама назвал единоборства сутью тибетской молитвы.

И я не нашёлся, ответствовал с поклоном:

– Нет в наших монастырях единоборств, владыка.

Но лама не поверил, перебрал чётки:

– Не бывает так, монах! – сурово на меня надвинулся и поднял руки. – Думай!

И тогда я взял на себя грех. Я сказал:

– Есть у нас одно единоборство. Если тебя ударили в левую щёку – подставь правую.

И долго молчали лама и монахи. Потом лама спросил смиренно:

– А дальше?

– А дальше – победа, – осмелел я.

Лама больше ещё потух и спросил ещё тише:

– Всегда?..

– Всегда! – уже твёрдо сказал я, почуяв присутствие Господне.

Лама руки уронил и опять надолго замолчал. Потом ласково глянул на меня и признался:

– Ваша вера сильнее. Всякие единоборства тут бессильны.

С тем лама и отпустил меня.

И монголец подтвердил Ларивоновы слова, а я хотел занести их в свои записки. Но через час наше посольство грубо выставили из таможенной избы, нас втолкнули в наши же дорожные дрожки и под строгой охраной вывели до Кяхты.

На Москве Ларивона заключили в кандалы за самоубийство. А меня государевым указом водворили на валуйское воеводство опальным порядком».

Спафарий дочитал и с удивлением обнаружил в руке кусок горбушки в меду. За чтением слопал всю плошку. Вельможа присовокупил свежие странички к старой рукописи, закатал в трубочку и обвязал льняной тесемкой. Потом вышел в полутёмный коридорчик, принёс оттуда огарок горящей свечи. Неторопливо и привычно из коричневого сгустка сургуча вылавил на верёвочку кляксу печати и точным движением приложил к ней печатку своего роскошного перстня. Отныне рукопись Байкова становилась государственным документом.

Спафарий снял со спинки кресла свою белую рубашу в кружевах и начал облачаться в кафтан. Через полчаса на крыльцо вышел бодрый и строгий вельможа в европейском платье и громко хлопнул в ладони:

– Лошадей, челядь!

Забегали, засуетились по двору дорожные люди, оскольская охрана сверкнула на солнце бердышами. Скоро из ворот двора отставного посла выпорхнула шестерка лошадей Спафария. Колесная спица светлого лака на миг мелькнула, близнув по лицу одинокого человека у калитки, и деревянный стук сочленений дорожного экипажа скоро затих за лесным поворотом.

Человек отряхнул чёрный подрясник и сказал, подняв лицо к небу:

– Опять робость одолела, Господи! А вот хотел государеву человеку ябеду подать на Байкова.

Широко перекрестился человек и пошёл прочь.

* * *

Утверждают, что спустя год «Записки Фёдора Байкова» были изданы в Европе и пользовались большим успехом у читателей. Об этом есть запись в словаре Брокгауза и Ефрона. Но мне найти следов этого издания не удалось. Зато в 1862 году в «Древней Вивлиофике» у издателя Сахарова к книге «Сказания русских людей» записки эти помещены полностью. Причём помечено, что странички с описанием путешествия отца Иллариона в буддийский монастырь есть поздняя вставка. Хотя выполнена она, по словам издателя, самим автором «Записок» Фёдором Исааковичем Байковым.

г. Бирюч, февраль 2011 года

Антонида МИЛОВАНОВА

г. Старый Оскол

Родилась 20 декабря 1948 года в Алтайском крае. По окончании школы уехала в Таджикистан на Всесоюзную ударную стройку – Нурекскую ГЭС. Окончила педагогическое училище в г. Душанбе, работала воспитателем в детском саду г. Нурека. Переехала в Старый Оскол в 1993 году. Инвалид I группы по зрению. Самостоятельно научилась читать и писать шрифтом Брайля. Стихотворения и рассказы печатались в различных газетах и альманахах.

ВАСИЛЬКОВАЯ ДРУЖБА

Ударная комсомольская стройка была в самом разгаре. Мы строили знаменитую на весь мир Нурекскую ГЭС. Городок был небольшой, уютный. Для нас любимый и красивый. Был он многонациональный, молодёжный. Ни родителей, ни бабушек, ни дедушек у нас практически не было. В городе создавались новые семьи, да и на стройку приезжали зачастую уже семейные пары.

Дети в городе действительно росли как грибы. Поэтому основной проблемой города стала нехватка детских учреждений. Особенно яслей и детских садов. Нельзя сказать, чтобы их не строили. В маленьком городке было три огромных школы и пять садов-комбинатов. Группы в них были переполнены больше, чем в два раза.

Но не все садики были снабжены спальными комнатами. Так что после занятий воспитатель забирал полсотни детей на прогулку, а нянечка в ускоренном темпе должна

была поставить полсотни раскладушек и застелить их постелями. В общем, скучать нам в таком круговороте было некогда. Отработав на полторы ставки и добравшись домой, своих детей могли назвать чужими именами.

Много сил отдавалось экскурсиям, утренникам, учебному процессу и, конечно же, многочисленным проверкам и комиссиям. Даже при огромном желании у нас, у сотрудников садов, не было возможности заниматься индивидуальной работой с каждым ребёнком. Тут хотя бы вернуть вечером родителям их детей живыми и здоровыми. Попробуй углядеть за ними. У тебя пара глаз, а у них – сто, да ещё сколько шкод и озорников. До сих пор удивляюсь, как меня и мои группы эти беды и неприятности обходили стороной.

В наш детский сад № 3 «Василёк» (на городских праздниках наши дети отличались пилотками василькового цвета) ходил глухонемой мальчик, и звали его Дима. Пока дети были в младших группах, его недуг был для них не слишком заметен. Но, как только подросли и перешли в старшую группу, для Димки начался настоящий кошмар. Его стали часто обижать и мальчики, и девочки. А воспитатель и нянечка не всегда могли заметить его горе. Ведь он плакал беззвучно. Конечно же, беседовали с ребятами, убеждали их, но эффекта было мало.

Для Димы и его мамы настали тяжёлые времена. По утрам они на территорию садика заходили понурые и поникшие. А помочь им было практически невозможно. В городе не было ни спецгруппы, ни специализированного садика. Бедный Димка забивался в уголок и терпеливо ждал маму.

В этой же группе был и мой Виталик. Вот его никто никогда не обижал. Все свои проблемы он решал сам, буквально с ясельной группы. Он никогда не бегал с жалобами, хотя я работала воспитателем в другой группе, на этом же этаже. И как-то незаметно случилось так,

что Виталик взял Диму под свою опеку, вернее под своё «крылышко».

И началась у Димки другая жизнь. Он был по-своему счастлив, потому что уже никто и никогда не смел его обижать. Ведь иначе обидчику пришлось бы иметь дело с Виталькой. А был он не слишком разговорчив. Букву «р» не выговаривал до самой школы. Также до самой школы не умел завязывать шнурки на ботинках.

На прогулки, экскурсии и занятия группа ходила парами. Обычно Виталик первый стоял в строю с развязанными шнурками, заняв место для Димы. А Дима был медлительным, но он знал, что друг занял ему место в первой паре. Одевшись сам, Дима подходил к Виталику и завязывал шнурки на его ботинках.

Никто не мог проникнуть в их мир. Никто не знал, как они понимают друг друга. Они были неразлучны. Сидели за одним столом на занятиях и во время еды. Их раскладушки стояли рядом во время тихого часа. Если кто-то жаловался, что его обидел Виталик, а воспитательница пыталась урезонить обидчика, ответ Виталика был чётко и ясен: «Пусть не трогает Димку. Димку нельзя обижать». Если защитнику всё же не удавалось избежать наказания и его отправляли на отдельный стульчик или в угол, Дима становился рядом. Он понимал – другу досталось из-за него. А если они были вместе, то их уже ничего не огорчало. Они умели общаться беззвучно.

Однажды, как обычно, после рабочего дня мы подошли к автобусной остановке, на которой было много народа. Вдруг из толпы к нам метнулся Димка. Оказывается, он с мамой тоже ждал автобуса. Димка кинулся к Виталику с такой бурной радостью, будто расстался с ним не полчаса назад, а минимум полгода. От Виталика он подбежал снова к маме, пытаясь ей что-то объяснить. А она стояла растерянная и расстроенная, что не в силах понять сына. Дима не переставая пытался добиться

своей цели, бегая от мамы к Виталику и обратно. От бес-
силія мальчик готов был расплакаться. Виталик стоял с
гордым достоинством, ведь он понял, чего хочет Дима. Я
наклонилась к нему и шёпотом спросила, чего он хочет.
Виталик застенчиво улыбнулся и сказал: «Он объясняет
маме, что я его друг. Он хочет нас с ней познакомить и
подружить». Я пояснила эту ситуацию Диминой маме.
Тогда она подошла к моему Виталику, обняла его, тем са-
мым показав, что она хорошо относится к другу её сына,
уважает и одобряет его выбор. А когда она из сумочки
достала и дала им по конфете, Дима, в бурном востор-
ге, протянул мне свою конфету. Он сиял от счастья. А с
каким восторгом и любовью он смотрел на свою маму!
Он всей детской душой был благодарен ей за понимание
его чувств. Мальчики так и стояли, взявшись за руки, до
прихода автобуса. Окружающие, наблюдая счастливо за-
кончившуюся сцену, дали возможность им первыми под-
няться в автобус. Они уселись на любимое ПАЗиковское
сиденье, возле шофёра. А Виталик, достав свою конфе-
ту, разделил её пополам с другом, так как забрать у меня
конфету назад Дима не согласился. Они улыбались друг
другу. Весь мир был для них светел и ясен. Они любили
жизнь. Им было хорошо в своём, понятным только им
двоим, в этом сложном, замкнутом мире.

Однажды, во время прогулки, когда детей построили
заводить в группу на обед, обнаружилось исчезновение
«закадычной» пары. Получалось, что с участка ушёл
Виталик и увёл с собой Диму. Фёдоровна, воспитатель
их группы, подбежала ко мне в панике. Да и панико-
вать было из-за чего. Наш детский сад был расположен
на перекрёстке всех дорог. Со всех четырёх сторон нас
окружали дороги с выездами на главную улицу города,
снабжённые крохотными тротуарами. Но и это ещё не
весь ужас. Всего пара домов в противоположную сторону
от детского сада отделяла нас от крутого, обрывистого и

опасного берега горного ледяного Вахша. Вахш мчался с такой силой и скоростью, что порой, в тишине, можно было слышать, как он ворочает огромные валуны, перекатывая их по дну. И конечно, когда случалось «ЧП» подобного масштаба, в первую очередь бежали на берег Вахша.

К счастью, на этот раз мы и испугаться по-настоящему не успели, потому что и на сей раз Виталик держал ситуацию под контролем. Как только группа двинулась на обед, он тут же понял, что и им с Димой пора возвращаться. По всей вероятности, он не выпускал детский сад из вида. Когда группы стали покидать веранды – значит, пришло время обеда. Шли мальчишки действительно со стороны Вахша. Виталик крепко держал Диму за руку. А свободной рукой жестикулировал и что-то увлечённо объяснял. Димка не сводил восторженных глаз с рассказчика. Временами они приостанавливались и любовались каким-то сокровищем, находившимся у Димки в руке. Налюбовавшись содержимым руки, двигались дальше. Я попросила Фёдоровну: «Не наказывай ребят. Дима не виноват, а с Виталиком дома поговорю сама».

Дима бережно держал в руке большущего жука – объект их исследовательской экспедиции. Вид у них был такой счастливый, будто они действительно совершили открытие мирового масштаба. Они просто светились и сияли от радости. Весь мир им казался в этот миг добрым, чистым и надёжным. Ну как можно было их наказывать? Димка смотрел на Виталика с таким восхищением и восторгом за то, что Виталик подарил ему сказку наяву. Возможно, самую красивую за всю его глухонемую, нелёгкую шестилетнюю жизнь.

Пётр НЕМЦЕВ

г. Старый Оскол

ГОД С ДВУМЯ ПЯТЁРКАМИ

Папа с мамой нас с нетерпением ждали. Событие для них надвигалось весьма важное: осенью им придётся отдавать меня к кому-то на постой для обучения в семилетке, так как я окончил начальную школу, а мой брат Витя перешёл в её четвёртый класс.

Не успели переступить порог дома, как папа спросил:

– Ну, сыны, как там вас оценили? Показывайте-ка свои бумаги.

В моём табеле были все четвёрки, кроме тройки по истории и пятёрки по физкультуре.

– Ну! Всего одна пятёрка, притом по физкультуре: сила есть – ума не надо! И почему тройка? Ты что, историю одолеть не можешь? Тройка – это всё равно, что двойка, бестолочи! Сколько вам говорить: учишься на три – и жить будешь на три.

Я стоял, опустив голову, не смея слова сказать.

– А здесь что? Да тут одни тройки! – Папа сурово взглянул на Витьку. – О-о-о, и даже двойка по пению! Понятно – Шалапиным тебе не быть, но хотя бы рот открывал! Эка невидаль – короб троек! Ах ты, рухман узколобий!

«Ну, быть беде!» – подумал я, а Витька как в рот воды набрал.

– На-ка, матка, посмотри! Мы с тобой пластаемся в жару и холод на поле да дома суетимся, а они там, в тепле и уюте, баклуши бьют, подлецы! – Папа подал маме табели и продолжил негодующе:

– Я вам что говорил?! Учиться надо как следует: ведь нынешний год и то с двумя пятёрками! А где ваши? Вы что, скотниками, пастухами хотите стать, быкам хвосты крутить? Так это я быстро устрою! Марш во дворе чистить, прохвосты!

Нас как ветром сдуло.

Двором называли стайку домашнего скота. А почищать её – дело привычное. Мы были рады, что так легко отделались. Но Витька всё же спросил:

– Что это за год такой, с пятёрками?

– Не уловил, что ли? – Я написал щепочкой на земле: «1955». – Вот папа и... – а дальше уже не знал, что и сказать.

Пока чистили навоз во дворе, напрочь забыли о своих «успехах», об упрёках папы, о его наказах и назиданиях – всё скатилось как с гуся вода. Мы с головой ушли в летние каникулы: успевали огороды полоть, рои караулить, мёд качать, купаться и в прятки играть. Приближалась сенокосная страда...

Но мамин брат дядя Витя сенокос начал раньше нас, да ещё и с нашей помощью. Одному на стог сена надо махать косой целую неделю, а когда хором – один день, и трава в валках. Человек он был весёлый, к тому же бывший моряк. Как не помочь соседу по пасеке, шутнику, балагуру и певцу. Папа, мама и я были уже у него на покосе в семь утра.

И косарей собралось семеро: четыре мужика и три женщины, включая маму. Друг за другом, ряд за рядом, к полудню они выкосили две трети покоса.

Я водил коней на водопой, перевязывал их на новый выпас, подносил женщинам квас и мужикам медовуху, которая у нас называлась просто пивом. «Петьша, тащика пивка, чтобы плечо развернулось шире дедова», – кричал дядя Витя, когда его одолевала жажда. Мужики дружно одобряли его желание.

Женщины косили наравне с мужиками. Папа, чтобы дать маме передохнуть, послал её к нам домой, якобы по-

полнить запасы пива с закуской. Она взяла меня с собой. Я обрадовался: без Витьки на покосе было скучно. Быстро сбежал за конем, заседлал его, и мы спокойно поехали на свою пасеку.

За дом мама не беспокоилась. Так уж повелось: в отсутствие родителей здесь хозяйничала старшая сестра Нина. Она убиралась в доме, присматривала за младшей Зиной и водилась с малышкой Ольгой. Дошкольница Зина помогала ей как могла. Витька, наверное, слонялся из угла в угол, скучая без меня и, как всегда, уклоняясь от «женской работы».

Лошадка торопилась домой, её не нужно было подгонять. Однако, не дойдя метров двести до пасеки, она ни с того ни с сего резко метнулась в сторону, зафыркала, высоко задрав голову, и попятилась назад. Мы чудом удержались в седле. Мама с трудом успокоила лошадь и испуганно спросила:

– Что это было?

– Не знаю! Ни зверя, ни птицы не было, – промямлил я маме.

– Может, сусетку испугалась, которая по ночам лошадям гривы в косы плетёт?

– Да ну-у! Неправда всё это! А может, змея укусила? – в свою очередь спросил я.

– Всё может быть... – задумчиво промолвила мама и замолчала.

Испуг прошёл и как-то сам по себе забылся, когда приехали домой. Я расседлал коня, отвёл его в стайку, дав охапку травы. Мама перемолвилась с Ниной и прилегла отдохнуть, а Нина с Зиной продолжили хозяйничать по дому. Мы с Витькой уединились в старой избушке, сени которой служили кладовкой, а сама избушка – столяркой. Где и с кем была малышка, я не помню. Скорее всего, крутилась возле Нины и Зины.

В сенях наше внимание привлёк папин велосипед со спущенными колёсами, немецкий «Диамант», блестящий никелем. Кататься на нём мы не умели, поэтому

осваивали азы езды вдоль стены, не обращая внимания на состояние колёс.

Уступив по очереди велосипед Витьке, я достал из папиного тайника мелкокалиберную винтовку. К стволу был привязан чёрный мешочек с патрончиками. Папа ходил с этой малопулькой на рябчиков, а потом прятал как неучтённое нарезное оружие. Витька оставил велосипед и присоединился ко мне. Мы долго рассматривали её, целились и стреляли вхолостую, передёргивая затвор.

Папина тайна заморозила нас и превратила в «метких стрелков» по кринке с молоком. Не раз выгаскивали жёлтенькие патрончики со свинцовыми пулями, досылали их затвором в патронник, намереваясь сделать настоящий выстрел, да так и не осмелились.

Я разряжал малопулюку, Витька ловил патрончик. Потом Витька разряжал, я ловил.

Наконец положили винтовку в тайник от греха подальше и вышли на улицу. Кругом стояла какая-то особая тишина, даже привычного пчелиного гуда пасеки не было слышно. Пылал полуденный зной, и, похоже, всё живое от него попряталось. Появилось желание искупаться...

Мы пошли к речке, и тут тишина лопнула! Лопнула от моего вскрика: на кладках стояла Нина и трясла тельце сестрёнки с безвольно болтающимися ручками и ножками.

– Ольга утонула! – бухнула Нина, увидев нас, и приглушённо захныкала, продолжая трясти девочку.

– А чё трясешь-то? – вырвалось у меня, понявшего издалека ужас случившегося.

– Воду надо из неё вылить...

Нас охватила жуть, сковал страх: что скажем папе с мамой?! Поразило и неестественное состояние Олечки.

От безысходности Нина понесла девочку в дом, а мы, безвольные, провожали обоих взглядами. На крыльце их встретила мама и как-то сразу обмякла, скукожилась...

Когда немного пришли в себя, стали обсуждать, как это могло произойти. Скорее всего, Оля пришла на реч-

ку, поскользнулась на кладках и упала в запрудку, которую мы каждое лето сооружали для купания. В ней нам было по пояс, ну а малышке...

Как на грех, рядом никого не оказалось. «Вот её Господь и прибрал», как сказала бы бабушка Пистимея, будь она рядом с нами. Кстати, позже она именно так и сказала.

Нина не могла больше одна переживать свалившееся вдруг на неё горе и пришла к нам на речку. Мы, стесняясь друг друга, глушили в себе слёзы, потому и не плакали напоказ.

– Расскажи, как всё было, – попросил Нину.

– Я заправила кровати, потом тихонько протёрла пол, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму. Хватилась – Олги нет! Пошла искать. Смотрю, на воде нашей купели что-то белеет. Подошла поближе – о боже! Да это же Оля! Спина пузырём, голова, ручки, ножки повисли под водой. Прыгнула в воду, схватила – и на берег...

Мама не решилась послать кого-либо из нас к косарям, но и одной было жутко ехать. Она взяла с собой меня. Тяжкий груз горестной вести давил на нас. Что было дальше по дороге, я не помню. Очнулся от забытья, когда мама, подъезжая к косарям, закрыла ладонью глаза и заплакала. Они все застыли, опёршись в недоумении на литовки. Папа тревожным голосом высказал догадку:

– Что-то случилось...

Как все снова оказались дома, тоже не помню. Мы с Витькой держались в стороне, в дом не заходили, пока не приехала врачиха. За ней стогнял дедушка Корнилий, мамин отец. Вот тогда мы и зашли в дом. Оля лежала слева от русской печи на койке, прикрытая одеялом. Врачиха откинула его, осмотрела тело, проговорила про какие-то трупные пятна и выразила нам своё сочувствие. Далее подробности опять потонули в слезах и в горечи трагедии...

Зина нашла меня в кустах. Я сидел и плакал в одиночестве по своей любимой сестрёнке. Из всех в семье Оля почему-то в любимчики выбрала меня, как репей привя-

залась ко мне, ходила только рядом со мной, не могла заснуть без меня, да и называла как-то по-особому: ПЭТЯ!

Мне потом рассказывали, что если она не видела Пэтью, то ходила по дому, разыскивала и спрашивала всех: «А где Пэтя? А Пэтя где?» Там, в кустах, Зина, сама ещё малышка, утешала меня, старшего брата. Так и осталась жалостливой и доброй на всю свою жизнь...

Похороны были самые простые, какие могут быть в многодетной крестьянской семье. Не было криков, воплей, стенаний и безутешных рыданий, каждый с мокрыми глазами делал своё дело.

Папин отец, дедушка Семён, строгал доски для гробика в столярке. На носу у него изредка появлялась слеза и капала на верстак. Я и Витя молча наблюдали за его работой. Сколотив гробик, дедушка принялся за крышку. Подгоняя её к корпусу, прищемил себе палец, тихонько тюкнул матом, а потом напустился на нас:

– Зачем речку запрудили? Видите, что натворили! Сломать всё к лешему! – И выгнал из столярки.

Плотину мы так и не разобрали. Убежали в лесок за речкой, где чуть ли не с младенчества играли и развлекались, лазая по деревьям, качаясь на них и строя под ними избушки из пихтового лапника. Здесь, под пихтой, папа уже вырыл могилку, потом стесал топором часть её ствола, выдолбил стамеской восьмиконечный крест, покрасил его зелёной краской и под ним написал: «Оля. 1955 г.»

– Вот тебе и год с двумя пятёрками, – шепнул мне на ухо Витя.

Я изумился: «Действительно! Надо же, вспомнил! Да так вовремя и к месту...»

Вместе с папой зашли в дом. Гробик с телом стоял уже на столе. Под белой подушечкой – стружки, в руках покойницы – маленькая бронзовая иконка и горящая восковая свечка. Олечка была уже не наша: лицо восковое, глазки плотно закрыты, губки сжаты и... полная неподвижность! Бабушка в углу перед иконами напевно читала старинную церковную книгу в кожаной обложке с

застёжками. Она, как бы напутствуя, провожала душу малышки к Богу. Зачем он забрал к себе такую маленькую девочку, мы так и не поняли.

Закончив читать, бабушка долго творила молитву наизусть, потом взяла распятие, подошла к Олечке и трижды перекрестила. Мама заплакала. Бабушка подошла и к ней, приложила распятие ко лбу и тихо сказала:

– Не печалься, дочь моя. На всё воля Божия: Он дал, Он взял. Верь Ему искренне, и ты воссияешь от щедрот Его. Аминь!

Началось прощание, все обступили Олю, мы с Витькой от этой церемонии ушли на улицу...

Гробик, уже закрытый крышкой, нёс дядя Витя. Я ещё подумал тогда: «Сорвали мы ему покос...» За ним шли папа с мамой, дедушки, бабушки, ещё кто-то и мы, четверо ребятишек. А ведь ещё в полдень нас было пятеро!

Папа верёвками опустил маленький гробик в могилку, он стал ещё меньше и белее в глубокой тёмной яме. Нас заставили бросить по горсточке земли – крышка загудела от падающих комочков.

Соорудив земляной холмик, папа подправил его лопатой и с последним хлопком по нему заключил, ни к кому не обращаясь:

– Недогляд!

Сказал... и ушёл домой непокорным, но сердитым. Буквы «д», «г» и «л» как-то особо выделились в этом слове и резанули душу кинжалом вины перед погибшей.

Прошёл месяц, а то и больше, после несчастья. Мы уже свыклись с трагедией, стали забывать печальное событие, как оно снова дало о себе знать через Маматиху, телятницу фермы Стрижная Яма, куда мы каждый день, отмеряя три километра в один конец, ходили в школу.

В этот день она пришла к нам за луком и, сидя на скамейке у печи, разговаривала с мамой. Большими толстыми губами Маматиха выговаривала слова с присущим

только ей особым вкусом скорее для форса, чем по безграмотности. На ферме эта баба слыла отъявленной матюжницей. Но у нас она не выражалась, потому речь её была косной и неуклюжей.

- Ну, и что же это за сон такой? - повторила мама свой вопрос, прерванный приходом отца.

Мы наострили уши: разговор перешёл в необычное русло.

- Иду этта я к вам на пасику, уже речку пирихажу. Глижу, Олинька бижить. Пытаю иё: «Куды этта ты тилипашь, деточка?» Ответила как взрослая: «Ухажу я от вас, насовсем ухажу...» - и побегла к бани. Я ишо подумала: «Можить, абидил хтой?» - и проснулась. Думаю: к чиму бы етто...

- А когда это было? - снова спросила мама.

- Ды кады? Дей-то за ниделю, как ей усопнуть.

Мы внутренне возмутились: знала и не сказала! А тут и мама вспомнила поведение лошади как знамение. Да и за месяц до этого с ней случай в бане был: «Уже голову помыла, как вдруг почувствовала, что рядом кто-то есть: свет от коптилки на стене тень выказал! Онемела я, кричать не могу, но мысленно спрашиваю: «К худу или к добру?» «К худу!» - почувствовала ответ. Накинула халат и бегом домой».

«Перегрелась!» - заключил папа, глядя на нас.

Если ещё учесть вой собаки весной да пение курицы петухом (это мы сами слышали), то получается, что всё время кто-то старался предупредить нас о надвигающейся беде, но мы так и не обратили внимания на эти «предостережения». На душе стало ещё больней, чем прежде. А Маматиха разошлась и понесла всякие небълищы. Мы впервые услышали о вещих снах, о худых приметах, о знамениях и пророчествах. Папа не выдержал и бросил в сердцах:

- Ну, хватит плести околесицу всякую! Раскаркалась, ворона!

- Дык я вить этта...

– Нечего теперь душу беречь да чушь молоть! – отбрил он её и вышел вон, сильно хлопнув дверью.

Наступило неловкое молчание. Маматиха засуетилась и засобиралась домой. Тут и Нина зашла с охапкой зелёного лука. Мама вручила её «вороне» и заплакала:

– Ну почему ты не пришла и не предупредила нас?

– Дык, кабы знать! Хтой знал, штой так буде... – и ушла по-воровски, тихо, мышкою.

Вошёл папа, увидел плачущую маму и ещё более разгневался:

– Вот дьявол принёс заразу! Шептуны чёртовы, мракобесы! – и навалился на нас:

– Просмотрели, суккины сыны! Пороть, вас, собак, надо нещадно! Ну я вам щас дам жару! Где мой широкий ремень? – И стал высматривать его на вешалке. Он не раз хаживал им по нашим спинам.

Батю прорвало! Надо было бежать: быстро, мгновенно, молниеносно! Мы и сами не поняли, как очутились в кустах. Но осуждали не папу, а Маматиху: мол, пришла, всколыхнула боль вины перед погибшей и ушла. Что теперь будет? Ведь выпорот, как пить дать выпорот!

Однако пронесло, слава богу!

На могилу ходили редко. Она служила молчаливым укором нашей беспечности. А мистические суеверия папа из нас всё же выбил за гадание по фигурам застывшего воска в воде. Много тогда мы его попортили, расплавляя и выливая в запрудку речки.

Что касается папы с мамой, они так и не смогли смириться с потерей малышки. Уже в июне следующего года (теперь уже с одной пятёркой) в нашей семье появились сразу «две пятёрки»: братик и сестричка, Игорёк и Олечка. Имена взяты из стихотворения о вещем Олеге. Учила Нина, а запомнил папа:

Князь Игорь и Ольга на холме сидят,
Дружина пирует у берега.

Двойняшки стали нашей гордостью, почти полностью затмившей недавнюю трагедию. Папа с мамой «воссияли от щедрот Господних». Вместо четырёх нас сразу стало шестеро! Позже родился седьмой, и последний – это Лёва. Мы долго были «великолепной семёркой», пока не разъехались кто куда.

Прошло много лет. Я тридцать один год не был на нашей пасеке. И вот снова здесь! Увидев места нашего детства, ощутил себя Петькой тех лет.

От пасеки ничего не осталось, а остальное жило и без нас. Речка как текла, так и течёт, только очень заросла береговой травой. От запрудки и следа не осталось – это речка постаралась во время своих весенних разливов. Лесок за речкой стал лесом. Могилку обозначила пихта, выросшая вместо рухнувшей с крестом на стёсе. Дерево уже и по диаметру, и по высоте было точно таким же, как и бывшее.

Драматическое событие на речке воспринималось теперь по-иному – это преклонение перед отцом, перед его неверием в предрассудки, знамения, приметы. Последующая жизнь показала естество смерти, сопровождающееся нелепостью, неожиданностью и беспощадностью. Ни при чём здесь и годы с пятёрками, знамения и предрассудки. Это доказала наша «великолепная семёрка»: Нина – Петя – Витя – Зина – Игорь – Ольга – Лёва, понёсшая существенные потери в последние годы.

Виктор Лаврентьевич, например, – мой неотлучный спутник детства, – почил вечным сном на шестьдесят третьем году жизни, причём при абсурдных обстоятельствах. Споив брата, наркоманы превратили квартиру бобыля в свой притон. Виктор начнёт «возникать» – они ему бух стакан. В конце концов ему стало плохо. Приковылял в лениногорскую горбольницу с жалобой на сердце, но ему отказали в приёме из-за отсутствия на руках страхового медицинского полиса. Сестра милосердия, зациклившись

на новых правилах приёма больных, так милосердия и не проявила. Брат вышел из больницы, присел у входа на скамеечку и умер...

Совершенно неожиданно на шестьдесят первом году скончалась от рака костей наша белокурая в детстве сестрёнка – Зинаида Лаврентьевна. Мы считали, да и в народе говорят: рак у детей пчеловодов невыносим. А оказалось...

Моё мнение – влияние многолетней работы в «почтовом ящике».

Наш последний Лев Лаврентьевич без вести пропал в начале октября 2009 года, в сорокадевятилетнем возрасте. Он проживал в Москве, вышел из дома и не вернулся. Жена подала в розыск. О нём до сих пор ни слуху ни духу. Похоже, столица поглотила его бесследно.

Всё это вызывает в душе протест, бунт против устоев беспредела, равнодушия, чёрствости и бездеятельности многих чиновников власти, местной милиции, медицины и прочих организаций. С другой стороны, может, они и ни при чём, а виновато Провидение, свободно распоряжающееся судьбами подданных. На этот счёт во мне живёт своё мнение:

Ловушки нам на жизненном пути
Господь расставил и велел идти.
Никто не знает, как их обойти.
Пусть бrenно тело, душу бы спасти!

апрель 2011 года

Борис НОВИЧИХИН

г. Старый Оскол

РЕКВИЕМ ДЕТСТВУ

1

Оркестр играл прощальный марш. Уже несколько дней наши воинские части шли с запада в сторону Воронежа. На селе поговаривали об отступлении и скорой оккупации. Но как-то особенно остро запахло несчастьем с момента этой торжественной невесёлой мелодии.

Войска двигались по Большаку близ нашего планта. Я с соседскими ребятами бегал смотреть невиданное ранее зрелище. Но остановка грузовика с музыкантами в открытом кузове была недолгой. Оркестр удалился, а я с ребятами продолжал наблюдать за отходом наших войск.

- Зачем они отступают? - возмутился Ерка Ерошкин. - Вооружены до зубов, даже против танков ружья несут, а отступают...

- А нас немцам на съедение оставляют, - подхватил Вовка Чебуркин, - совесть у них есть?

- Цыц, мелюзга! - авторитетно вступил в разговор Колька Тюрин, - что вы понимаете? Чтобы врага победить, надо заманить его в ловушку... Читали про французов в двенадцатом году?

- Не... Нет... Не читали, - слышались неуверенные голоса.

– То-то! – твёрдо сказал Колька, – надо знать историю. Кутузов французам даже Москву отдал, а через год погнал их аж до Парижа. А наши дальше Дона не пойдут. Закрепятся на левом берегу, а Воронеж не отдадут. Зимой же погонят немцев восвояси. Вот увидите!..

Возразить Кольке было нечем, и мы молчали. Потом Ерка вспомнил про оркестр.

– Лучше бы им дали винтовки и автоматы. Была бы польза! А трубами немца не испугаешь...

– Что ты понимаешь, цуцик? Ты видел, как ходят в психическую атаку?

Спорить с Колькой было бесполезно. Не только потому, что был он старше любого из нас на два-три года. Он много знал, и все мы против него были просто невежды.

– А слышал, что играл оркестр? То-то! Это был марш «Прощание славянки». А почему играли этот, а не другой марш? Не знаешь? То-то! Они хотели вам, дуракам, сказать, что оставляют нас ненадолго и скоро вернуться.

– Мало играли, – сожалел Вовка, – я уже забыл музыку.

– Приходите вечером ко мне во двор. Я сыграю вам марш на гармошке, – пригласил всех Колька.

2

Дома я застал тётю Фросю с Толиком. Между нею и матерью шёл какой-то серьёзный разговор.

– Куда я с коровой и двумя детьми, – говорила мать. – У тебя один Толик, и тот ровесник Бориса. Да и деньги по аттестату какие-никакие, а у вас будут. А я с трёхлетним Юркой как справлюсь? Лучше уж здесь помереть, чем идти на погибель невесть куда.

– Корову можно продать...

– Да кто ж её сейчас купит?.. И как мы без коровы? Ни молока, ни картошки, ни денег, помрём с голоду как пить дать.

– Борис, ты куда пропал? – переключилась на меня мать. – Про Милку совсем забыл? Весь день взаперти – голодная...

Я удалился. Сказал ждавшему во дворе Толику: «Может, завтра приду» – и пошёл выпускать из сарая корову. В тот день возвратились мы с пастбища раньше обычного. Мать была недовольна. Я постарался не попадаться ей на глаза и при первых звуках гармошки за дорогой побежал к Кольке.

Он сидел на пеньке за покосившимся плетнём своего двора. На коленях – выдавшая виды старая хромка. Колька старательно восстанавливал мелодию «Славянки», но получалось как-то не так.

– Мне бы трубу из оркестра... – виновато произнёс он, увидев меня, – ну ничего, щас отдохну, а завтра освою, будь я не Колькой Тюриным.

Он привычно перешёл на весёлые нотки и заиграл «Мотаню». Стали собираться ребяташки. Ерка пришёл с каким-то незнакомым пацаном. Потом Вовка Чебуркин. Из соседнего двора неожиданно выпорхнула девчонка. Она, как ветер, ворвалась в нашу компанию. Как солнце, обожгла меня своими лучистыми глазами. Голова моя закружилась, я сел на примятую траву и неотрывно смотрел в её сторону. Даже забыл, зачем пришёл к Кольке. С этого момента я перестал видеть вокруг. Не было ни Кольки, ни других ребят.

Коля, Коля, на гармонии
Ты сыграй, а я спляшу.
Отложить дела на завтра
Мамку Веру попрошу.

С появлением девчонки Колька заиграл ещё веселее. Было так или мне привиделось, что Колька горел глазами, взирая на Настю, и пальцы его двигались по клавишам автоматом.

«Если бы его заставить играть что-то другое, а не привычную «Мотаню», он наверняка бы сбился», – подумал я. Потом долго пытался воскресить в памяти, кто же первый из ребят произнес имя «Настя»? Но так и не вспомнил. Оно появилось вместе с нею. Вроде и другого быть не могло. Узнать это имя было проще простого: каждый паренёк в этот вечер повторил его не раз.

Необыкновенным было это имя. Но ещё необычнее была изумительная, огромная Настина коса ниже пояса. Да и вся её девичья фигура, фигура уже сформировавшейся девушки. На вид была она ровесницей Кольки. Ростом я оказался выше неё. Но Колька почему-то обзывал меня «жердью». Хотя его я в росте пока не обошёл.

Остаток этого вечера прошёл как в тумане. Час ли, два слушал я Колькину музыку и Настины частушки? Кажется, он что-то ещё играл. Кажется, и Настя что-то ещё пела. Я покинул их только в сумерках, когда до меня дошли настойчивые призывы матери, которая меня давно искала.

3

– Снова приходила тётя Фрося, – сообщила мать, – опять уговаривала эвакуироваться. Я окончательно решила не уходить. Разве что куда-нибудь поблизости на самое смутное время. Как ты думаешь, можно ли нам всё оставить: и корову, и курочек? Всё оставить, а самим потом зубами щёлкать...

Я соглашался, тем более появился у меня в этот день ещё один повод не покидать родные места.

На следующий день по селу поползли слухи, что на станции Курбатово жгут зерно. Курбачи, все, у кого ноги ходят, тащат, сколько могут, делают запасы. Я, как обычно, весь день был на выгоне с Милкой. Возвратившись к исходу дня, застал дома весёлую компанию. В гостях у нас впервые были Маня с Танькой, внесшие разнообра-

зие в Юркину скучную жизнь. Играли в догонялки, и трёхлетний Юрка был ключевой фигурой. Он не только сам развлекался, но и развлекал всех. Даже уставшая мать оживилась, глядя на то, как Юрка постоянно закатывается от хохота по поводу и без повода. Догнал и поймал Таньку – захохотал. Не догнал и не поймал никого – захохотал ещё звонче и радостней. А мне казалось: чему тут радоваться?

– Тётя Паша ушла в Курбатово, – сообщила мать, – девочек оставила у нас, а Олю отнесла к Насте. Ты им не мешай, пусть играют, я корову подою.

Потом все ужинали молоком, которого Милка наша давала вдоволь. Его всегда и на всё хватало, кроме сметаны и масла. Потому что молоко было настолько постным, что походило на снятое.

Тётя Паша возвратилась поздно. Рассказывала:

– Все склады с хлебом горят – не подступишься. Зерно подожгли со всех сторон. А там, где не сильно горит, – охрана не допускает. Я говорю одному: «Разве я для немцев набираю. Трое детей – полгода хлеба не видели. Забыли, какой он с виду»... Разрешил... Пуда два набрала.

– Как же ты дотащила?! – удивлялась мать. И я тоже удивлялся. Тётя Паша была маленькой, худенькой женщиной. Как говорят, кожа да кости.

После поджога зерна ни у кого не осталось сомнения: наши решили оставить местность и скоро здесь будут фашисты.

В эти дни, когда властям было уже не до нас, а немцы ещё не пришли, многим, особенно курбачам, удалось сделать немалые запасы. Они пригодились в тяжёлое время оккупации и многих спасли от голода. И не только запасшихся, но и тех, кто не имел палёного зерна, но мог предложить что-то в обмен. Натуральный обмен стал в почёте, деньги потеряли ценность. Самой ценной оказалась соль, которую нынче называли бы валютой, а тогда бедные женщины называли ласково – «солюшка». Хлеб,

зерно, мука любого происхождения оставались в самом большом почёте. От запаха дыма избавиться было невозможно. Но на ценность такого хлеба дым не мог никак повлиять. Другого просто не было.

4

На следующий день тётя Фрося прибежала днём. Сообщила, что побывала в ближайшем хуторе Гнилом у тетки Мархуты, дальней нашей родственницы, и договорилась пожить у неё на время оккупации или хотя бы пока всё успокоится.

– Это дело другое, – согласилась мать, – в Гнилой мы и корову возьмём, и картошку, на первый случай, всё с голоду не помрём.

Наметили уходить завтра. Но такой скорый отход как-то сам собой не получился. С утра мать решила «напоследок покормить курочек». Было их всего три без петуха. Но «зёрнышка» негде было взять, и она готовила для них мешанку из мятой картошки с рубленой крапивой. Потом для нас кашу варила. Рано нас с Юркой будить не стала. Дала выспаться:

– Неизвестно, что нас ждёт на новом месте...

Да и дела со сборами в дорогу не закончила. Мне же наказала после завтрака попасти корову.

– Только на выгон не гони, я туда не докричусь. Дальше оврага не уходи. Я потом позову, – наказала она.

Я рад был такому наказу. Светил шанс увидеть Настю, которая часто пасла свою козочку в овраге. Но Настя так и не появилась. Мать со сборами затянула до обеда. Позвала, когда солнце забралось высоко и жарко стало не только мне, но и Милке, которой к тому же стали докучать мухи.

Когда мы с Милкой возвратились, мать усадила меня и Юрку за стол. Перед нами был редкий, можно сказать

царский обед: по два варёных яйца, по большому куску хлеба и кружке молока.

Быстро уничтожив свою долю, я задремал прямо за столом. Видно, изрядно разморило июньское солнце, да и за столом через окно оно продолжало меня допекать. Очнулся от того, что вокруг всё тряслось и дрожало. Непривычный грохот и шум, звенели стёкла окон. А мать сильно трясла меня за плечо:

– Борис, очнись! Быстро побежали в бомбоубежище! Некогда спать! Скорей, скорей...

Она подхватила Юрку на руки и за двери... Я за ней. Через дорогу перебежал, опередив их на несколько метров. Спрыгнув в бомбоубежище, увидел многих наших соседей и... Настю. Я сразу преобразился. Страх тут же исчез и больше не появлялся во всё время бомбёжки.

Убежище было открытым. Это был обычный окоп, чуть выше моего роста. Его вырыли женщины и дети при подготовке к налётам. Бабы скрывались в нём, сидя на земле и на корточках.

Бомбёжка вскоре прекратилась, и мы увидели в небе над собою два самолёта: один большой немецкий бомбардировщик с чёрными крестами на корпусе, второй – в два раза меньше, со звёздочками – наш «ястребок». Наш заходил то сбоку, то сзади врага, но тому удавалось выворачиваться и не допускать начала атаки. Однако «ястребок» вскоре отогнал его от села, и мы их больше не видели.

Осмелевшие бабы и дети постепенно разбрелись по своим избам. В тот же день стало известно о сельских потерях. Первую весть принесла бабка Дуня. Её надрывный голос послышался ещё из-за нашего порога:

– Ой-ёй-ёй, люди добрые, – голосила она, – щё делаться, как жить-та теперя. Половину хаты как корова языком слизала. Как мы с Катериной живы, остались один Бог знаить, – продолжала она, уже переступив порог хаты.

– Маруся, милая, Танюшку убило Натальину, ровесницу твоего Борьки.

– Ох-хо-хо! – вздохнула мать. – Как же теперь Наталья?

– Одна Наташка осталась. Фёдор на хронте, третий месяц писем нету...

Позже узнали о гибели ещё и Лидии Ивановны – жены школьного учителя, который также был в армии. Из сельчан будто кто-то ещё был ранен.

У военных потерь не было. Оставшиеся в селе немногочисленные войска были размещены в лозниках. Видимо, вражеский самолёт или самолёты не заметили их с воздуха. Мать, напуганная бомбёжкой, в тот день отменила эвакуацию и перенесла её на завтра.

5

Встали и вышли рано. Мать вела корову на поводу за верёвку, намотанную на рога. Я с хворостиной должен был погонять Милку и следить за Юркой и грузом. На бедной корове была совсем не малая ноша. С одного боку почти полный мешок картошки, с другого – постель и ещё какие-то вещи и сумки. Надо всем этим верхом вышпался Юрка. Ему это, видно, доставляло немалое удовольствие. Но мать всю дорогу напоминала, чтоб я не забывал за ним следить: «Как бы он не слетел с коровы».

Милка с большой неохотой шла в неизведанные края. Груз также ей явно не нравился. Мать натягивала верёвку, а корова часто совсем останавливалась и мычала, выражая своё недовольство. Для меня Милка не была чужой. Я всегда её жалел, редко применяя хворостину. Да и по сути не бил её никогда, а больше пугал, размахивая прутом в воздухе, едва прикасаясь к животине. Вдоль малоезженной дороги всюду зеленела трава, и это тоже останавливало нас с коровой.

Гнилой был лесом, ближайшим к селу. Название ему дали пни, которые во множестве находились здесь по-

сле порубки и гнили. Жители села, что жили близ Белой горы, запасались дровами на зимы из Гнилого, превращая деревья в низкорослые кустарники. Они узкой полосой вдоль лощины тянулись на несколько километров к хутору, располагавшемуся в конце леса и в отдалении от села. В хуторе было всего три двора. Один из них – бабки Марфы – стоял у самого леса, а два других – поодаль, вдоль заросшей травой хуторской дороги, шедшей в соседнее Нижне-Турово.

Лес возле хутора был совсем не гнилым. Здесь росли высокие дубы, осины и другие деревья. Порубки встречались нечасто. На полянах хватало травы. И это очень обрадовало нас с Милкой. При таком обилии корова вряд ли будет бегать и у меня будет много времени для других дел.

Тётя Фрося с Толиком ждали нас уже второй день. Начали расспросы: что да как? Они ушли ещё до бомбёжки.

Толик поманил меня во двор, к сараю, где хрюкал поросёнок. Он приоткрыл дверь и вытащил из тёмного угла ту самую сбрую, которую использовал ещё на селе. Он был большим выдумщиком. Связав несколько ремней и веревок, сделал из них сбрую, похожую на конскую упряжь. Попробовал запрячь козу. Не подошла. Тогда он запряг поросёнка. Оседлав его, он прокатился от избы у Белой горы почти до колодца в низине, куда люди ходили за водой. Поросёнок тогда его сбросил, возвратился домой, где в сбруе увидела его хозяйка. Она устроила скандал тёте Фросе. Не знаю, как удалось Толику снять и zapрягать сбрую. Но её, точно её, я увидел на хуторе.

Вместе с ней лежало и его другое изобретение: деревянный пистолет с дулом из медной трубки. Толик сказал, что самопал заряжен. Но чем заряжен и как это удалось ему, пояснять не стал. Он тут же предложил испытать пистолет, удалившись от дому в лес. Я согласился, и мы вскоре оказались в сотне метров от нашего нового жилья.

Толик долго возился, зажигая спичкой порох в дуле пистолета. Наконец это ему удалось. Он прицелился в ближайшее дерево.

- Отойди в сторону, - сказал мне.

Самопал глухо выстрелил, но трубка, прикрученная проволокой к корпусу, оторвалась и полетела в обратную сторону от цели. Она вцепилась загнутым концом в живот Толику, оставив пятно на майке. Под майкой на теле остался красный прямоугольник. Я не воспринял всерьёз это оружие и мечтал о другом, более серьёзном, настоящем автомате.

Дня через два после нашего новоселья на хутор дошёл слух, что село заняли фашисты.

- Хорошо, что мы вовремя ушли, - говорила тётя Фрося.

- А если сюда придут? - отозвалась мать. - Что мы скажем, если спросят: зачем мы здесь?

- Что им, немцам, тут делать?

Через неделю хуторяне увидели немецких мотоциклистов. Они проехали не останавливаясь. Но внесли большую тревогу во взрослый мир. Даже бабка Марфа забеспокоилась:

- А что если фрицы начнут пытаться, что за люди тут живут?

Мать набралась смелости и решила пойти в разведку на село. Без нас и без коровы это было проще. Ушла она в конце дня, рассчитывая добраться в сумерках, заночевать дома или у бабки Дуни, а утром вернуться назад.

Эту ночь, всю ночь напролёт, я не сомкнул глаз. Не то чтобы сильно переживал за мать, ушедшую в занятое фашистами село... Да, волновался. Но не так уж очень. Свою родительницу я считал сильной и боевой женщиной. А главное, практичной. Всегда реально и здраво смотревшей на жизнь. К тому же ей всегда хватало ума

и осторожности выходить без особых потерь из самых сложных ситуаций. А их было, ой как много в военные годы! Больше всего я переживал за Настю. «Как она там? – думал я. – Если мы здесь в Гнилом, без немцев, постоянно опасались за свою жизнь, как же ей там, при фашистах? Немцы, наверно, всюду и на дорогах и во дворах, и в хатах. И требования свои предъявляют».

Я много слышал о зверствах фашистов на оккупированных территориях. Репродукторы ещё в начале войны у нас отобрали. Но пропаганда наша работала. И через газеты, и через почтальонов слухами земля полнилась. Я переживал сильно и за девочек Маню и Таню, и за своих друзей Кольку и Ерку, которых оставил на селе. Но это были не такие сильные переживания, как за Настю.

Ещё всю эту ночь мне не давали покоя её прикосновения. Я просто ощущал на своих руках, шее и поясице её нежные девичьи руки. Воспоминания были ещё свежими и настолько реальными, что спустя десять дней от её прикосновений сильно кружилась голова.

Вспомнил как во второй половине дня, после бомбёжки, я побежал к девчонкам сообщить о нашем уходе из села. Неизвестно, надолго ли такое расставание. Как часто случалось и раньше, их мамки с Олькой дома не было. Манька с Танькой сидели в сенях возле открытого погребца, а перед ними лежал металлический противень, заполненный румяной аппетитной картошкой. Я был приглашен к трапезе. Ел с удовольствием, так как такой деликатес случилось испробовать впервые. Мать всегда готовила картошку с приправой: тушёную или пюре с молоком, даже если больше ничего в доме не было. А тут цельная, крупная, румяная горячая картошка!

Девочки о чём-то болтали. То одна, то другая задавали мне какие-то нелепые вопросы о школе, на которые не находил ответа, так как они совсем не касались учёбы. Увлёкшись картошкой, я на мгновенье забыл об открытом погребце за спиной. Приподнял ноги и полетел вниз

головой. Как появилась Настя, не помню, так как на несколько минут потерял сознание. Когда очнулся, Настя была уже рядом в погребке и пыталась вытащить меня на поверхность.

– Настя? – спросил я удивлённо и замер от блаженства, чувствуя её руки.

Она помогла мне вылезть из погреба.

– Ничего не ушиб?

– Всё в порядке, – ответил я по-взрослому.

– Ну и до свидания, – и тут же направилась к выходу.

– Подожди, Настя, – поспешил я её остановить, – мы завтра уходим в Гнилой... Надолго ли, не знаю...

– А нам некуда уходить. Будь что будет. Авось немец не тронет.

И, потрепав девчонок по стриженным головкам, ушла.

– Зачем приходила Настя? – спросил я у сестрёнок.

– К мамке по делам, – ответила Маня.

Потом я узнал, что к тёте Паше Настя заходила часто. Была она ей будто племянницей.

«Как раньше я не обратил на это внимания, мог бы встречаться с нею почаще» – таковы были мои запоздалые сожаления.

Я думал о ней эту ночь. Я вспоминал её длинную, прекрасную косу с жёлтой лентой, вплетённой в самом низу. Но больше всего вспоминал, точнее, ощущал её тёплые нежные руки, касавшиеся моих рук, лица и шеи. Я не просто вспоминал. Временами я реально, наяву ощущал их прикосновение и тепло. Так были они милы и приятны, что готов был отдать за них всё, что имел... И это было так глупо: ничего-то я тогда не имел.

Конечно, я вспоминал эту ночь и о матери. Но больше и с нетерпением ожидал её возвращения из-за Насти. Был уверен, что мать обязательно хоть что-нибудь да расскажет о ней.

– В хату нашу никто не заходил, замок не тронут, – рассказывала она по возвращении, – а по картошнику будто

черти плясали. Возвратимся не зная, что есть будем, – с беспокойством рассказывала мать, рано возвратившись на хутор. – Паша с девочками сидит полуголодная. Кроме картошки ничего не осталось. И я не знала, чем ей помочь.

– А зерно? – спросил я. – Она же недавно со станции принесла?

– Сколько того зерна! Это за четыре километра тащить тяжело. А поесть за неделю можно. Тем более девочкам надевать нечего: она больше половины на одежку обменяла.

– Куришек двух немцы половили и съели, – продолжала мать. – Остались наседка с кошкой. И те целы, потому что на чердаке в сене попрятались... Девочки про тебя спрашивали. Особенно Маня допытывалась, что ты делаешь на хуторе, с кем играешь.

Я не отходил от матери, всё ждал вестей о Насте.

– Возле клуба на площади повесили одного пленного. Из сельских пока никого не тронули. Ольгу Ивановну взяли переводчицей в комендатуру. Тётка Дуня рассказала, что Николай Иванча назначили старостой. Теперь будет выслуживаться.

Я всё ждал, ждал... И так и не дождался ни одного слова о Насте.

На взрослом совете решили пока не возвращаться. Но немцы через несколько дней снова появились. Опять проездом, но теперь уже на грузовике, командой в семь человек. И это снова вызвало тревогу.

Мать стала настаивать на возвращении. Побывав в Верхне-Турове, она поняла, что без особой причины фашисты пока никого не трогают. Может, и обойдётся. Здесь же, в Гнилом, мы вызывали явное подозрение. Но тётя Фрося возвращаться не хотела. Пришлось остаться на неопределённое время.

Так продолжалось до тех пор, пока тётя Фрося не столкнулась с фашистами вплотную. Легковой автомобиль

остановился возле двора. Из него вышел гитлеровец с автоматом. Приблизившись ко двору, он увидел тётю Фросю и, показывая на корову, требовательно произнёс:

– Мле-ко!

Тётя Фрося в панике бросилась в хату к моей матери и бабке Марфе.

– Немцы, – дрожа от страха, произнесла она, – требуют молока.

Мать немедля устремилась к погребу, вытащила корчажку с молоком и попросила бабку Марфу отнести немцу. Сама оказаться перед фашистом побоялась. В свои тридцать она выглядела ещё привлекательной. И если не знала, то догадывалась об этом. Бабка поднесла корчажку фашисту. Тот знаками показал, что надо взять ещё и кружку и отнести молоко к машине.

7

На другой день мы возвращались в село. Несмотря на то, что там были немцы, радость встречи с Настей опьяняла. Милка без картошки шла налегке, тоже торопилась, разделяя со мной радость возвращения. Юрку на тележке поверх постели везла тётя Фрося. Ей помогал Толик. Не доходя до спуска в село, тётя Фрося с Толиком свернули направо, к Белой горе. А Юрка, увидев знакомые места, поскакал сам.

Когда село уже было на виду, в небе появился наш «кукурузник». Сделав два круга над нами, он помахал крыльями и удалился в сторону Воронежа. До дому мы добрались без приключений.

В тот же день я увидел Настю, когда пас Милку. Она вышла из оврага с козочкой.

– Где вы пропадали две недели? – спросила.

Я так рад был встрече, что не стал ей напоминать о том блаженном дне, когда перед нашим уходом в Гнилой она

вытаскивала меня из погребка. Тогда же сообщил о нашем уходе из села.

- На хуторе, - ответил я и не нашёлся, что ещё сказать, что спросить. Будто онемел. А сердце бешено колотилось: помнит обо мне, помнит!

Ночью нас разбудил грохот взрывов, раздававшихся один за другим. Было страшно от неизвестности. Взрывы со стороны станции продолжались и днём.

Как это часто бывало, достоверная новость поступила от бабки Дуни:

- Наши хукурузники ночью побывали на станцах. Курбачей не затронули. А бомбы, будто днём, все до единой в снаряды попадали. Цельный ешелон разбомбили. Теперича всю неделю будут грохотать. Курбачам весело поживётся, как на маслину.

- А ну, как и до нас долетят? - беспокоилась мать.

- Не... До нас далеко, не долетят.

Мать часто диву давалась: откуда бабка Дуня всё знала. Как-то сказала о ней:

- Ей бы малость подучиться - любого грамотея за пояс заткнула бы. Хотя и без грамоты всё знает.

- А самолёт-то какой вы видели днём, не простой был, а разведчик, - продолжала выдавать информацию бабка Дуня, - он-то и обнаружил снаряды в Курбатове. А ишшо чево скажу, - продолжала она, - хукурузники наши каждую ночь на нову станцию налетают. Хрицам спать не дают. Уж и Латную бомбили, и Семилуки. Да не раз и не два.

Она перешла на полусшёпот и, как бы по секрету, добавила:

- Марусь, ты не поверишь, а в хукурузниках-то этих бабы летают, и не одна-две, а люди бають, целый бабский полк. Под Воронежом у них еродром. Потому хрицам оказались они не по зубам: вреда много, а сбить не могут. Мужики-то выше летают, ды днём - все на виду,

а бабы из-за посадок вынурнуть, бомбы посбрасывают и опять в посадки: все макушки у деревьев посшибали.

Мать удивлялась, но верила. Бабке Дуне нельзя было не верить. Всё, что от неё исходило, было всегда достоверно. Проверяли и перепроверяли – только зря время тратили.

Ни в этот, ни в последующие дни ни один снаряд не долетел до села. Но грохот от разрывов был мощным и продолжался всю неделю. Следующую ночь впервые большинство соседей собрались в погребе. Погреб бабы Шуры был большим. Но народу набилось ещё больше. Среди всех была и Настя. Несмотря на темень, я незримо ощущал её присутствие. И был рад тому, что мы рядом. Сидели тихо. Тесно прижавшись друг к другу, обмениваясь теплом. Не все были тепло одеты, чтобы не мёрзнуть. Я прижимался к рядом сидящей матери. Левый бок мне согревала дородная тётя Вера, мать Кольки. Но спину холодила земляная стена сырого погреба. Я пытался отодвинуться. Хотелось поспать, подремать, но сидя не очень-то удобно. Глухие разрывы снарядов постоянно напоминали о войне, но здесь, в погребе, она казалась более далёкой, чем там, на поверхности.

На коленях матери лежал и посапывал Юрка. И я позавидовал, что не могу с ним поменяться. Вдруг напротив меня из-под лестницы, ведущей наружу, раздался вскрик, а потом возмущённый голос:

– Это хто ж безобразничает? Люди, разве так можно? Хто бросил мне лягушку на голову? – это голос Зинаиды Ивановны. И тут слева от меня весёлый смех и звонкий голос Насти:

– Лягушка – такая душка. Спасибо, тётя Зин, за подарочек!

Этот случай кого-то развеселил, кто-то не обратил на него внимания. Но на какое-то время все переключились на лягушку и как бы забыли, где и по какому случаю находятся.

- Это я бросила лягушку под лестницу, - призналась на другой день мать, - страшно боюсь этих тварей: холодная, скользкая. Откуда-то прыгнула прямо мне на колени, рядом с Юркой. Я подумала, что под лестницей никого нет. А там Зина оказалась...

На самом деле это была жаба. Они водились у нас в каждом погребке. На селе все называли их лягушками.

8

День этот навсегда остался ярким воспоминанием в моей жизни. Несмотря на войну, несмотря на оккупацию, несмотря на все невзгоды. День был особым, и я забыл все свои неприятности.

Ещё накануне мать предупредила:

- Завтра пойдём в Большой лог за яблоками.

Наутро, после короткого выгула коровы у оврага, я её замкнул, мать отвела Юрку к бабке Дуне и мы, взяв несколько залатанных мешков в качестве товара для обмена, двинулись туда, где было много садов. Шли конкретно к бабке Просе - двоюродной тётке моего отца, зная, что в её саду поспела анисовка.

Мне много раз доводилось взирать на этот угол села сверху, с выгона. Но шёл я туда впервые. Во время войны место здесь было довольно глухое из-за удалённости как от центра села, так и от Большой дороги. От Большака влево раскинулся лес Скупой. За лесом, в глубоких вымоинах оврага, можно было найти ключевые источники ледяной воды.

Овраг, удаляясь от Большой дороги, расширялся вместе с лесом. Ещё левее превращался в малозаселённую подлесковую местность, а потом в густозаселённую часть села, где трудно было найти хозяйство, дом или хату, не окружённые садами. Среди садов преобладали яблоневые.

Бабка Проса встретила нас не очень приветливо. Но мешкам обрадовалась и повела в сад, то и дело повторяя:

– С яблонь не рвите. Яблок на земле видимо-невидимо. Сколько наберёте – всё ваше.

Подвела нас к двум яблоням с румяными полосатыми плодами:

– Это анисовки. Собирайте только под ними. Остальные яблоки пока не спели.

Под яблонями росла трава, скрытая сплошным слоем яблок. Вместо сбора яблок я в первую очередь занялся их уничтожением. Мать уже набрала большую сумку, а я всё не мог остановиться. Анисовка была безумно сладкой и сочной! В центре села, где мы жили, почти не было яблоневых садов. Единственным исключением был сад Егора Павловича. Но он не давал богатых урожаев. К тому же не имел ранних сортов. Да и хозяин не допускал потерь на сторону.

Настя появилась тогда, когда я уже насытился анисовкой и поглядывал на другие красивые яблоки большого сада: каждое яблоко хотелось попробовать. Настю привела, как и нас, бабка Проса с теми же наставлениями:

– На яблони не лазь, собирай внизу...

– Здравствуй, тётя Марусь, – поздоровалась Настя. На меня – ноль внимания.

Когда бабка Проса ушла, мне захотелось помочь Насте, да и к себе её внимание как-то привлечь. Я залез на яблоню, под которой она сидела на корточках, и тряхнул большой сук над нею. Яблоки посыпались градом. Она засмеялась и отскочила в сторону.

– Борис, прекрати сейчас же! Увидит тётя Проса – добром не кончится. Вытурит из сада в два счёта. Уйдём с пустыми сумками, – отчитала меня мать.

Всю обратную дорогу я шёл позади. Сумка моя была тяжёлой, но я её будто не замечал. Настя шла впереди, рядом с моей матерью. Они вели взрослую беседу. А я, как маленький мальчик, чувствовал себя немного оби-

женным. Но мне подарком была Настя. Её вид меня и привлекал, и смущал, и заставлял забыть обо всем на свете. И это было счастьем.

Не только моя, но и сумки Насти и матери были нелёгкими. Шли медленно. Часто останавливались, отдыхали. Я пристально смотрел на Настю. Так пристально, что боялся, заметит мать. Я не хотел потом разговоров и её замечаний на эту тему. Но ничего не мог с собой поделать.

Настя заворожила меня всем. И видом своих удивительных, неповторимых прелестей, и блеском глаз. И светлорусою косой, которая не раз снилась мне по ночам.

Обратный путь наш с яблоками был намного дольше, чем путь туда, в Большой лог. Но мне он показался слишком коротким. Я согласился бы идти и идти за Настей, хоть на край света. Лишь бы видеть её впереди.

К концу лета и осенью травы у оврага было мало. Мне постоянно приходилось пасти Милку на выгоне. Козочка Настина на выгон не стремилась и довольствовалась овражными колочками. Теперь Настю я видел всё реже и реже. Лишь издали, через дорогу. Но не забывал я её ни на минуту.

9

В январе мне исполнилось десять лет. Мать по этому поводу устроила чаепитие, пригласив тётю Фросю с Толиком. Чай был настоян на каких-то листьях, среди которых я узнал знакомые вишнёвые. На столе были красивые оладьи, вкус которых очень напоминал картофельное пюре. На сладкое мать подала «конфетки» из сахарной свёклы, выращенной на своём огороде. На столе были молоко и сливочное масло – редкий деликатес для нашей семьи. Я сам накануне сбивал его на деревянной маслобойке. Процесс этот был таким долгим и нудным, что даже в тех полуголодных условиях я предпочёл бы отказаться от масла, лишь бы поскорее бросить это дело.

После чая мать послала меня к тётё Паше с банкой молока и «конфетками» для девочек. Я позвал Толика. Оставив мам и Юрку, мы убежали к соседям. Все они были дома, к тому же застали у них ещё и Настю. Тётя Паша и Настя сидели за пустым столом, о чем-то беседовали. Маня с Таней веселились на земляном полу, а двухлетняя Оля ходила вокруг сестрёнок кругами.

Я поставил молоко на стол, а «конфетки» положил рядом. Тётя Паша разделила их на четыре части и раздала всем поровну. Олька, попробовав одну на вкус, остальные отдала на хранение тётё Паше и стала хватать «конфеты» то у Маньки, то у Таньки.

– Отдай, дай, мои... – Сестрёнки не отдавали. Назревал скандал. Тогда вмешалась Настя. Дав по одной «конфетке» из своей доли Мане и Тане, она все оставшиеся отдала Ольке, взяла её на руки, отвлекла от девочек. Капризы прекратились.

Старшие девочки, пытаясь привлечь наше внимание, бросили свои занятия. Но нас с Толиком интересовала Настя. Я попытался узнать про её козу, но неожиданно для себя спросил про Кольку.

– Вчера видела, во дворе дрова колот. Я подошла к плетню. Он с другой стороны. Снял рукавицы, погрел мне руки.

Я осёкся и больше ничего не спросил. Моё бедное сердце забилося чаще, а разум протестовал. Он не допускал, чтобы эти нежные руки были в чужих объятиях. Даже у Кольки.

В самом конце января, ночью, нас посетили лыжники в белых халатах. Мать утром рассказала бабке Дуне:

– Ребята молодые, крепкие. Расспрашивали подробно о немцах: где квартируют, какая техника. Сказали напоследок: «Недолго фрицам у вас ночевать – пора домой в Германию».

– Дай-то Бог, – крестилась бабка Дуня, – можа, и войне придя конец...

Через день-два на село стали залетать наши снаряды. Попадания были точными, только в расположение немцев. Жителей села разрывы миновали.

«Но... дело случая», – говорили бабы. И почти все во время обстрелов избирали спасительные погреба.

Тётя Паша препоручила старших девочек Насте, которая вместе с мамой и братом уходила к знакомым в Большой лог. Сама же осталась решать нелёгкие для неё проблемы с питанием.

– Сколько это продлится, никто не знает, а детей кормить чем-то надо.

Собиралась идти вслед Насте, но... не успела.

События по освобождению села стремительно развивались в двух направлениях. С целью избежать излишних потерь основных сил разведвзводу было поручено произвести разведку боем в Большом логу. А в центр села была направлена группа из трёх лыжников для определения количества фашистов и их расположения.

Ошибкой было предположение, что в Большом логу расположились второстепенные, небольшие силы противника. Полтора десятка разведчиков, благодаря внезапному нападению в ночное время, только вначале добились успеха. Было уничтожено больше сотни вражеских солдат и офицеров. Но многократное превосходство фашистов проявилось после того, как неприятельский лагерь очнулся от спячки. Вся разведгруппа была уничтожена. Кто не был убит, тот был ранен и уже не мог сопротивляться. Никто не сдавался, но все были захвачены в плен. Фашисты, расвирепев от многочисленных потерь, привязали мёртвых и живых разведчиков к перилам мостика, облили бензином и сожгли.

Вторая группа разведчиков благополучно выполнила задание и той же ночью возвратилась в своё расположение. Это были те самые лыжники, о которых рассказала мать бабке Дуне.

Мы отказались уходить в Большой лог из-за Милки.

– Куда мы от коровы, неизвестно, сколько это освобождение продлится, – отвергала приглашения мать.

Когда обстрел села усилился, мы покинули хату и, как большинство соседей, спрятались в погребе Ерошкиных. С Ерккой я учился в первом классе. Хата их стояла чуть ниже нашей на склоне, с которого как на ладони был виден центр села на противоположной стороне речки Колотушки, а справа – Белая гора и крутой спуск Большака в село со стороны Воронежа.

Тётя Паша, не успевшая с Олей до обстрела уйти в Большой лог, оказалась с нами в одном погребе. Снаряды в основном долетали до центра села. Меня и Ерку разбирало любопытство. Мы то и дело высовывались из погреба. Я иногда пытался вылезти совсем наружу, за пределы погреба, откуда обзор был шире. Мать постоянно меня одёргивала, но это мало помогало, так как «руки её до меня не доходили», о чём она постоянно сожалела. Но Юрка тоже не хотел сидеть на месте. И это меня спасало.

Я часто поглядывал на Белую гору, ожидая появления наших. Но не всё возможно было рассмотреть на расстоянии, тем более значительную часть происходящего скрывали несколько хат, расположенных у Большака на спуске с Белой горы.

Любопытную историю рассказала нам потом тётя Фрося, квартировавшая в одной из этих хат. Она вместе со своей хозяйкой и Толиком, как и все мы, пряталась в погребе, расположенном в сенях, а во дворе была открытая полуобвалившаяся яма, оставшаяся от старого погреба.

Тётя Фрося прибежала к нам в день освобождения, когда всё закончилось.

– Я на минутку – узнать, как перенесли обстрел, живы ли, невредимы? Толика одного оставила. Мало ли чего! От него всё можно ожидать. Кругом столько военного хламу, а он до этого большой охотник.

– Фрицы-то почуяли неладное ещё до того, как наши появились, – продолжала тётя Фрося. – Под большими тополями две полевые кухни оставили. Котлы в них агромадные, а суп жирный весь сожрали – по ведру на каждого пришлось...

– Да ну, – изумилась мать, – не может быть?!

– Я не мерила, а по полведра – это точно. Фрицев-то было немного. Всего-то два-три десятка. Так вот: сидим мы в погребе, а мне пить приспичило. Вылезла из погреба, в избу за водой. Глядь в окно – а фриц в яму спрыгнул. Напилась... Глядь, а в яму ещё двое прыгают. А первый оттуда вылезит, на ходу застегивается. Меня любопытство разбирает: дай, думаю, понаблюдаю. Дверь в сенях приоткрыла. Марусь, не поверишь: второй и третий выскочили со спущенными штанами и без подштанников. На виду у меня натягивали на голое тело: весь срам наружу.

Тётя Фрося, видимо стесняясь моего присутствия, сглаживала выражения, но даже мне всё было ясно.

– Ну, я побегу, – продолжала она, – а то придётся ещё яму закапывать. Туда все двадцать фрицев спрыгивали и двадцать загаженных кальсонов оставили, а ещё и кучи кто меньше, кто круче. Рядом с хатой вони больше, чем от свиньи Хавроньи.

– А может, этот понос напал совсем не от супа, а с перепугу, – предположила мать.

– Может, и так, – согласилась тётя Фрося, – наши-то уже через полчаса с Белой горы спустились. Мы с Толиком придём не завтра, так послезавтра, – и убежала.

Приблизительно в это же время или чуть позже я наблюдал, что творилось в центре села. Что-то выносили из немецкой комендатуры и грузили в стоявший рядом грузовик. Из-за школы видны были часть повозки и запряжённый в неё немецкий жеребец-тяжеловоз. На повозку тоже что-то грузили. Рядом разорвался снаряд. Лошадь

упала. Два снаряда угодили в здание клуба, который был ближе к нам, чем школа. Возникшая было паника в центре села вскоре прекратилась.

Возле магазина, близ школы, появилась фигура гитлеровского офицера – образец дисциплины и порядка (это было видно даже на расстоянии!). Не совсем стройная, но многочисленная, до сорока человек, группа солдат в считанные минуты была приведена в идеальное состояние.

Вдруг на самой высокой точке Большака стали появляться силуэты наших бойцов, послышались голоса с Белой горы. Различить, что кричали, при таком расстоянии было трудно. Но возгласы «Ура!» и «Вашу мать!» звучали отчётливо. Обозначилось оружие, несколько залпов которого ещё раз и насовсем изменили картину в центре села. Один из снарядов попал в идеальный строй гитлеровцев и в одно мгновение изменил обстановку. Фрицы разбежались. Офицера тоже не было видно. Осталось лишь несколько трупов на площади.

В это время в Большом логу происходили другие события. В тридцати метрах от мостика, где стояли сгоревшие тела разведчиков, произошла ещё одна трагедия. Хозяин дома, в погребе которого прятались бабы и дети из разных концов села, был мужиком в годах, но крепким хоть куда. По своему возрасту он не попал в армию. А запасы имел. Голодом семья не жила. Как нарочно, к этому дню хлеб в его доме закончился. И утром хозяйка свежий из печи вынула. Хлебом пахло не только в хате, но и во дворе. Зашёл офицер с плёткой в дом:

– Буттер, хлэб, рус... гут – карашо!..

– Какой хлеб, сами голодные, – говорит хозяин.

Но кто поверит, если всюду пахнет хлебом.

Приказал офицер своим солдатам снять с хозяина штаны и пороть до тех пор, пока хлеба не даст. Сколько пришлось плёток на долю хозяина, никто теперь не узнает. Услышав разрывы снарядов в центре села, солда-

ты выскочили готовиться к отступлению. Хозяин же воспользовался их отсутствием и перепрятал хлеб в более надёжное место. А сам – в погреб.

Запах хлеба не давал покоя голодным фашистам. Офицер возвратился, и, не найдя хозяина, был взбешён. Тут послышались детские голоса из погреба, а среди них – голос хозяина. Приказ был однозначным и не допускал никаких отклонений.

Остатки бензина из застрявшей в снегу техники были вылиты в погреб на головы людей. Бензин плеснули на стены и пол дома в нескольких местах. Связка гранат, брошенная в погреб, завершила черное дело: оглушительный взрыв, две-три вспышки бензина, языки пламени.

11

Мы только что вышли из погреба, не успев насладиться радостью освобождения. Навстречу – бабка Дуня:

– Кровопийцы! Суки проклятые, – вопила она. – Паша, дорогая, держись, милая... Все твои погибли... И Маня, и Таня! Чтоб этим иродам век добра не видать! Чтоб их господь Бог покарал за все их дела... Держись, милая. У тебя Олечка осталась, одна теперь сиротиночка...

Тётя Паша споткнулась и упала. Закричала и выскользнула из её рук Олька. Мать бросилась поднимать подругу.

– Баб Дунь, а Настя? – не выдержал я и, впервые никого не стесняясь, заговорил о Насте.

– Все погибли, Борь, никого не осталось. Ублюдки! Всех изничтожили...

Минуту или две я стоял парализованный, отказываясь верить в реальность происходящего. Впервые засомневался в правдивости бабки Дуни. Потом сорвался с места и, бросив всё и всех, побежал в Большой лог.

Я не знал, где этот дом, где этот погреб. Но нашёл сразу. Здесь уже было много народу. Большинство с лопа-

тами. Искали останки своих близких. Хата хозяина была сильно разрушена. Целой оставалась лишь большая русская печь. Да часть обуглившихся стен чернела на её светлом фоне. Машинально отметив руины, я остановил свой взор на содержимом погребца.

– Растяпа, – обругал я себя, – лопату не взял.

Я уставился на молодую женщину, быстро ковыряющуюся в смеси мяса и костей, мёрзлой земли и снега. И вдруг увидел её... Её косу... Настину косу. Тут же спрыгнув в яму, я схватил косу и вынес её из погребца.

Я держал косу в руках и был в полной растерянности от случившегося. Мой детский ум не в состоянии был сразу воспринять всё происшедшее в целом и ещё долго не мог в это поверить. Лишь спустя некоторое время стали появляться вопросы, на которые ни я, ни окружающие меня люди не смогли бы ответить:

«Почему коса отдельно от Насти?»

«Почему женщина, продолжающая копать на том же месте, ничего больше не находит?»

«В чём ушла Настя в Большой лог?»

Об этом наверняка знала тётя Паша, но я не догадывался у неё спросить. Да и спрашивать было явно неуместно, хоть она и была рядом. Копала лопатой мёрзлую землю. Искала и не находила никаких следов своих девочек.

«Почему в погребце снег, грязь, обгорелые клочья одежды, а Настина коса такая чистая?» – ещё один неразрешимый вопрос.

«А где же жёлтая лента?» – вспомнил я про яркую солнечную добавку к косе.

«А коса без ленты почему-то не расплетается?»

Вопросы были зачастую глупыми и неуместными. Кто на них мог ответить? Я и сейчас иногда задаю себе подобные вопросы:

«Где ты, Настя? Где ты, моя первая детская любовь? Почему я тебя не могу найти?»

Не знаю, когда подошёл Колька. Он оказался рядом и так же, как я, смотрел на косу Насти в моих руках.

– Дай подержу, – попросил он, и я безвольно уступил ему реликвию. Однако Колька, подержав с минуту, возвратил её обратно. Он взял лопату из рук отдохавшей старушки и принялся копать на свободном месте.

Кто-то говорил:

– Летом было бы легче найти и распознать своих...

Кто-то возражал:

– Ничего не легче. Летом было бы ещё хуже...

Кто-то узнал обгоревшую головку знакомого ребёнка. Кто-то обнаружил кусок платка своей соседки. Но чаще ничего не находили. Не нашли никаких следов ни тётя Паша, ни Колька. Как будто не было их в этом погребе: ни Насти, ни девочек – Мани и Тани.

Я же вроде как окаменел и статуей стоял с Настиной косой в руках:

«Почему Настина коса не сгорела?» – мучил меня ещё один вопрос.

12

Дел после освобождения оказалось значительно больше, чем ожидалось. Рано утром разбудила мать:

– Вставай, Борис, побыстрее. Есть срочное дело.

– Какое дело? – спросил, просыпаясь и одеваясь.

– На лугу, возле Колотушки, немецкий мотоцикл с коляской застрял, а в коляске фляга с жиром. Надо срочно забрать флягу. Я одна никак не справлюсь.

– А мотоцикл заберём?

– Как ты его увезешь? Наполовину в снегу утонул. Я пыталась – с места не сдвинула. Хоть бы флягу притащить – на целый год хватит.

Мать взяла деревянные санки, и через пять минут мы были возле мотоцикла. Колёса его утопали в снегу. Я

сделал попытку качнуть его в одну-другую сторону и оставил это бесполезное дело, поняв своё бессилие.

Кое-как перетащили сорокалитровую флягу, полную жира, на санки. Тропинка была узкой, и санки то и дело сползали на более мягкий снег. Фляга раз за разом падала в снег. Так повторялось многократно. Мы с матерью крайне устали, но всё-таки благополучно довели жир домой.

Я уже стал беспокоиться, что опоздаю на похороны. Но матери ничего не сказал. Боясь запрета, решил уйти тайком. Колька был наготове, и мы отправились в Большой лог.

К нашему приходу уже прекратились поиски погибших родственников. Жители окрестных домов переносили трупы разведчиков, сожжённых на мостике, в общую могилу-погреб. Мы с Колькой помогли перетащить один из трупов.

Начались прощания с погибшими. Было много слёз и причитаний. Мне запомнились безутешные рыдания тёти Паши по своим девочкам. Я вспомнил, как когда-то играл с этими милыми безобидными существами, и по моим щекам потекли слёзы. Я старался как можно незаметнее убрать их со своего лица, ошибочно полагая, что мужчины не плачут.

Начали засыпать могилу. Сначала каждый бросил свои две-три горсти земли. Потом в ход пошли лопаты. Мы с Колькой не спешили схоронить Настину косу. С одной стороны, коса была неотъемлемой Настинной принадлежностью. «Но ведь и корона – неотъемлемая принадлежность королевы. Однако, если королева мертва, то корона чаще всего хранится в музее» – примерно так рассуждал я. Уверен, что аналогичными были тогдашние размышления Кольки.

Когда могила была уже наполовину засыпана, мы с Колькой зашли за печь, где лежала спрятанная накануне

не коса. Не сговариваясь, наклонились, взяли косу двумя парами рук и торжественно вынесли из-за печи к могиле. Мы несли косу Насти, точно гирлянду цветов к памятнику.

Бабы, увидя нас с косой, одна за другой зарыдали, заголосили и расступились, освободив нам путь. Мы приблизились к захоронению, постояли с минуту в полном молчании и одновременно опустили косу, возложив её с краю могилы. Все присутствовавшие ещё раз бросили по горсти земли. Потом начались поминки, о чём сообщила нам тётя Паша. Она же пригласила нас с Колькой, но мы отказались.

На обратном пути я услышал от Кольки о велосипедах, брошенных немцами в овраге.

13

Колька предложил мне сегодня же, не откладывая, сходить на свалку, куда отступающие фашисты выбросили свои средства передвижения. Договорились встретиться у оврага сразу после обеда.

Мать ничего не спрашивала. По мне догадалась, то ли узнала от соседей: на похоронах было немало её знакомых. Она посадила нас с Юркой за стол и поставила огромную сковороду жареной картошки.

- Подожди, не ешь, - сказал Юрка. Он взял большую ложку и разделил картошку на две равные части.

Если бы была хоть крошка хлеба, то обед не мог быть лучше. Жареную картошку мы не ели с довоенного времени. Правда, от неё попахивало каким-то непривычным ароматом: жир был неизвестного происхождения. Тюлений или китовый, мы так никогда и не узнали. Уничтожив свою половину картошки, я заторопился к оврагу.

Колька уже работал, вытаскивая один за другим наиболее пригодные велосипеды на обочину.

– Зачем тебе так много? – удивился я.

– Из нескольких хороших можно выбрать подходящий. Выбирай себе один или два.

Весь склон оврага со стороны нашего планта был завален велосипедами. Их тут было несколько сотен: с полумантными колесами, погнутыми вилками и рамами. Но попадались совершенно исправные. Хоть сейчас садись и поезжай. Жаль, нельзя по такому снегу.

Дольше всего провозились, подбирая исправные шины. Часть из них была проколота, другие – просто спущены. Приходилось качать по десятку колёс каждому. Хорошо, что насосов было навалом.

Я завёл свой велосипед в сени, позвал мать.

– Мой трофей. Придёт весна – научусь кататься.

– Не торопись: легко достался – ещё легче расстался. Это трофей военный, а значит, не твой. Советую спрятать до лучших времён.

– До каких лучших?

– Хотя бы до возвращения отца.

Согласился спрятать до лета. С помощью матери кое-как затащили двухколёсного красавца на чердак.

Я сидел перед своим трофеем в полумраке чердака. Его чёрные крылья и рама не отражали блеска февральского солнца. Я касался руками колёс, педалей, гладил кожаное сиденье. И на меня нахлынули воспоминания другого солнечного, довоенного дня. Тогда не трещал мороз, но было изобилие тепла, блеска, радости, счастья и каких-то светлых, безоблачных ожиданий.

Перед войной мама с папой взяли меня с собой в Воронеж. И это навсегда осталось самым ярким воспоминанием моего детства. Большое впечатление оставил Кольцовский сквер с фонтаном в центре. Струи воды били изо рта лягушек. А вокруг фонтана десятки ребятишек моего возраста гоняли на легковых автомобилях. Они крутили педали и рулили куда хотели.

– Пап, купи мне такую машину, – попросил я.

– На нашей улице в пыли утонешь вместе с машиной,
– возражала мама, опережая папу с ответом.

– Во дворе буду гонять, – продолжал я просить, не отрывая глаз от воронежских «гонщиков».

От скамейки, где мы отдыхали, я то и дело бегал к фонтану: смотрел лягушек и золотых рыбок. Лягушки казались живыми. От воды рябило в глазах. А золотые рыбки с каждым моим приближением к фонтану казались всё крупнее и крупнее.

Всякий раз, приближаясь к скамейке, я продолжал клянчить автомашину. Мама сопротивлялась и придумывала всё новые и новые возражения. А папа долго молчал. Уже в конце, перед уходом из сквера, произнёс:

– Хорошо, Борь, куплю. Только придётся тебе немножко подождать.

Я радостно бросился ему на шею, нисколько не сомневаясь, что автомобиль у меня скоро появится. Я уже знал, что папе можно верить. Так, прошлой зимой у меня появились лыжи.

Но вскоре родился Юрка. Покупку пришлось отложить по понятной причине. Потом я вырос из автомобиля и папа убедил меня, что лучше купить велосипед. Уходя на войну, отец сам заговорил о покупке:

– Куплю, Борь, обязательно куплю, когда вернусь. Жди!

И я ждал, но уже вскоре стал сознавать, что отец мне нужен больше, чем обещанный им велосипед.

– Что же теперь делать? – думал я, сидя на чердаке перед своим трофеем. – Отец наверняка помнит о своём обещании. Значит, надо срочно сообщать ему о своём приобретении.

Много лет подряд мне каждую ночь снилась Настя. Одна, идущая по нашему плану или с козочкой у оврага.

Иногда я пытался представить Настю без косы (ведь косу мы похоронили, а Настю – нет). Но это мне не удавалось. Часто я задумывался, как мне отомстить фашистам за гибель женщин и детей в Большом логу, за Настю.

Я освоил трофейный автомат: изредка брал его с собой на выгон. Когда вокруг никого не было, стрелял одиночными выстрелами, экономя патроны.

Готовился мстить фашистам и Колька Тюрин. У него было шансов побольше. Но вскоре после оккупации эта самая подготовка свела его шансы на нет.

Осваивая трофейное оружие, он что-то не так повернул в гранате. Она взорвалась у него в руке: оторвало пальцы и покалечило руку. Уже потом, взрослого, его забраковали на призывном пункте.

Война шла к концу. Я с нетерпением ждал возвращения отца, без велосипеда. Трофейный велосипед, прикрытый рваной одеждой, всё ещё пылился в углу чердака. И об этом знал отец из моего письма.

Мы с Колькой пока побаивались выводить свою технику напоказ. Помнили, что наши после оккупации конфисковали безоговорочно все трофеи, какие нашли.

В то же время мы чувствовали некое право своё на владение личным трофеем, потому что твёрдо считали себя непосредственными участниками всех событий в тылу этой войны. Более того, в какой-то степени даже опорой этого тыла.

– Не знаю, что бы мать без меня делала, – сказал как-то Колька. – Лидуха наша хоть и старше меня, а толку от неё мало: ни дров наколоть, ни сена заготовить... Корову пасти и то боится: то немцев, то бодливых коров...

Он обеспечивал семью дровами, доставляя их на двухколёсной тележке из леса, выкашивал свой участок луга и на той же тележке подвозил сено к дому.

Моя мать не доверяла мне самостоятельно выполнять такие тяжёлые дела. За дровами мы ходили с ней вме-

сте. Вязанки иногда носили на плечах или привозили на тележке. А однажды взяли в помощь Милку. Но корова упрячилась, не хотела нам помогать.

– Я зареклась от такой помощи, – говорила потом мать соседкам, – это мука, а не помощь.

15

Возвратился домой отец. Налаживалась мирная жизнь. Колька закончил восьмой класс и очень хотел поступить в ремесленное училище. Преодолевая боязнь провала из-за покалеченной руки, он всё-таки собирался на днях разведать условия приёма в Воронеже.

Часто вспоминая Настю в своих разговорах, мы мало бывали на той могиле. Перед своим отъездом Колька предложил мне объехать знакомые места.

Мы взяли велосипеды и поехали в Скупой. День был погожий, жаркий. Захотелось пить. Спустившись за лесом в овраг, нашли воду. Ключ бил из-под земли, как живой. Мы с большим удовольствием в несколько приёмов насытились ледяной влагой. Повизгивая от удовольствия, освежили себя до пояса.

– А теперь к Насте, – твёрдо сказал Колька. – Но сначала заедем за цветами.

– Где нарвём?

– Я знаю где.

Мы выбрались из лога, перерезали Большак и свернули по узкой тропинке к лесу Вязноватому. Видно, Колька не раз здесь бывал. Через сотню метров после углубления в дубовый лес перед нами открылась волшебная поляна с незабудками. Их было так много, что мы без особого труда набрали по большому букету и отправились напрямиком к Насте по незнакомой мне ранее заросшей дороге.

На могиле по-прежнему стоял деревянный крест и не было оградки. Мы возложили свои цветы к кресту. Несколько минут посидели на траве рядом.

«Мы никогда не забудем тебя, Настя!» – думал я. Колька молчал, но мне казалось, он думал точно так же.

Мы оставили могилу и незабудки, объехали выгон и уже со стороны села выехали на Большак. Думаю, Колька знал, что уже не возвратится в село, поэтому захотел побывать в школе.

Мы спускались в низину, когда нас обогнал грузовик, в кузове которого ехали музыканты с трубами. Мне показалось или так и было? Тот же самый духовой оркестр, те же военные музыканты, которые четыре года назад играли «Прощание славянки».

Автомашина с оркестром остановилась, как и тогда, на том же самом месте у колодца. И грянул марш. Тот же марш. Но это была как будто другая музыка. Вместе с грустью о прошедшем детстве она вселяла оптимизм и надежду. Марш зарождал веру в будущее. Внутри что-то ёкнуло. Что-то изменилось.

– Прости нас, Настя...

Виктор ВЕРИН

г. Старый Оскол

Родился 26 ноября 1963 года в селе Попово-Лежачи Курской области. Русский. Закончил юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в одном из милицеевских подразделений Петербурга, руководил юридической консультацией, организовал работу объединённой редакции муниципальных СМИ. В настоящее время работает в старооскольском издательстве «РОСА», сотрудничает с газетами «Правда жизни» и «Старооскольский технолог». Член Российского общества современных авторов.

Ранее рассказы, очерки, повести и пьесы Виктора Верина публиковались в различных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках Санкт-Петербурга, Старого Оскола, Белгорода, Москвы...

В 2007 году в издательстве «РОСА» вышла в свет его повесть «Русский легион».

БЕГ К ПОБЕДЕ

Я думал, что познакомился с ней через Гостевую сайта Русской организации самодетельных авторов, на который периодически заходил в качестве администратора, разнообразя свою жизнь в провинциальном Старограде. Она выступала с краткими комментариями новых книг и публикаций, участвовала в дискуссиях с посетителями Гостевой на различные темы. Иногда она, несомненно, была где-то рядом, в на-

шем городе, потому что делилась впечатлениями о происходящих здесь событиях. Она то заявляла о себе достаточно активно, то пропадала на несколько месяцев. Так продолжалось около трёх лет. Виктория Бегова – были это настоящие имя и фамилия или псевдоним, сказать наверняка невозможно... Хотя и казалось мне что-то знакомым в таком сочетании – Виктория Бегова... Нет, скорее всего, псевдоним – бег к победе или победа в беге...

Виктория Бегова. 26.07.2005. 01:04. Вы как-нибудь попробуйте посмотреть на свои тексты глазами незнакомого человека и представить себе их автора. Попробовали? Плачевная картинка получается. Максимум, что вы испытываете к такому автору, – жалость, потому что сплошная неуверенность в себе на грани психоза, явные проблемы в любви и в профессии. Я не утверждаю, что вы на самом деле такой, но герой ваших стихотворений именно таков. Пытаясь создать героя, вы создали убогого маньяка. В этой же Гостевой опубликованы стихи Владимира С. Почитайте их внимательно. Они о том же, что и ваши, но насколько убедительнее... Может быть, потому, что над стихами всё же нужно работать, заботиться о том, в какой одежде они предстанут перед читающей публикой?..

Виктория Бегова. 04.08.2005. 13:40. На личности переходите Вы, болезненно реагируя на попытки обращения Вашего внимания на то, что Вы живёте в обществе, где есть общепринятые нормы русского литературного языка. Вы – гражданин этого общества. Оно Вас воспитало. Оно Вам даёт темы для творчества. Вы же бравлируете грубым подворотным сленгом, используемым подростками в пору самоутверждения. Хочется поострить в среде близких друзей? Пожалуйста. Но выносить на всеобщее обозрение стихи вульгарного содержания недопустимо. Вы свои стихи должны читать в узком кругу себе подобных, а не навязывать их

открытость подросткам, девушкам, эстетам, просто воспитанным людям. Ваши стихи оскорбительны для многих. Они подобны крику младенца, который случайно услышал одно слово и теперь только его и повторяет, всем надоедая и приводя в смущение. Если Вы не умеете работать с русской речью, если Ваш словарный запас не позволяет Вам соблюдать общепринятые нормы литературного языка и Вы не знаете, как заменить слово более приемлемым и сильным, то, наверное, нужно послушать и почитать других, побывать в нормальном литературном обществе, пообщаться с красивыми женщинами, которые знают, чем отличается любовь от механических телодвижений. Я, конечно, понимаю, что Интернет всё стерпит, но, если бы мне в альбом написали такое стихотворение, то его автору был бы закрыт путь в мой дом навсегда. Надо понимать, где и что можно говорить.... Стали бы Вы читать такие стихи своей маме? А чья-то мама, возможно, их читает!

Потом в одной из местных газет появилась её статья по поводу вышедшего в прокат фильма «Адмирал». Она раскритиковала кинокартину и как художественное произведение, и как неудачную попытку отражения исторической правды. Вокруг статьи завязалась дискуссия. Ещё один из постоянных участников Гостевой Никита Битов поддержал её. Но в газете его очерк не опубликовали, да и на сайте всё как-то потихоньку затихло...

Виктория Бегова. 07.12.2008. 12:58. Что-то затихла Гостевая. Или модератор уснул. Хотя выложили ведь мою рецензию на фильм «Адмирал». Спасибо за внимание. Кстати, говорят, что в староградской газете её тоже опубликовали, правда, с большими сокращениями, и даже имел место яростный протест со стороны поклонников нынешней «демократии» и изобразительных чувств. Вот как раз о чувствах и хотелось бы сказать. Нас уже настолько напичкали лживой

политикой, массовой литературой и бесконечными сериалами, что мы воспринимаем жизнь реальную как сплошную игру, словно у нас в запасе ещё несколько её вариантов имеется... Нет. Второго раза не будет. Так что хватит заниматься всепрощением и словоблудием.

Её профессия явно соприкасалась с журналистикой, причём в весьма странном соотношении темы русской провинции и международной тематики... Виктория Бегова?.. Я покопался в Интернете – нашёл пару её статей на различных сайтах, и всё... Точно, псевдоним. Но откуда же он мне знаком? Может быть, я встречаюсь с Викой Беговой каждый день на улицах нашего города? Но у меня такое ощущение, что я знал её гораздо раньше...

Виктория Бегова. 27.12.2008. 10:59. По поводу «причины плачевных дел наших в художественном творчестве российском». Раз уж публика мужская помалкивает, рискну высказаться по этому поводу. Вся беда именно в этом самом – мужская публика и в прочих вопросах помалкивает. Когда посредственность резвится в СМИ, в литературе, на сцене, в кино, во власти – мужская часть населения молча сидит перед монитором, стиснув зубы от своей неорганизованности и ощущения страха за свою несостоятельность. А ещё потому, что сейчас у нас такая система сформировалась в сфере общественных отношений, что волей-неволей вспомнишь восточную мудрость: «Собака лает – караван идёт». Что делать? Писателю – писать. Издателю – издавать. А главное – горой стоять друг за друга. В единстве сила была и будет всегда. Поэтому «правильной дорогой идёте, товарищи!» Авторы всех стран, объединяйтесь! Как жаль, что я не поэт! И как жаль, что какое-то время мне придётся жить вдалеке от Родины. Как бы плохо здесь ни было из-за беспредела зарвавшегося меньшинства мелкого чиновничества и окологультурной «знати», но, видимо, всё же есть некая духов-

ная связь между русскими людьми и землёй Русской. Каждый раз такая тоска нападает, хоть плачь...

Потом у нас произошёл с ней конфликт. Она прислала очерк с просьбой опубликовать его на сайте. Мне он показался неуместным – не хотелось ворошить кучу мусора – и я отказал ей в публикации, предложив смягчить и обобщить проблематику. И тогда она мне позвонила...

Виктория Бегова. 02.06.2009. 00:18. Недавно Верин «зарубил» мой очередной опус, не желая затрагивать критикой местный ... Слов не нахожу. Да ещё и упрекнул в отсутствии оригинальных формулировок. Рискну выложить его прямо здесь... (Далее – отрывок из статьи Виктории «Без любви и совести», выложенной ею в Гостевой сайта)... «Режиссёр восхищается нравственностью драматурга, который в эпоху застоя в каждой пьесе говорит о нравственных принципах, без которых невозможно будущее. Может быть, и так. Вероятно, можно найти в пьесе повод для размышления над вопросами морально-этического свойства. Но не в споре «патриархальной традиции» и «любовной страсти» откроются истоки русской души. Пробиться к ним, дать им волю, расчистив русло от мусора из чуждой среды, можно и нужно было бы, пытаясь найти и показать причины отсутствия душевной целостности героя пьесы. И в чём она, исконная сила русской души, которую если не растерял, то чувствуешь в правоте своих поступков? Да в том, что нет другого права для русского, кроме как жить по совести. ... Но нет ничего этого в спектакле – нет в нём русской души. Есть только деревенские декорации да рассуждения на их фоне о выборе между женой и любовницей, между деревенским укладом и безграничной страстью, между совестью и удовольствием... И выводы из этого разглагольствования совсем не способствуют нравственности, о которой рассуждал режиссёр перед спектаклем. Не задача театра «раскрыть болевую

точку времени, рассказывая о небогатом житьё-бытьё, политике, когда о демократии и гласности вообще не ведали...» Содержание театральной постановки может быть только материалом для раскрытия нравственной структуры личности, составляющей основу общественной морали. А для описания событий есть репортёры и документалисты, для развлечений – эстрада и кино... Так неужели и театр мы тоже теряем в угоду информативности и развлекательности? Похоже на то, если такие спектакли будут собирать публику».

Она говорила резко, жёстко, не стесняясь ни громких фраз, ни крепких выражений... Это было совсем не похоже на вежливую и сдержанную Викторю из Гостевой. Неужели это....

Питер. Начало 90-х или конец 80-х прошлого века. Первые агентства журналистских расследований. Издание газеты «Беспредел в законе»... Но как же её звали? Как её настоящая фамилия? Мы ещё сидели в редакции, мучаясь из-за отсутствия главного материала, который мог бы привлечь внимание к газете, сделав её газетой прямого действия, когда вошла она. На вид ей было около 23 лет, маленького роста, хрупкая, черноволосая, глаза блестящие... Она тогда как-то представилась... Надо бы посмотреть, как подписаны её статьи...

Неужели это она теперь обвиняла меня в сговоре с сионистами, в малодушии, в отсутствии чувства ответственности перед товарищами, перед Родиной?

Если это она, то уже тогда, в Питере, у неё была пятилетняя дочка. Мы ещё удивлялись своим подсчётам, по которым выходило, что матерью она стала в 17 лет. Про отца ребёнка она долго не хотела ничего говорить.

Но как-то, на одной из вечерних посиделок в редакции, после успешной борьбы с изрядным количеством алкогольных напитков, она обронила о нём: «Такой же безбашенный идеалист был, как и я. Из командировки по контракту не вернулся. Говорят, что даже хоронить было нечего. Прямое попадание...» И всё.

Когда она о чём-то не хотела говорить, то лучше было не настаивать – могла и послать куда подальше. Но если разговор касался не её лично, а интересов дела, была сдержанной, вежливой... Её эрудиции мы поражались. Она легко разговаривала на английском, немецком и французском. Занималась бальными танцами и вольной борьбой. Посещала консерваторию и не знала равных себе в тире. Вместо обеда могла час бродить по выставочным залам Эрмитажа или Русского музея, а вечером сидеть в какой-либо конуре с бомжами, мелкими бандитами и репортёрами криминальных отделов местных газет. И ещё она никогда не забывала о своей дочери – водила её в зоопарк, ездила с ней на Финский залив... Но родственников, по всей видимости, у неё не было, потому что за ребёнком присматривала няня...

Виктория Бегова. 02.06.2009. 11:39. По-вашему, получается, что если бездарный режиссёр будет разрушать своим «творчеством» русскую мораль, нравственность русского человека, при этом коверкая судьбы актёров, растрачивая муниципальные, то есть народные деньги на своё самоудовлетворение творческое, то его ради этого самого удовлетворения трогать запрещается? Этак мы можем дойти до того, что маньяков запретим в тюрьму сажать, чтобы им самоудовлетворяться не мешать.

После выхода газеты «Беспредел в законе» с её статьёй на редакцию попробовали было наехать «большие начальники», обвиняя нас в публикации непроверенных

сведений и даже в клевете. Но Вика предоставила документальное подтверждение под каждое своё слово. Начальству пришлось оправдываться, отвечать на вопросы, поднятые в статье, принимать меры...

А речь шла, ни много ни мало, об ответственности властей за тех, кого поместили в изоляторы временного содержания. Вина гражданина в совершении преступления судом ещё не доказана, но его уже лишают не только свободы, но и ущемляют его человеческое достоинство, отбирают право на цивилизованные условия существования, необходимые для поддержания здоровья, а порой и жизни. Но даже если человек осуждён по приговору суда на лишение свободы, он должен постоянно находиться под контролем государства, иметь реальный шанс на перевоспитание и быть ограждённым от влияния преступной среды... Государство же ничего этого гарантировать не может, и, по сути, места лишения свободы представляют собой территорию беспредельного господства преступного мира...

Шквал писем обрушился на редакцию... Писали родственники задержанных и осуждённых, милиционеры и бандиты... Тираж газеты за пару недель вырос более чем в два раза. Общественные распространители сами разыскивали редакцию...

А месяц спустя Вика пропала. Даже не пришла за гонораром...

Виктория Бегова. 05.07.2009. 12:52. Это, к ужасу, черта нашего времени. Убил, ограбил, храм построил – грехи замолил, опять – убил, ограбил... Написал «чернуху», чтобы издали, а издали, чтобы покупали, а покупают, потому как другого уже и нет ничего, да к тому же ещё и подталкивают к пороку на каждом шагу, рекламируя лжеискусство, вседозволенность и примат удовлетворения личной похоти взамен на отказ от мыслей о справедливости в обществен-

ном обустройстве, в отношении к матери-природе, часть которой – человек. И человек, писатель в том числе, совершивший хоть раз такой проступок ли, подлость ли, предательство самого себя, своей чистой души, сам запачкавшись, попадает в трясины того же порока, за счёт которого хотел сделать деньги, славу, чтобы потом опять быть честным, белым да пушистым. Нет. Не получится. Если совесть у таких дельцов ещё остаётся, то приходится за собой подчищать, исправлять искажённые мысли, души людей, а уж с загубленными жизнями ничего не поделаешь... Мы забываем, что и песчинка влияет на мир необратимо, а уж сказанное публично слово тем более... А сделать сознательно подлость или промолчать, видя, как на твоих глазах её совершают, и потом брать на себя смелость что-то ещё и говорить о совести... Нет тогда у вас такого права. Добро не нужно передевать во зло, чтобы доказать его правоту. Добру нет нужды прибегать к обману. И если уж биться, то в честном бою...

А теперь она обвиняла меня в том, что я испугался биться в честном бою, что я вообще сдал свои убеждения без боя... «Разве ты не видишь, что происходит в вашем городе? Коверкается русская классика, подменяются основы русской морали, искажается нравственность русского человека в точном соответствии с указаниями иудейского Талмуда...»

Я пытался её успокоить, напоминал ей, что и ранее у нас режиссёром в театре был еврей, которого она тем не менее отмечала как талантливую, стремящуюся сохранить русскую национальную основу в постановке отечественных пьес; а если брался за иностранную драматургию, то выводил на первый план доброту, душевную красоту, любовь... «Ну и где он теперь? – возражала мне Вика. – Нет его. Выжили. Точнее, он сам себя выжил... Захотелось стать русским человеком, даже женился на еврейке, принявшей христианство... Но как он может

пересилить веками формирующийся уклад жизни иудейской? Это похоже на то, если волк попытается приучить себя быть вегетарианцем – он рано или поздно всё равно убьёт ради пропитания или сам умрёт от голода».

Я опять пытался возразить ей, осторожно намекая на то, что и она в своё время наверняка сотрудничала с журналистами, которые были евреями по национальности, но понятия не имели о догматах иудейской веры и уж тем более не были сионистами...

«Потому и нет давно уже нашей газеты, а все агентства журналистских расследований работают теперь только по мелочёвке... Даже если публикуется серьёзный материал, то разве он может что-то изменить?.. И разве могут сегодня профессиональные журналисты работать под своими фамилиями без риска для жизни? Где, например, прежний редактор вашей местной газетёнки, которая выступила даже не с критикой, а лишь попыталась одёрнуть не в меру разошедшихся разрушителей общины русской через захват ключевых позиций в учреждениях культуры? Сбежал? Наверное, после того, как попал в автомобильную катастрофу его спонсор? Случайность? Промысел Божий? Да вы там все готовы сбежать либо со страху пошевелиться боитесь...»

И отключила телефон... Неприятный осадок остался. Аж сердце защемило. И даже объясниться нет возможности. Вот так, накричала, скинула свои эмоции и обрезала связь. Разве это нормально? Чего тогда вообще звонила? Сказать, что я такой плохой? Похоже, что это для неё уже неоспоримый факт только в силу того, что я не поддержал её очерк и что не иду устраивать еврейские погромы. Да, наверное, она и права в том, что я боюсь высказывать открыто протест против того, что происходит с молчаливого согласия властей. Да и как не бояться, когда сегодня могут подставить кого угодно. Деньги и глупость сделали человека совершенно бесправным. И жизнь чело-

веческую, ваше честное имя сегодня могут уничтожить по дешёвке. Поэтому хорошо Вике Беговой быть смелой, спрятавшись за десятками псевдонимов. Ведь именно так и устроена работа журналистов под прикрытием...

Виктория Бегова. 25.07. 2009. 10:51. Сегодня В.М. Шукшину 80 лет. Что за русские мужики в шукшинских расказах? Да разве в чудаковатости изюминка? То, что преподносится как придурковатость и простота малого народа у подножия великих европейских или каких иных культур, у Шукшина как уверенность в своей правоте, в святости поступка по совести в любой ситуации, даже когда из человеческой жизни пытаются сделать большую игру.

Честно говоря, без Вики – будем её так называть и далее – в редакции газеты «Беспредел в законе» было трудно. Продолжали поступать письма по её публикациям, читатели требовали продолжений, многие респонденты предлагали поделиться с редакцией имеющейся у них информацией, но непременно хотели, чтобы с ними общалась «та самая журналистка».

А журналистка на связь не выходила. Телефон её молчал. Квартира, в которой она жила, была заперта. Соседи ничего не знали...

Попытались «пробить» её местонахождение через адресный стол ГУВД, и тут выяснилось, что в Питере с такой фамилией проживает совсем другая женщина.... Значит, и тогда у неё был псевдоним... Но ведь, кажется, она предъявляла паспорт при оформлении договора.... Нет. Паспорт она забыла дома. Паспорт она потеряла. Предъявляла журналистское удостоверение какой-то ассоциации. Да и не получила она у нас зарплату, отработав всего лишь месяц... Дочка? Да, девочка была... Нашли даже няню, но та не имела ни малейшего представления о том, куда подевалась Вика, хотя деньги ей были уплачены в полном объёме до конца года.

Нужно было чем-то заменить её материалы, и я пошёл к знакомым ребятам в агентство журналистских расследований. Договорились, что они для начала будут предоставлять нам бесплатно новостную ленту по криминальным событиям и сбрасывать неликвидный информационный товар.

Мы сидели с заместителем директора агентства за журнальным столиком в большой комнате рядом с дверью в кабинет их шефа. Помещение агентства находилось в старинном особняке в центре города. Высокие потолки с лепниной. Огромные окна. Камин. Столы же и стулья, по всей видимости, попали сюда из находящегося неподалеку музыкального училища или из какой-либо школы. Исписанные шариковыми ручками, исцарапанные перочинными ножами, с облупившимся покрытием, они составляли резкий диссонанс общей внутренней архитектуре и... нашему столику, который при ближайшем внимательном рассмотрении оказался не журнальным, а, скорее всего, частью дамского будуара, то бишь туалетным столиком из красного дерева, с резными ножками. На нём на обрывке газеты лежало овсяное печенье, в гранёных стаканах был крепкий чёрный чай, в разорванной пачке оставалось ещё несколько кусков рафинада, простой алюминиевый электрочайник стоял под столом... В комнате постоянно происходило какое-то движение. Заходили и уходили молодые, в основном, люди. Девушка в кожаной жилетке расшифровывала запись на диктофоне, пристроившись на широком подоконнике. В самом центре комнаты, сдвинув два стола, собралась группа из пяти сотрудников агентства, оживленно обсуждая фотографии, которые раскладывал перед ними ещё один мой знакомый, помогающий иногда нашей газете интересными снимками из непарадной жизни Северной Пальмиры. Когда кто-то проходил в кабинет, нам приходилось поджимать ноги... Потом и мой собеседник,

попросив меня подождать пять минут, тоже скрылся за этой дверью... и оставил её полуоткрытой.

Виктория Бегова. 15.08.2009. 20:20. В городе Славянск-на-Кубани, расположенном в 70 километрах от Краснодара, прошёл VI Международный фестиваль славянской культуры.

Разговаривали трое – директор агентства, его заместитель и незнакомый мне мужчина, зашедший в кабинет несколькими минутами ранее. Был он постарше остальных, спортивной комплекции, характерной для мужчин лет сорока, которую не скрыть даже под свободным чёрным плащом... И вот тогда, как мне сегодня кажется, я впервые услышал сочетание имени и фамилии – Виктория Бегова.

Говорили они о том, что эта самая Виктория после гибели мужа совсем «с катушек съехала» и хочет занять его место. А муж её работал на агентство журналистских расследований под прикрытием в разных «горячих точках», в криминальных группировках... Причём никто в агентстве не знал его настоящего имени, откуда он появился, как он умудрялся оказываться в самых опасных местах...

Это было, конечно, большое упущение, что они разговаривали вот так вот, не проверив, закрыта ли плотно дверь... Я же сидел, стараясь не шевелиться, не дышать, и уже не сомневался, что речь идёт именно о той самой журналистке, которая работала в нашей газете.

Вика не просилась на работу в агентство. Официально она уже устроилась в маленькой частной газетёнке где-то в Курской области. Сняла с дочкой полдома у одинокого старика. Писала о различных культурных событиях... Но в это же время она передала в агентство материал, разоблачающий махинации чиновников, раскрывающий подноготную криминальной среды... Материалы проверили. Они пойдут в центральную прессу под разными

псевдонимами. Агентство проследит, чтобы не прошли они и мимо прокуратуры...

Виктория Бегова. 19.03.2010. 12:25. Если себя любить не за что, тогда надо начать с себя... И только тогда смеешь что-то другому сказать, когда к себе хотя бы уважение появится... Но как быстро иногда проходят некоторые авторы путь от самоуважения до самовосхищения, утрачивая чувство меры, стыд, совесть, никого, кроме себя, не замечая...

Я сначала намеревался поговорить с заместителем директора агентства о Виктории, попросить канал связи с ней.... Но... Допили мы с ним остывший чай, обговорили окончательно все нюансы нашего сотрудничества по заявленным ранее позициям и распрощались. Раз Виктория так решила, значит, у неё были на то причины...

Виктория Бегова. 20.03.2010. 15:07. Вы всё усложняете, точнее, вводите в область философии, идеализируете предполагаемую реальность... Начните с малого, уступите место старушке в трамвае. И продолжите в большом – задумайтесь о том, почему эта старушка в заштопанном пальто едет в трамвае, а 19-летний бизнесмен, торгующий развлечением, катит на собственном автомобиле, не замечая её на трамвайной остановке, забрызгав грязью... А МОЖЕТ БЫТЬ, ВСЁ КАК РАЗ И ПРОИСХОДИТ из-за того, что мы не замечаем эту старушку и всё прощаем тому юнцу, не желая с ним связываться... Нет. Пока есть у вас совесть, она непременно поставит вам оценку... А «двойка» это или «пятерка» – не так уж и важно на пути к совершенствованию. Главное – не сворачивать с этого пути...

И вот теперь, как мне кажется, Виктория вновь напомнила о себе. Она всё это время была рядом. Более двадцати лет... Сейчас ей уже за сорок. Сотрудничает ли она по-

прежнему с агентствами журналистских расследований или спокойно работает в какой-нибудь провинциальной газете, развлекаясь посещением нашего литературного сайта? Я с нетерпением ждал её появления в Гостевой и в глубине души всё же надеялся, что она снова мне позвонит и я тогда предложу ей встретиться. Но всё случилось совсем иначе.

Виктория Бегова. 31.03.2010. 09:48. Когда будут опубликованы итоги фестиваля и есть ли уже предварительные итоги по количеству заявок на «Правду жизни»?

Это был её последний вопрос в Гостевой... Всё, о чём я расскажу далее, мне удалось узнать частично от Никиты Битова, частично от питерских знакомых, так или иначе имеющих отношение к журналистике.... Ведь на самом деле журналист – профессия для избранных. Здесь нужно иметь не только любопытство, но и стремление к истине, к справедливости, а ещё усердие, трудолюбие и дар владения словом, умение передать словами не только то, что видишь, но и то, что понимаешь, то, что чувствуешь. Журналист сродни поэту – не подвластен себе: истина руководит его судьбой. И не нужно путать с журналистами тех, у кого на руках диплом об окончании журфака, тех, кто числится в штате СМИ, сочиняя материалы по заказу своих хозяев... У журналиста по призванию не может быть хозяина, кроме собственного чувства справедливости. Поэтому журналисты знают друг друга. Была ли Вика из их числа? Я листал подшивки различных газет, публикующих материалы журналистских расследований, и пытался опознать материалы Вики. Вчитывался в стиль, в псевдонимы, сличал географию и хронологию материалов с высказываниями Беговой в Гостевой. Но вычислить её публикации можно будет только в том случае, если она писала их сама. А если за ней стояла группа

журналистов? А если сотрудники какого-либо спецподразделения? Скорее всего, так оно и есть, но только в плане получения информации, а текст она должна была обрабатывать сама.... Хотя почему я так решил? Наоборот, она могла объяснить в редакции газеты разницу стилей в поставляемых ею материалах как раз беспокойством за свою безопасность: мол, приходится специально менять всё время стиль, чтобы её не смогли узнать под разными псевдонимами... Ага. Вот география совпадает. Есть её заметка в Гостевой про какой-то фестиваль, а здесь о скандале с коррупцией в том же регионе. И здесь... Конечно, может быть, и совпадение, но маловероятно...

В последнее время Вика Бегова работала с торговцами оружием, взрывчаткой.... Никита Битов тоже был не чужд этой теме. И он лукавил, что знал Вику только по Гостевой сайта. У меня складывалось такое впечатление, что они знали друг друга давно.

Отслужив срочную в десантных войсках, получив ранение и боевую награду на грудь за Афганистан, он вернулся в Питер, где поступил на заочное отделение журфака и стал зарабатывать на жизнь, сотрудничая с криминальными рубриками различных газет. Это было как раз в то самое время, когда в Питере появилась Вика. Они просто не могли не встретиться.

Никита был из тех самых настоящих журналистов, который влезал в тему, изучая её со всех сторон. Его отлично знали и оперативники, и бандиты. Он пил водку и с теми, и с другими... Порой его статьи носили настолько откровенный характер, что их боялись публиковать... И не зря, так как, несмотря на авторитет Никиты в кругах криминальных, дважды его пытались убить. Один раз набросились с ножами в подъезде... Но, видно, в армии он времени зря не терял. Все трое нападавших поступили в больницу с тяжёлыми травмами. Во второй раз его

решили просто пристрелить, и опять он почувствовал пулю раньше, чем она его достала, – отделался лёгким ранением, а вот тот, кто стрелял, говорят, долго не прожил после этого случая...

Так что, хоть и не видел я Вику и Никиту вместе, но уверен почти на сто процентов, что они были знакомы... Хотя о чём это я? С чего я взял, что Никита и Вика именно те, о ком я думаю? Ведь столько времени прошло... Я мог подзабыть и голоса, и манеры... Не говорю уж о внешности. Слова, обронённые в разговоре, позволяющие делать подобные предположения, могли быть либо случайными, либо услышанными от других людей. Но иной версии у меня нет... К тому же я вспомнил ещё одно странное совпадение. Никита всё время с нетерпением ожидал дня выплаты гонораров, нередко брал в долг... А вот когда Вика исчезла из Питера, он перестал осаждать редакции газет, стремясь продать информацию. Теперь его приходилось даже уговаривать, чтобы он подготовил какой-либо небольшой материалчик. То есть деньги у него появились. И из города он стал периодически пропадать. Не на Вику ли он работал?

Тут одно из двух. Или я ошибся, приписывая Вике авторство публикаций, к которым она не имела никакого отношения, или на неё действительно работала группа журналистов. Но на неё ли? Я неоднократно слышал о том, что ещё в те времена, когда публикация в СМИ могла привести к каким-то последствиям, к реальному, например, возбуждению уголовного дела прокуратурой или к выезду партийной комиссии на место происшествия, да и позже, когда публикации ещё как-то воздействовали на формирование общественного мнения, – уже в те времена существовала практика спецподразделений «сливать» информацию в СМИ через «своих» журналистов. Возможно, Вика была из таких журналистов... Хотя припоминаю один разговор с Никитой.

Он тогда работал над важным материалом для ведомственной газеты. По этой причине ему выделили кабинет, разрешив использовать его по своему усмотрению. И аванс, по всей видимости, ему тоже хороший выдали, потому что пили мы в тот вечер не пиво из ближайшего ларька, а коньяк армянский, извлечённый из фирменной упаковки, закусывая маслинами, икрой красной и шоколадом «Вдохновение», отвлекаясь периодически на заварной ароматный кофе и разговоры про жизнь справедливую. Никита, вальяжно развалившись в кресле, лениво ухмылялся, подёргивая жёсткие светлые усы. В полумраке прорисовывались очертания его крупной головы с короткой стрижкой русых волос, отливали голубизной глаза. Если бы вместо джинсов и футболки обрядить его в русскую национальную одежду, то прямо как богатырь с картинки получился бы.

Тогда-то он и возразил на упрёк в свой адрес, что как же это его с такими задатками криминального репортёра в агентство журналистских расследований до сих пор не пригласили, или сам чего не создал...

Журналист, с точки зрения Никиты, это тот, кто даже в материале о бабочке, пролетевшей над цветком, будет копать до тех пор, пока не поймёт, зачем она тут появилась и как это скажется на людях, здесь живущих. И пошёл он на журфак не потому, что графоманией страдал или нос в чужие дела совать любил, а в надежде принять реальное участие в борьбе за торжество всеобщей справедливости. А в таком случае неважно, чья фамилия будет стоять под материалом, который тобой подготовлен. Если для пользы дела его нужно подписать фамилией какой-либо дамочки, так без проблем...

Только всё равно эффективность публикаций в прессе падает за счёт того, что умышленно создаются сотни газетёнок, новостных телепрограмм, различных ток-шоу,

которые забалтывают всё и вся, рассеивая внимание общественности, обесценивая слова, когда даже нормы законодательства игнорируются или о них вспоминают выборочно. И народ безмолвствует, утомлённый всей этой беспрерывной пустой болтовнёй, вылитой на слово правды. Потому, наверное, лучше сразу от слов к делу, раз уже не докричаться ни до кого...

Тогда мы не обратили внимания на заявление Никиты, а он через некоторое время уволился из газеты, куда его взяли на должность начальника отдела с хорошей зарплатой, и, говорят, вернулся в армию на контракт.

Собственно говоря, мы с Никитой и приятелями-то не были. Так, вращались в одних кругах. И в тот раз я оказался в компании с ним, потому что третьим был наш общий знакомый Сашка Ткач из ведомственной милиции. Кажется, он с дежурства возвращался – уже переоделся в «гражданку», но пистолет ещё не сдал. Мы случайно столкнулись на улице. Слово за слово – давно не виделись. А тут и Никита Битов появился – предложил зайти, его новый кабинет обмыть. Ну и зашли. Посидели... Припозднились. Никита чем больше пил, тем угрюмее становился. Наконец он совсем замолчал и, казалось, даже уснул сидя – ткну мизинцем, и завалится. Не бросать же его в таком состоянии. Повели домой.

По дороге натолкнулись на толпу гостей города, приехавших из какой-то южной республики. Вели они себя шумно и весьма активно навязывали свое общество двум девушкам, явно того не желающим... Нам бы сторонкой их обойти, что я и намеревался сделать, но в Сашке разыграл милицейский инстинкт, и он потребовал соблюдения порядка на улицах славного Питера. Однако слова его никакого положительного эффекта не возымели, а совсем даже наоборот – вызвали волну оживления среди присутствующих. Никита бесчувственным девяностоки-

логграммовым грузом повис на мне, так как Сашка оставил нас и отважно направился в сторону тех, кто посмел смеяться над его словами.

Но, похоже, зря он это сделал. При любом раскладе мы оказывались в проигрыше. Если сейчас у Сашки отберут удостоверение и пистолет, то ничего хорошего из этого не получится. Если же он кого-либо пристрелит, тоже сложно будет доказать его правоту, с учётом выпитого спиртного. А в драке нам вдвоём с этой дружной компанией не справиться. Никита не в счёт. Да и я, честно говоря, не силён в разборках. Так что забьют они Сашку. Тем не менее, я стал оглядываться, выискивая, к чему бы Никиту прислонить. А толпа веселится. Здоровые все как на подбор. Любой из них выше Сашки... А этот, видать, за лидера. Выступил вперёд, рукой Сашку подзывает, смеётся и что-то на своём кричит... И тут Никита зашевелился, разлепил глаза, оттолкнул меня: «Этот ты зря сказал...» Я ещё ничего сообразить не успел, а он уже склонился над поверженным весельчаком и что-то объяснял ему на его же языке. Мимоходом были выведены из строя ещё шестеро. Мы с Сашкой в тот момент, наверное, мало чем отличались от девчонок, на лицах которых смешалось удивление с восхищением... А Никита закончил свой монолог, вновь перейдя на русский: «Пшёл отсюда!» - и, обернувшись к нам: «Ну?» Мы так и не поняли, что от нас требовалось, но передвинулись к нему поближе. Пройдя метров тридцать, мы завернули за угол дома, и тут Никита вновь «отрубился», повиснув у нас на руках....

После этого случая, пожалуй, я его больше и не видел. Что-то слышал несколько раз, как-то материал его в нашей же газете видел, и всё. Потом он вернулся в армию, хотя были разговоры, что и не в армию, а в какое-то спецподразделение по борьбе с терроризмом и организованной преступностью. По крайней мере, так говорили...

С Викой, по его словам, он познакомился тоже через Гостевую нашего сайта... Потом у них завязалась частная переписка. Хотя Никита и жил где-то в наших краях, они договорились встретиться в Москве. К тому времени Никита Битов вышел на пенсию – то ли по выслуге лет, то ли по инвалидности, так как перед этим почти полгода в госпитале провалялся. Подробностей я не выпрашивал, а он о себе особо и не распространялся. Всё больше о Вике... Они с ней так и не встретились...

Я смотрел на сидящего передо мной человека и пытался угадать в нём того Никиту Битова из далёкой юности. Вроде бы такая же богатырская комплекция, хотя, конечно же, возраст наложил свой отпечаток. Он суше стал, жилистей, что ли, совершенно седой, лицо в шрамах и морщинах, которые не скрывает даже густая светлая щетина. А глаза... У того Никиты были яркие голубые глаза. А у этого – какого-то непонятного цвета, словно дымкой подёрнутые. И очень усталые...

Сначала они с ней переписывались, потом в чате общались, а потом через «скайп». Она часто говорила, что самая большая победа в жизни каждого человека – это победа над самим собой, над своими страхами, подлыми мыслями и желаниями. И ещё она говорила, что жизнь одного невинного ребёнка дороже любых государственных идеологий и глобальных экономических задач. Но в раннем детстве мы можем сами лишить ребёнка шанса на победу, не разъяснив ему, что дистанция жизни не бесконечна, как кажется малышу, а весьма коротка и полна препятствий, и поэтому стартовать в беге к победе над собой нужно как можно раньше, чтобы осталось время для реализации возможностей победителя. А что это за возможности? Да право достойно жить по совести, ни у кого не выпрашивая это право как милостыню. Но

легко рассуждать, когда вопрос выбора не касается тебя самого. Вика была в разговоре напориста, уверена в том, что и сама поступит именно так, как она говорит. Вскоре ей представился случай проверить это на практике.

Она разрабатывала каналы поставки оружия... Когда-то и Никита тоже подымал эту тему. Он прошёл весь путь от поставщика к заказчику. Но тогда всё было гораздо проще – и масштабы не те, и использовалось оружие в основном для бандитских разборок. А теперь речь шла о поставках оружия для террористов. И получалось, что торговали им совсем не в заморских странах, а здесь, у нас. И наживались на его продаже не арабы заезжие и даже не генералы армейские... Вика, наверное впервые за всю свою жизнь, по-настоящему испугалась. При этом она не могла объяснить причину своего страха. Рисковать ей приходилось не в первый раз... И поддержка у неё была наверняка...

Ах, да, как раз эта самая поддержка и посоветовала ей ограничиться информацией о непосредственных исполнителях, написать статью о том, как можно купить автомат на столичном рынке, и успокоиться. Но как она могла успокоиться, если страшная догадка не давала ей спать ночами, скручивая навязчивыми кошмарами, выжимая пот из дрожащего тела...

Может быть, дело всё же в обыкновенном разгильдяйстве или, в крайнем случае, в обыкновенной жадности, в желании лёгкой наживы? Конечно, и ранее она сталкивалась с тем, что в криминальных кругах специально устраивали какие-либо конфликты, чтобы потом можно было требовать от братвы дополнительных средств и полномочий для наведения порядка...

Но дело усложнялось ещё и тем, что зять её «в люди выбился» и оказался, совершенно неожиданно для Вики, замешанным в этих делах. А она-то радовалась, что у её

внучки отец такой замечательный, что дочь за ним как за каменной стеной, что мужик не пьёт, не гуляет, а всё деньги для семьи зарабатывает да во власть пошёл потихоньку...

А тут в одной оперативной информации она натолкнулась на его фамилию. Как быть-то? Для родных-то она была скромным провинциальным журналистом, звёзд с неба не хватавшим... С зятем поговорить или с дочкой? Но тогда придётся раскрыть себя...

С кем-то нужно было посоветоваться. И она рассказала всё Никите. Ну не всё, конечно, а так, намёками, но тот понял и готов был вписаться в ситуацию, подтянуть, в случае необходимости, настоящих бойцов, в деле проверенных. А если понадобится, то и в сторону уйти он тоже знал как. Встретиться договорились...

Честно говоря, Никита подумывал, что вот, мол, разрулят все проблемы да и предложит он ей вместе старость коротать. А что такого? Насколько ему известно, мужа у неё нет. Иначе чего б она к нему обратилась. А у него... У бывшей жены давно уже другая семья. Дочки взрослые. Одна вышла замуж за курсанта и после выпуска уехала с ним на Дальний Восток. А другая – в Харькове, тоже за военным, правда украинской армии... Жаль, пацана нет, а то наверняка знатным воякой был бы, раз даже девки тянутся к воинам... Да и батя тот ещё...

Вике, наверное, уже осточертела вся эта романтика бессмысленного риска.... Чего только она запаниковала? Из-за зятя? Не знала, что дело имеет всё с той же братвой, только неизмеримо разжиревшей на награбленном, потерявшей всякое чувство меры и не ценящей жизни других людей ни в копейку? Или чего-то недоговаривала? Ждал её Никита. Планы строил. Слова правильные для встречи подобрал.

А Вика всё же решила действовать самостоятельно. Она приехала в Москву и связалась с одним из тех, кто получал большие деньги с торговли оружием и который мог, при желании, вывести её родственника из игры без каких-либо неприятных последствий. Проще говоря, она решилась на шантаж, предлагая своё молчание взамен на безопасность семьи дочери.

Она действовала так же, как поступили с её зятем. К тому зашли в кабинет и бросили на стол пачку фотографий с его женой и ребёнком. Сегодня их сфотографировали – завтра застрелят. Для того, чтобы этого не произошло, нужно обеспечить проезд в Москву нескольких машин без досмотра на дорогах. И он обеспечивал, почти полгода... Деньги ему за это платили. Он брал... Не брать, бросить всё, уволиться с должности, отказаться он боялся. Не за себя – за жену с дочерью. Но в этот раз в Москве должно было что-то произойти. И его сразу вычислят. Тем более что оперативная информация и так уже есть. И ещё не факт, что его успеют задержать – зачем лишние свидетели? И поэтому Вика решила действовать сама, не теряя времени.

Но с кем она хотела договориться? Кого напугать? Чем? Информация теперь чего-то стоит только в кино про суперменов... Разве мало публикаций о крупных чиновниках и политиках, в которых прямо говорится, что они воры, грабители, убийцы? Много. Но герои этих публикаций по-прежнему осуществляют успешный карьерный рост и имеют хорошие рейтинги в опросах общественного мнения.

Над ней посмеялись и предложили свой вариант сделки. Она приходит сама и лично проводит шахидку по Москве до места акции, а после взрыва они не только оставят в покое её зятя, разрешив ему скрыться, но даже

дадут на дорогу приличную сумму и помогут ей с публикацией такого сенсационного материала. В противном случае уйти не удастся никому.

Какую глупость на старости лет сделала? Почему сначала с Никитой не встретишься? Почему спецов не попросила о помощи?

А времени-то, времени нет совсем...

Даже если они блефовали и прокуратура поверит тем материалам, которые она предоставит, то уже можно не успеть. Да и маловато, конечно, доказательств. Информация верная, но для официального противодействия неубедительная.

Даже если кого-то сейчас задержат и разорвут цепочку, то каждое её звено будет продолжать двигаться к заданной цели...

А куда двигаться ей?

Спасать своего ребёнка, который даже не подозревает об опасности, нависшей над ней?

Или всё же попытаться предотвратить теракт, подняв тревогу через своих людей в спецподразделении?

«Я не смогла...» – пришла от неё SMS-ка Никите. Он попытался ей перезвонить, но телефон не отвечал. Стучался в «аську», звонил по «скайпу», но тщетно. Что она не смогла? Не смогла не попытаться предотвратить теракт? Или не смогла не попытаться спасти семью дочери?

Страшный взрыв в центре Москвы унёс десятки человеческих жизней... Средства массовой информации наперебой выдвигали свои версии случившейся трагедии.

И лишь однажды в каком-то новостном телевыпуске упомянули, что в тот день был ещё взрыв, в одной из московских квартир на окраине города, где тоже обна-

ружили следы взрывчатых веществ, оружие, трупы двух женщин и пятерых мужчин...

Да было ли это на самом деле? Возможно ли такое ужасное стечение обстоятельств? Была ли реальная Вика Бегова?

Я смотрел на сидящего передо мной человека и пытался угадать в нём того Никиту Битова из далёкой юности. Такая же богатырская комплекция, разве что суше стал, что ли, жилистей, совершенно седой, лицо в шрамах и морщинах, которые не скрывает даже густая светлая щетина. А глаза... У того Никиты были яркие голубые глаза. А у этого – какого-то непонятного цвета, словно дымкой подёрнутые... Или слезой...

Вот такая история получилась. Хотел рассказать только о Вике, но не смог умолчать и о тебе, Никита. Ты уж прости...

ПУБЛИЦИСТИКА

Любовь РЫЖКОВА

г. Рязань

Поэт, прозаик, филолог, член Союза писателей России, кандидат педагогических наук. Автор многих книг – художественных, литературоведческих, исторических, научно-публицистических. Номинант первого конкурса «Алые паруса» Министерства РФ по делам печати в номинации «Поэзия» за рукопись книги «Брусничный рай» (2003); лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы имени Алексея Толстого (2007); лауреат Первой премии Международного благотворительного фонда «Русская культура» (2008); лауреат международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (2009).

Автор книг «Номо scribens», «Сотаинник», «Цветочная азбука», «Волшебный букварь», «Зарифмованный дворец», «Солнечная история», «Золотая пыльца», «Духовные воители Руси», «Учебно-методический комплекс» в 3-х книгах, «Августейшая ночь» и др.

ЖРЕЦ ИСТИНЫ

Слово в защиту достоинства
РУССКОГО ЛИТЕРАТОРА В.Г. БЕЛИНСКОГО

Нераскрытая тайна личности

Давно мне хотелось написать статью о В.Г. Белинском: его творческая жизнь с университетских времён тревожила незрелое сознание, особенно с момента, когда однажды буквально «обожглась» его мыслью, высказанной в книге «Сочинения Александра Пушкина», в «Статье восьмой»: *«Озлобленный ум есть тоже признак высшей на-*

туры, потому что человек с озлобленным умом бывает доволен не только людьми, но и самим собою».

В пору юношеской мечтательности и связанных с нею дерзновенно-нигилистических настроений мысль эта для многих звучала актуально. Потом-то сам Виссарион Григорьевич так скажет об ошибках молодости: *«Кто в молодости не мечтал, не предавался обманам, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался в них, и кому эти разочарования не стоили сердечных судорог, тоски, апатии, и кто потом не смеялся над ними от всей души?»*

Шло время, а статья всё не была написана. В последнее время, видимо в связи с 200-летием со дня рождения В.Г. Белинского, стали появляться о нём статьи, и надо сказать, не всегда с положительной оценкой. Более того, весьма далёкие от объективности. И чаще – больше похожие на злобные наветы, запоздалое и безопасное для авторов критиканство.

Буквально на днях, получив «Литературную Россию», нахожу здесь материал «Против естества русской культуры», автор – И. Гречаник (№ 27 (2461) 02.07.2010). И что же мы здесь находим?

«Белинский прошёл мимо важнейших религиозных идей...»

«Он не смог всецело оценить талант многих классиков – от Пушкина и Гоголя до Гончарова и Достоевского...»

«Белинский, в первую очередь уязвимый в силу отсутствия историзма в системе мышления...»

«Белинский оказал губительное влияние на русскую критику...»

«... главная ошибка Белинского и его последователей состояла в том, что они восстали против естества русской культуры, породившей шедевры древнерусского слова и искусства...»

Если бы не знать, что всё сказанное относится к В.Г. Белинскому, можно подумать, что речь идёт (в лучшем случае) о каком-то заурядном писателе или захолустаном

журналисте, едва могущем написать чахлый репортажик в провинциальную, дышащую на ладан газетёнку. А ведь всё это сказано о В.Г. Белинском. И дело вовсе не в том, что его имя мы действительно привыкли произносить с уважением, и не в усвоенных «догматах советского литературоведения», а в том, что личность этого критика всё ещё остаётся для нас нераскрытой тайной.

Достойна чести та дискуссия, когда обе стороны находятся в равных условиях и имеют одинаковые права. И напротив, недостойна та, где этого нет.

Давно сказано: лежачего не бьют. И ещё сказано: о мёртвых не говорят худого... хотя бы потому, что они находятся для нас в зоне недосягаемости.

При этом рассуждать о творчестве – можно, судить – нельзя, а где их зыбкая грань – каждый решает для себя сам в меру отпущенной ему Богом совести.

Может быть, потому и появляются в последнее время о В.Г. Белинском работы, не только отмеченные здравым смыслом, но и буквально обличительно-пасквильные.

Как жаль, что В.Г. Белинский не может ответить на все эти выпады, отдающие дерзостью моськи, этакой шариковской смелостью, бодрым потявкиванием из-за угла, когда в случае опасности есть куда скрыться и, возможно, за кого спрятаться.

Но самое главное, когда тот, на кого нападают, уже не может ответить и вступить за свою честь.

Вот и автор данной статьи, заранее зная, что подобное отношение к В.Г. Белинскому вызовет гнев (и справедливый!) со стороны многих мыслящих людей, тут же ополчается против потенциальных оппонентов: «... таких «образованных» «белинсколюбивых» людей вполне можно понять: заучили, фактически, с детства про «энциклопедию русской жизни», и когда нашёлся «нахал», ни с того ни с сего «ляпнувший» неосторожное словцо, что, мол, дескать, знаем ваших кумиров, – долг всякого интеллигентного человека до-

блестно встать на защиту святыни, чтобы не потускнели золотые буквы, выгравированные в сознании...».

По всей видимости, к таковым «нахалам» (причём со знаком «плюс») причисляет себя и автор сего сочинения, пасквильного по своей сути и не отличающегося ни подлинной смелостью, ни настоящим патриотизмом, но зато отмеченным агрессивностью, собственной безликостью и цитированием чужих мыслей.

Хотя В.Г. Белинский давно заметил на этот счёт: «*Замыслованные мысли редко удаются*».

Сам же автор статьи себя относит к патриотам Отечества и, несомненно, почвенникам. Но почвенник почвеннику рознь, так же как западник западнику.

И мы встаём не на защиту «святыни», а на защиту достоинства русского литератора В.Г. Белинского, ибо долг нормального человека (не обязательно интеллигентного) – уважать других. Для многих нормальный и интеллигентный человек – почти одно и то же. И интеллигентность никогда не была признаком элитарности, позволяющей снисходительно смотреть на народ. Более того, исток интеллигентности – народная этика, твёрдые и жёсткие нравственные правила, неписанный кодекс чести, который гораздо сильнее любых писаных законов.

Эволюция взглядов В.Г. Белинского, или К чему приводят стереотипы

Да, мне давно хотелось написать статью о В.Г. Белинском, и может быть, назвать её «Знакомый незнакомец Белинский». Понимаю, что не весьма оригинально, но это позволило бы сразу отметить, что Виссарион Григорьевич Белинский до сих пор являет собою пример какой-то удивительной и странной литературной и человеческой судьбы, совершенно не понятой современниками и непонятой нам, людям XXI века. Как бы мы ни силились

понять его, мы тут же столкнёмся со стереотипами, какими полны критические и литературоведческие работы о нём. Для одних он – гений, для других – злодей, с одной стороны, он патриот-националист, с другой – западник-космополит. Но это, повторяю, стереотипы, клише, которыми мы бездумно привыкли руководствоваться во всех случаях, когда речь идёт о В.Г. Белинском.

В изданиях советского периода мы непременно прочитаем, что он – революционный демократ, либерал, защитник просвещения и враг мракобесия и т.д. В современных работах звучат уже разные мнения, некоторые исследователи в пылу ниспровержения готовы выкинуть на помойку всё, что в советскую эпоху для нас являлось эталоном художественности и образцом хорошего вкуса. Под этим же углом всё чаще рассматривается и творчество В.Г. Белинского. И потому стали раздаваться мнения, что В.Г. Белинский – этакий нехороший западник, не пощадивший самого Н.В. Гоголя, и всё в подобном духе. Но духовный мир В.Г. Белинского гораздо сложнее и талантливее многого того, что о нём порою пишется, и гораздо напряжённее и драматичнее, чем мы себе представляем.

В связи с написанием этой статьи мне пришлось ознакомиться, помимо работы И. Гречаник, ещё с двумя материалами, на которые она ссылается: С. Сергеев «Не хочу быть французом» (<http://www.portal-slovo.ru>) и Ю. Павлов «Белинский как эмбрион, или Спасибо Винникову» (*Литературная Россия*, № 14, 2010).

С. Сергеев говорит о В.Г. Белинском деликатно и видит в нём «основателя либерального национализма в России», так как, по его мнению, национализм (как ни странно!) вырос на почве философии западников, а не славянофилов. Уважаемый автор приводит убедительный пример: «Не случайно крупнейший идеолог русского национализма Михаил Меньшиков вышел из умеренно либеральных, а отнюдь не славянофильских кругов». Это как раз говорит о том, что мы не должны и не имеем права снисходительно

отворачиваться от своих идеологических предшественников и что в философии западничества и в философии славянофильства можно найти рациональное зерно, и возможно, в синтезе их идей только и можно обрести истинную истину.

Жаль вот только, что автор другой статьи, Ю. Павлов, оказался не столь деликатен, как хотелось бы, и это видно уже по её названию. Не будем подробно останавливаться на её положениях, но заметим сразу, что характер работы – невыдержанный и тенденциозный. И потом, мы никогда не согласимся с тем, что *«критик – последователь французских революционеров-людоедов, сторонник философии разрешения крови по совести, праотец большевизма и современных либералов гайдаровско-чубайсовского типа»*. Это явный перебор. И хотя Ю. Павлов подкрепляет это вывод высказываниями самого В.Г. Белинского о его тяготении к радикальным мерам, тогда в этот ряд можно поставить многих писателей, например Ф.М. Достоевского, который в 1877 году в «Дневнике писателя» заметил: *«Но кровь, но ведь всё-таки кровь», – наладили мудрецы, и, право же, все эти казённые фразы о крови – всё это подчас только набор самых ничтожнейших высоких слов для известных целей. Биржевики, например, чрезвычайно любят теперь толковать о гуманности. И многие, толкующие теперь о гуманности, суть лишь торгующие гуманностью. А между тем крови, может быть, ещё больше бы пролилось без войны. Поверьте, что в некоторых случаях, если не во всех почти (кроме разве войн междоусобных), – война есть процесс, которым именно с наименьшим пролитием крови, с наименьшей скорбью и с наименьшей тратой сил достигается международное спокойствие и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношения между нациями. Разумеется, это грустно, но что же делать, если это так. Уж лучше раз извлечь меч, чем страдать без срока»*.

Безусловно, у В.Г. Белинского есть то, с чем мы не можем согласиться. Да, он действительно иногда не стеснялся в

выражениях, но это наблюдается лишь в личной переписке, вовсе не предназначенной для чужих глаз и ушей. Но мы добродушно позволили себе это забыть и теперь по-хозяйски копаемся в его письмах, небрежно указывая, что нам в них нравится и что нет, будто это наша личная собственность. А забыли, вероятно, потому, что прошло 200 лет со дня рождения великого критика, и его письма, равно как и его сочинения, давно стали достоянием общества. Но это вовсе не означает, что мы должны поступать подобно библейскому Хаму, который, помнится, указывал на наготу своего отца, тем самым продемонстрировав свою подлинно хамскую сущность.

А вот станут ли достоянием общества наши с вами сочинения, господа хорошие, это ещё вопрос. Так что остыньте немного и поубавьте пыл, уличая В.Г. Белинского в грехах после его двухсотлетнего присутствия на русской литературной сцене.

Да, порой он дурно отзывался о некоторых людях, но это, опять же, наблюдается в личной переписке; в опубликованных сочинениях он придерживался хорошего тона, который, однако, вовсе не означает, что человек, придерживающийся его, всегда бывает приторно-ласков и не может высказать своего решительного мнения по тому или иному вопросу. Хотя, согласитесь, больно узнавать его отрицательное мнение о М.В. Ломоносове, В.К. Тредиаковском или, напротив, возвышенно-пиитическое – о Петре I.

Но нельзя относить к недостаткам В.Г. Белинского его собственное признание в том, что он плохо знал русскую историю. Иные прямо-таки цепляются за эти слова, видя в них повод для критики. Но это его признание говорит лишь о его самокритичности и высокой требовательности к себе; это же доказывает и другое его признание – в своей неспособности писать. Но это не значит, что мы должны тут же набрасываться на него, уличая его в творческом бессилии.

И.А. Бунин, кстати, всю жизнь мучился вопросом: а писатель ли он? Что же – от этого бунинского признания мы перестанем его любить и сделаем вывод о том, что он не умел писать? Не чересчур ли?

Да, В.Г. Белинский – так называемый революционный демократ, но был ли среди всех этих демократов, да и почвенников, кстати, тоже такой горячий и страстный патриот своего Отечества, каким был он?

Да, он западник, но ведь и величайшего патриота России И.С. Тургенева формально причисляют к этому стану. Но много ли найдётся западников, подобных И.С. Тургеневу, которые бы со всей страстностью природы писали о «великом и могучем» русском языке такие проникновенные строки, которые сегодня знает каждый школьник? Удивительно, но у В.Г. Белинского мы находим подобное: *«И мы первые скажем, что употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус».*

И разве так уж дурны его слова о русской личности, о том, что *«душна и страшна ей всякая ограниченность и узость»?*

Вероятно, каждый видит то, что ему близко, потому и выбирает из контекста именно эти фразы. И потому грустно читать такое замечание Ю. Павлова: *«Конечно, и «слева», и «справа» многие благородно возмутятся: как мог мерзкий карлик Павлов поднять руку на великана Белинского?»* Нет у меня такого чувства, нет, есть лишь грусть, ведь этот автор тоже приводит близкие ему доводы и тоже явно тенденциозные.

Мне думается, что В.Г. Белинский, как истинно мыслящий человек, шёл по своему духовно-нравственному пути, и в своей эволюции приблизился к славянофильским настроениям. И может быть, даже в большей степени, чем они, он стал выразителем национального самосознания. И мы совершенно не согласимся со следующей мыслью Ю. Павлова: *«Итак, большинство оценок, данных*

Белинским русскому народу в статьях и письмах, никак не попадает в разряд «русофильских», «националистических». Поэтому всё сказанное и не сказанное не позволяет согласиться и с версией Сергеева, и с мифом о Белинском как о «тайном славянофиле», о прозревшем русском, мифом, очень популярным среди «правых» в 70–80-е годы XX века и периодически транслируемым сегодня».

И уж совершенно беспочвенны его обвинения В.Г. Белинского во «флюгерстве». Уж чем-чем, а «флюгером» он никогда не был, напротив, отстаивая свою позицию, он часто поступал даже во вред себе. Он шёл своим путём, у него был свой взгляд, пусть иногда чересчур восторженно-экзальтированный, а иногда упадническо-пессимистический и снова – крылато-эмоциональный. Но это опять-таки не даёт нам повода снисходительно говорить об ошибках В.Г. Белинского и десятки раз в одной статье с явным ёрничаньем называть его «неистовым Виссарионом». Мне думается, любой человек заслуживает уважительного отношения к своему внутреннему миру. Или по крайней мере заслуживает того, чтобы его попытались понять, тем более если речь идёт о такой сложной личности, как В.Г. Белинский.

В этом смысле не вполне убедительны ссылки Ю. Павлова на мнения о критике других литераторов, в частности В.В. Розанова, который называл В.Г. Белинского «выродком», «клопом», проползшим по русской литературе». На наш взгляд, такой лексикой В.В. Розанов больше охарактеризовал себя, нежели В.Г. Белинского, это во-первых. А во-вторых, не стоит ссылаться на В.В. Розанова как на образец русского патриотизма. Достаточно привести лишь пару цитат из его работы «Апокалипсис нашего времени», чтобы понять истинное его отношение к России: «Между Европой и Азией мы явились именно «межеумками», т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муť и грязь внесли» – и ещё: «Среди «свинства» русских есть, правда, одно дорогое

качество – интимность, задушевность. Евреи – то же. И вот эту чертой они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек». Неужели после этих розановских слов на него можно опираться как на высокий русский авторитет? Увольте... И неужели его мнение о В.Г. Белинском может прозвучать для нас весомо? Никогда...

На защиту вечной гармонии

Но вернёмся к статье И. Гречаник. В.Г. Белинский – личность уникальная. Сложная. Противоречивая. И говорить о нём как о человеке, далёком от религиозно-философских идей, далёком от «историзма в системе мышления», и о том, что он не смог оценить талант многих современных ему поэтов, – более чем странно. И уж тем более безапелляционно заявлять, что он *«оказал губительное влияние на русскую критику»*... Считаю, это не просто заурядная безграмотность, а, возможно, некий умысел и даже ангажированность автора. По крайней мере вектор статьи далеко не славянофильский, хотя автор и сетует на то, что *«до сих пор за «бортом» литературной критики находятся славянофилы, а также К.Ф. Головин, Ю.Н. Говоруха-Отрок и ещё множество других незаслуженно замалчиваемых имён»*. Да, верно говорит автор об этих нарочито замалчиваемых и незаслуженно забытых именах, но к этому мы, возможно, вернёмся в следующий раз.

Конечно, есть у В.Г. Белинского мысли, которые без некоторого внутреннего противления читать сложно, но они возникают тогда, когда он восстаёт против «лапотно-сермяжного мнения» и встаёт на защиту «родной ему сферы вечной гармонии».

Но ведь у В.Г. Белинского много такого, что вызывает удивление, восхищение, даже восторг и что даёт о нём представление как о человеке широкого кругозора, дума-

ющем, ищущем, совестливом. Приведём лишь некоторые его мысли, где так много знания жизни и понимания её глубины, и остановимся в изумлении перед его талантом.

«Жизнь не обманывает глупцов; напротив, она всё даёт им, благо немного просят они от неё – корма, поїла, тепла да кой-каких игрушек, способных тешить пошлое и мелкое самолюбьице».

«Есть люди, которым если удастся что-нибудь сделать порядочное, они с самодовольствием рассказывают об этом всему миру и таким образом бывают приятно заняты на целую жизнь».

«Сердце имеет свои законы – правда, но не такие, из которых легко было бы составить полный систематический кодекс».

Таких жемчужин у В.Г. Белинского – тысячи, они щедро рассыпаны в его сочинениях, и можно только удивляться богатству его мышления, а ведь мы взяли их из одной лишь «Статьи восьмой» об А.С. Пушкине. То, что у него заключено в одной статье, у других, право, может быть заключено в огромном труде, а то и не быть вовсе.

Более того, у него мы находим мысли, совершенно созвучные нашей странной и дикой, цивилизованной, но бескультурной эпохе. Например, сейчас нам усиленно внушают идею толерантности (терпимости) – но разве русского человека надо учить миролюбию и доброму отношению к другим народам, культурам, верованиям? Миролюбие, добрососедство, человеколюбие, гуманность заложены в генетическом коде русского человека. Но что касается толерантности к злу – увольте! Вот и В.Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» говорит о гуманности, которая *«... находится в решительном противоречии с презрением к кому бы то ни было, кроме негодяев и подлецов».*

Сочинения В.Г. Белинского, посвящённые анализу творчества современников (А.С. Пушкина, М.Ю. Лер-

монтова, Н.В. Гоголя, И.С. Гончарова, В.И. Даля, А.И. Герцена), буквально пересыпаны разного рода замечаниями («В маленьких городках жизнь однообразна, узка, мелка, все друг друга знают и если не враждуют между собою, то непременно пребывают в нежнейшей дружбе: средних отношений почти нет»); житейскими наблюдениями, например о провинции и столице («Тут всё дико им, всё не так, как у них. Там жизнь простая, нараспашку; ходят друг к другу во всякое время, без доклада». «А здесь, в столице, все назаперти, везде колокольчики, везде неизбежное: как прикажете доложить? а потом то дома нет, то нездоров, то просят извинить – заняты, а когда примут, то, конечно, вежливо, но зато как равнодушно, холодно, никакого радушия, ни позавтракать, ни пообедать не пригласят...»); сентенциями («Философ говорит силлогизмами, поэт – образами и картинками, а говорят оба они одно и то же»).

Белинский прекрасно писал о любви: «Любовь имеет свои законы развития, свои возрасты, как цветы, как жизнь человеческая. У ней есть своя роскошная весна, своё жаркое лето, наконец, осень, которая для одних бывает тёплой, светлой и плодородной, для других – холодной, гнилой и бесплодной». Характеризуя героя, он пишет о местах детства так, словно каждому из нас зрит в душу: «Места – свидетели его детства – расшевелили в нём прежние мечты, и он начал хныкать о их невозвратной потере, говоря, что счастье в обманах и призраках. Это общее убеждение всех дряблых, бессильных, недоконченных натур».

Он писал о русском языке и таланте художника, о силе искусства и воспитании нравов, о русской истории и русской самобытности, о материнстве и детстве, о дружбе и труде.

Он поднимал вопросы для многих далеко нелицеприятные, не убаюкивающие и без того сонное сознание обывателя, но, напротив, пробуждающие от душевной спячки. Он словно тормозил своих современников, работающих на литературной ниве, убеждая их отказаться

от эгоизма, выдаваемого за добродетель, и призывая к высокой правде искусства. Приведём красноречивую цитату: «В самом деле, представьте себе человека обеспеченного, может быть, богатого; он сейчас пообедал сладко, со вкусом (повар у него прекрасный), уселся в спокойных вольтеровских креслах с чашкою кофе, перед пылающим камином, тепло и хорошо ему, чувство благосостояния делает его весёлым, – и вот берет он книгу, лениво переворачивает её листы, – и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезает с румяных губ, он взволнован, встревожен, раздосадован... И есть от чего! книга говорит ему, что не все на свете живут так хорошо, как он, что есть углы, где под лохмотьями дрожит от холоду целое семейство, может быть, недавно ещё знавшее довольство, что есть на свете люди, рождением, судьбою обречённые на нищету, что последняя копейка идёт на зелено вино не всегда от праздности и лени, но и от отчаяния. И нашему счастливцу неловко, как будто совестно своего комфорта. А всё виновата скверная книга: он взял её для удовольствия, а вычитал тоску и скуку. Прочь её! «Книга должна приятно развлекать; я и без того знаю, что в жизни много тяжёлого и мрачного, и если читаю, так для того, чтобы забыть это!» – восклицает он. – Так, милый, добрый сибарит, для твоего спокойствия и книги должны лгать, и бедный забывать своё горе, голодный – свой голод, стоны страдания должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтоб не испортился твой аппетит, не нарушился твой сон...»

Неужели после этих слов у кого-то ещё может возникнуть мысль о том, что В.Г. Белинский не любил своего Отечества, не желал ему блага, не стремился бы к исправлению нравов?

Ведь именно для того он и взывал к своим современникам, чтобы они смело взглянули правде в глаза, обличили пороки общества, прямо указали на них и сделали бы всё от них зависящее на пути к их устранению и построению благородно-совершенного общества. И разве не достой-

ны восхищения слова В.Г. Белинского: «Я – русский и горжусь этим», сказанные им искренне, без расчёта на публику? И разве не могут они быть сегодня своеобразным примером и маяком для каждого патриота?

Необходима осторожность...

Конечно, он видел пороки общества, пытался понять и корень зла, он мог ошибаться, противоречить самому себе, но это говорит лишь о сложной внутренней борьбе, о непростой духовной эволюции, о росте его национального самосознания. Грустно было читать слова Ю. Павлова о двух последних годах жизни критика, «когда Белинский стал «местами» русеть», потому что он не поверил в искренность происходящих с В.Г. Белинским перемен.

А ведь эти два последние года жизни для В.Г. Белинского были очень драматичны, поскольку он медленно умирал от туберкулёза и знал это. Кровотечения становились всё более частыми, а духовная жизнь продолжалась... Его мятежная душа сторала, терзаясь мыслями об уходе.

Именно в это время он многое пересмотрел в своих прежних взглядах, переоценил и передумал. И, мне кажется, он уже стоял на новом пути, вернее, он стоял на своём эволюционном пути, но крен был сделан в сторону от прежнего либерализма. Но не стоит расточать силы на рассуждения о том, что могло бы быть...

Если взглянуть беспристрастно на творчество В.Г. Белинского – оно уникально хотя бы тем, что перед нами сочинения «философствующего духа».

Творчество В.Г. Белинского для нас всё ещё материк малоизученный, и, к сожалению, ныне читаемого всё меньше и меньше. А жаль.

Речь В.Г. Белинского щедра на яркие образы и меткие выражения: «патриархальная логика провинции», «философствующий дух», «огненная душа», «нездешняя мука», «вздых музыки», «аркадская наивность», «не забы-

вающее своего величия снисхождение», «риторическая водица».

Он часто бывает афористичен: «Любовь даётся только любви», «Клюют правдой, а не вымыслом», «Природа – вечный образец для подражания» и т.д.

Что мы сегодня находим у В.Г. Белинского, чем он для нас дорог? Что ценного мы обнаруживаем в его творческом методе? Это:

- понимание людей;
- знание законов жизни;
- глубина прочувствования человеческих поступков;
- умение увидеть их внутреннюю логику;
- способность к анализу невидимых, скрытых, а то и тайных причин и обобщению их последствий;
- зоркость и цепкость критического взгляда;
- видение деталей;
- умение обрисовать характер героя буквально несколькими красками и обнаружить в нём типические черты.

Добавим ещё блестящий язык, владение словом. Когда-то В.Г. Белинский сказал о языке М.Ю. Лермонтова в статье «Герой нашего времени»: «Слог повести – то блеск молнии, то удар меча, то рассыпающийся по бархату жемчуг!»

То же самое можно сказать и о языке самого В.Г. Белинского, ибо почувствовать талант может только сам талант.

Когда-то В.Г. Белинский писал о «таинственном ясновидении», которым, по его мнению, должен обладать истинный художник слова.

Увы, иные наши современники, хотя и держат в руках перо и вымарали им уже много бумаги, напрочь его лишены. «Чтобы списывать верно с натуры, мало уметь писать, то есть владеть искусством писца или писаря...»

Так вот, эти писцы и писари часто даже понятия не имеют, что подобное таинственное ясновидение существует в природе вещей. Увы... И потому они прибега-

ют к другим методам и способам, которые во все времена считались дурным тоном, поскольку граничили с неприличием.

Автор статьи И. Гречаник, ниспровергая В.Г. Белинского, приводит слова И.С. Тургенева, словно подкрепляя ими свою позицию ниспровергателя. Она пишет: *«Ряд намёков, направленных против Белинского, присутствует и в черновых набросках Гоголя»*, творчество которого, по мнению автора статьи, было глубоко религиозным.

Но Н.В. Гоголь далеко не сразу стал таковым, и когда к концу жизни он с головой ушёл в мистицизм и религиозность, В.Г. Белинский заметил, что это идёт в ущерб его художественному гению. В «Письме к Н.В. Гоголю» он писал о том, что России нужны не проповеди и молитвы, а *«пробуждение в народе чувства человеческого достоинства»* и замечал, что между Христом и церковью мало общего. *«Что Вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православною церковью? Он первым возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было спасением людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась иерархией, стало быть, поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонительницею братства между людьми, – чем и продолжает быть до сих пор»*.

И далее: *«Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно!»*

Может быть, именно эти высказывания многие до сих пор не могут простить В.Г. Белинскому и потому, прикрываясь славянофильским флагом, решили сейчас ото-

мстить ему и потихоньку задвинуть на задворки русской литературы?

Может, всё-таки стоит попытаться понять, как и почему родились у него из-под пера подобные высказывания? Кстати сказать, о том, что русскому человеку необходимо вспомнить о чувстве собственного достоинства, писал и Ф.М. Достоевский, прямо указывая, что не самооплёвывание ему нужно, а самоуважение.

Любопытно, что бы сказал по этому поводу сам Виссарион Григорьевич? Вероятно, с подлинным достоинством и величием души русского человека заметил бы: *«Можно и должно опровергать чужие мнения, если они вам кажутся несправедливыми; но это следует делать, во-первых, кстати, во-вторых, с уважением к приличию».*

Но мне почему-то хочется думать, что статья эта написана автором в некоем запале, порыве чувств, в каком-то времени от времени оказываемся все мы, и потому хочется напомнить слова В.Г. Белинского: *«Мы лучше думаем о достоинстве человеческой природы и убеждены, что человек рождается не на зло, а на добро, не на преступление, а на разумно-законное наслаждение благами бытия, что его стремления справедливы, инстинкты благородны».*

Если рассуждать подобно автору статьи и ниспровергать такие величины русской литературы, как В.Г. Белинский, можно скинуть «с корабля современности» (а это уже было) многих писателей, у которых мы найдём сколь-нибудь романтико-революционные настроения.

А таковых найдётся много, очень много.

Те же А.С. Пушкин, А.А. Блок в молодости увлекались идеями революционного романтизма. Да и сам «отец» почвенничества Ф.М. Достоевский, помнится, стоял на эшафоте за участие в революционном кружке Петрашевского. Так что же – отказаться от его идей, не изучать его творчество, подвергнуть его окончательному и бесповоротному ostrакизму? И куда же мы зайдём с такими

настроениями? И не превратимся ли сами в бунтующих литераторов, этаких горе-революционеров современно-го пошиба?

На наш взгляд, здесь, как говаривал когда-то Г. Уэллс, «необходима осторожность». И ещё как необходима! И прежде, чем очернять В.Г. Белинского и безапелляционно заявлять, что он оказал губительное влияние на русскую литературу, стоит попытаться понять его мятущуюся, глубоко одинокую и несчастную душу, беззаветно любящую Россию. Конечно, сейчас можно снисходительно сказать, что он в чём-то ошибался, но мы не будем этого делать. Не позволяют совесть и сознание того, сколько сделал этот человек за свою короткую жизнь. Все ли мы сможем успеть столько? *«Дурное, ошибочное понимание истины не уничтожает самой истины»*, – говорил критик, который был и остаётся великим, безо всякого хрестоматийного лоска, безо всякого глянца давно списанных учебников. Может быть, нам стоит повнимательнее прочитать родных классиков и найти у них золотые зёрна истины? Те зёрна, которые, неподвластные времени, прорастают прекрасными всходами?

Отказавшись же от В.Г. Белинского (а заодно и других деятелей отечественной литературной нивы), есть опасность увлечься этим ниспровержением авторитетов и дойти до абсурда. С кем же мы тогда останемся? С теми, кого сегодня либерально-демократическая пресса выдаёт за литературных авгугов? Да боже избавь нас от оных! Не есть ли это результат собственного скудоумия? Или, может быть, здесь мы видим иное – под видом патриота-почвенника скрывается недруг? Хорошо, если перед нами безобидная «ловкость диалектики», о которой говорил В.Г. Белинский. А может быть, говоря его же словами, здесь обнаруживается «плод без корня»? О, это нам очень хорошо знакомо, ибо таковых сегодня в обществе пруд пруди! Это им, «плодам без корня», сегодня расточают

«гиперболические похвалы» всевозможные либерально-демократические СМИ, это им сегодня раздают премии – за разрушение сознания, расчленение России, растление общества.

Огненная душа

Виссарион Григорьевич при жизни видел всякое к себе отношение – от восторженного до жестокосердного, от приятия до отрицания. И в большей степени это относилось, конечно же, к литераторам. Он прекрасно это видел и знал им цену, понимая причину их колкости в элементарном отсутствии таланта. *«Нет, главное и губительное их заблуждение состоит в том, что они уверили себя в своём поэтическом призвании, как в непреложной истине, срослись с этою несчастною мыслию, так что разочароваться в ней – значит для них потерять всякую веру в себя и в жизнь...»* – писал он. В другой раз он говорит о них ещё более хлётко: *«Конечно, везде есть люди, которые как будто самую природою назначены всех затрагивать, ко всем прицепляться, всех хулить, беспрестанно заводит ссоры, шум, брань. Кроме природной склонности, ничем не победимой, их побуждает к этому и раздражённое самолюбие, и мелкие личные интересы, нисколько не относящиеся к литературе. Такие люди – всюду зло неизбежное...»*

Так что ж им теперь, этим горе-критикам, бросить литературные занятия, навсегда оставить поприще русской словесности? Или же отвечать им подобными же выпадами? Нет, считал Виссарион Григорьевич, делать этого не стоит: *«Надо иметь терпимость к чужим мнениям. Нельзя заставить всех думать одно. Опровергайте чужие мнения, не согласные с вашими, но не преследуйте их с ожесточением потому только, что они противны вам...»*

Начав писать эту статью, вывела её название – «Дерзость моськи и ясновидение художника», а вот теперь, за-

вершая, думаю, что такое название отвлекает внимание от величия творческой личности самого Виссариона Григорьевича Белинского и придаёт чересчур большое значение тем, кто его поносит. Оставим их в покое. Вспомним слова, сказанные им однажды: *«Странные люди! Им всё кажется, что поэзия должна выдумывать, а не быть жрицею истины, мешать побрякушками, а не греметь правдою!»* Так вот, нам тоже не хочется ни выдумывать, ни мешать кого-то побрякушками, наша задача – добыть крупички истины и сказать своё слово в защиту великого правдолюбца В.Г. Белинского.

Когда-то лермонтовского героя Мцыри он назвал «огненной душой». Но мне думается, что и сам Виссарион Григорьевич Белинский и был той огненной душой и жрецом истины, которую не хотят слышать моськи нового времени.

Конечно, он не желал «разом прижать к сердцу всё человечество», он жаждал жизни совершенной и для того, чтобы приблизить её, вскрывал правду. И делал это с поистине царским достоинством и снисхождением к человеческим слабостям, «не забывающим своего величия». Огненная душа этого великого человека и сгорела в жертвенном костре Истины, не зря он был и остаётся её вечным жрецом.

Николай ЦЫКАЛЕНКО*г. Бирюч***ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ**

*Насчитай мне, кукушка, года,
Чтобы жил лет до ста, не старея,
Не лицом, а душою всегда
Был всех молодых молодее.*

Так просил Иван Дмитриевич Мишуков, проживавший в селе Казацкое Белгородской области, в одном из своих стихотворений. Не очень много. Лет до ста жить, не старея. Но судьба отмерила ему почти вполовину меньше. Он два месяца не дожил до своего пятидесятипяtilетия. Мало, очень мало насчитала ему кукушка. Но жизнь, как известно, измеряется не только годами, даже, я бы сказал, не столько, а прежде всего тем, что человек успел сделать. А Иван Дмитриевич успел очень многое. Оставил нам громадное наследие. Огромное количество рассказов, очерков, стихов. Прекрасные строки прозы и поэзии. Оставил добрую память о себе. Прошло уже без малого двенадцать лет, как Ивана Дмитриевича Мишукова нет с нами, а многие помнят его в районе, просят опубликовать его произведения – добрые, светлые, под стать своему автору.

На лугу – ковёр зелёный
Камышами окаймлён.
Чистой девичьей косынкой
Голубеет окоём.

Читаешь и видишь перед собой, будто наяву, и ковёр зелёный на лугу, окаймлённый камышами, и далёкий горизонт, отороченный чистой девичьей косынкой.

Опять за далью, за седым туманом
Звенели звоном чистым косари.
И тучка в небе, словно конь буланый,
Везла телегу алую зари.

Такие строки мог написать лишь человек, глубоко влюблённый в родную природу, во всё, что его окружает.

А окружало Ивана Дмитриевича, к сожалению, не очень многое – по большей части четыре стены родного дома, за пределами которого ему очень редко доводилось бывать. Дело в том, что он был тяжело болен, прикован к постели. И покидал дом только в инвалидной коляске, да и то не без помощи друзей.

Но, что удивительно, И.Д. Мишуков никогда не терял присутствия духа, был активен, жизнерадостен. Не он, а к нему многие шли за помощью, утешением. И всегда находили поддержку. Его перу принадлежит немало критических статей, по которым принимались соответствующие меры.

Писал он, как любил подчеркнуть сам, правду и только правду. Не боялся ни чинов, ни рангов, что кто-то обидится, будет преследовать. Доставалось и председателям, и секретарям парторганизаций, другим руководителям. А если допускал ошибку, то не боялся признать её, исправить. Так, например, случилось с Николаем Ивановичем Свистельниковым из Сорокино. По весне Ивана Дмитриевича вывезли подышать свежим апрельским воздухом в близлежащую лесную полосу. И там он увидел, как один мужчина орудует топором. Рубит молодые деревья. Разумеется, мимо такого вопиющего факта Мишуков пройти не мог. Выяснив фамилию браконьера, он тут же написал едкую статью в газету «Знамя труда». А после выхода её со

злополучной статьёй позвонил в редакцию и сообщил, что он с ней дал большую промашку, незаслуженно обидел человека. Как выяснилось, дерево Свистельников рубил, но сухое. Кто-то свалил до него берёзку, ствол увез, а ветки и верхушку оставил. Вот Николай Иванович и подобрал их. И Мишуков написал новый материал. Начинался он так: «Я обидел человека. Незаслуженно, жестоко...» Извинился перед Свистельниковым. И тот не только принял эти извинения (между прочим, он на них и не настаивал), но и подружился с Иваном Дмитриевичем. И их теплые, приятельские отношения продолжались до конца жизни Мишукова.

У Ивана Дмитриевича была особая манера написания статьи. Он, образно выражаясь, сразу брал быка за рога. Вот, например, как он начинает очерк о сельском фельдшере: «У деда, Нефёда Ипатовича, были ордена. Были медали. И не было руки». Или о заготовителе: «Есть такая категория людей: сколько для них не старайся – всё равно не угодишь, всё им не так». Согласитесь, прочитав эти строки, человек вряд ли отложит газету или книгу. «Квадрат за квадратом военный тральщик бороздил воды пролива Лаперуза...» – так начинался очередной рассказ. О ком, вы думали? Об инспекторе Госстраха!

Он буквально бился над каждой строкой. Будь то рассказ или очередное повествование о доярке, механизаторе. Если что-то не складывалось, ещё и ещё раз связывался с будущим героем своей статьи, выпрашивал, искал изюминку. Сочинял он как-то статью о скотнике Казацкой МТФ Савелии Никифоровиче Шелякине. Долго искал эту самую изюминку, чтобы удивить, порадовать читателя. И нашёл! Выпытал-таки у Савелия Никифоровича, что в детстве тот мечтал заиметь балалайку. И начал он своё повествование о нём не с дел на ферме, которых у Шелякина было там превеликое множество, а с мечты парня. Вот как Мишуков это описывает: «Он уже знал, куда её повесит, какую ленту повяжет. Но балалайка была у Федьки Сычева, у парня, который давно уже корогодился с девка-

ми... Он же так и остался без музыкального инструмента. Бесконечные прорехи в хозяйстве не позволили выкроить для покупки балалайки несколько рублей.

- Ты, Сева, подожди малость, - говорил отец, пряча глаза от сына. - Кофту сестре справим... Тебе штаны... Потом уж поглядим.

А потом была война...»

Такое несколько необычное начало и такой резкий, интригующий переход к новой теме.

Читая материалы Мишукова, никогда не подумаешь, что они написаны человеком, видящим жизнь из небольшого окошка своей спальни, - настолько они были глубоки, грамотно изложены. У него было особое видение мира. От его острого глаза не ускользала ни одна деталь. И каждая строка дышала особой теплотой.

Немало стихотворных строк он посвятил своей жене Наде. Трудно предположить, как бы сложилась жизнь Ивана Дмитриевича, не встретясь на его пути эта удивительная, самоотверженная женщина. Встретились они, когда Иван Дмитриевич был уже тяжело болен. И она не побоялась связать с ним жизнь, хотя прекрасно понимала, какую тяжелую ношу взваливает на свои хрупкие плечи.

Она была для него как награда. Не было у Мишукова такого человека, как Надя, столь близкого и необходимого ему. С её приходом в дом его жизнь стала осмысленнее, приобрела определённые очертания. Стала намного светлее. Он стал намного богаче, в чём, не стесняясь, признавался в одном из стихотворений:

Паутинкой из белого мая
След пролёт твой воздушный ко мне.
Нас встречала весна озорная
На роскошном буланом коне.

С появлением в его жизни Нади поэзия, да и проза тоже, стали намного теплее. Хотя в ней нет-нет, да и проскальзывала грусть-тоска. Трудно, очень трудно прожить

у одинокого окошка, пусть хотя оно и выходило на самую оживлённую улицу села. А может, оттого было ещё труднее и горше. Наблюдать, как по ней идут люди, бегут автомобили, кипит здоровая жизнь. А ты один, как бы на её обочине...

Занедюжила в небе луна,
Одеялом накрывшись из туч.
И сижу я один у окна,
Ищу в небе хоть маленький луч.

Это уже, извините, не зарисовка с натуры, а крик души. Хотя примерно в то же время им были написаны и такие волшебные строки:

В платье беленьком из ситца,
Наяву или во сне –
Озорная, как синица,
Повстречалась по весне.
Улыбнулась, посмотрела,
Косу кинула на грудь,
Без задержки улетела,
Мне оставив только грусть.

Такие стихи мог написать не только творчески одарённый, но прежде всего богатый душой человек, остро чувствующий окружающий мир, умеющий сопереживать другим.

Иван Дмитриевич, помимо всего прочего, был страшно раним. Однажды прислал в редакцию вот такое стихотворение под заголовком «Горький подъём»:

На машину корову грузили
У двора ясным солнечным днём.
Не винюась ни слову, ни силе,
Всё не шла на последний подъём.
Упиралась, копыта скользили,

И укором светились глаза.
И мешались в омуте пыли
И моя, и коровья слеза.

Я перечитал раз, второй, живо представив описанную картину и состояние автора этих строк. Тут же набрал его номер телефона, спросил:

– С натуры рисовал?

– С неё, – вздохнул Мишуков, – говорят, колбаса с неё получится хорошая, – больно упитанная была... А я не могу забыть её глаза...

И я воочию увидел, как по его лицу катится слеза. Вот такой он был, наш Мишуков.

А вот второе – подобное первому, стихотворение:

Ружьё вскинул навзлёт...
И разорван полёт
Птичьей стаи, утиного ряда.
И блеснули глаза,
И ощерился рот...
И на поясе смерть как награда.

О чём оно? А всё о том же. О нашем отношении к природе. О том, что многие из нас приходят в этот мир не беречь её и приумножать, а истреблять. Варварски, бездумно.

Природа – это одна из самых любимых тем Мишукова. Он её, что называется, чувствовал сердцем, не раз выступал в её защиту. Особенно много сделал для сохранения урочища Сагово, что расположено на реке Малый Усерд, между сёлами Сорокино и Ездоцкое.

Он долго подступал к этой теме, кропотливо изучал ее. И вот, наконец, появилась статья. Называлась она «...И пусть вернуться журавли». В ней живописно набросан пейзаж своеобразного уголка природы, точно схвачены все детали. Подробно рассказано о том, каким Сагово было в пору его детства и ещё раньше и каким стало сейчас. (Как

он всё это разглядел, будучи без движения, осталось загадкой.) Были также названы причины, почему природа этого уголка утратила своё былое значение, и что надо сделать для того, чтобы он стал прежним, приобрёл былую красоту и значимость, чтобы туда вновь вернулись некогда обитавшие там журавли.

В последний год Мишуков несколько сдал свои позиции, стал выступать в газете не столь часто.

– Что-то, как мне кажется, я несколько обленился, – говорил виновато.

Конечно, это была неправда. Стало всё больше подводить здоровье, в чём он не хотел признаваться, вероятно, не только мне, но и себе. Но об этом я узнал слишком поздно. Виделись мы редко. Всё было недосуг. Разумеется, мне. Чаше навещался Мишуков. Привезут его, как выражался он, поглазеть в райцентр, тут же попросит завернуть к редакции, «на пару минут к Николаю Ивановичу». Я подсаживался к нему в «Запорожец» на место шофера, рядом с ним, и мы подолгу, насколько это позволяло время, беседовали, обсуждали различные темы, житейские проблемы.

Последние месяцы он не приезжал в райцентр.

– Дела не отпускают, – отшучивался по телефону. Голос, как всегда, у него был бодрый. Однако, как стало известно значительно позже, он был уже тяжело болен. Но я об этом не догадывался. Хотя должен был понять по его стихотворениям, по их интонации, смысловой нагрузке.

Жизнь ударила снова,
Не жалея, сплеча,
Но оставила слово
И надежду мечтать.
Пусть прикован к постели –
Я судьбу не браню.
Вижу солнце, метели –
И о них я пою.

В этом произведении ещё просматривается бодрость, оно почти ни о чём не говорит. Прикован к постели. Но он прикован к ней уже сорок лет. Вряд ли об этом Иван Дмитриевич стал писать. Но вот первая строка – жизнь ударила снова... Ударилa снова... Конечно же, это о себе.

Хотя до последнего дня он работал, творил. Особенно долго и упорно работал над материалом о фронтовике-земляке. Не одну ночь скоротал над ним. А писал он обычно по ночам, когда в доме наступала тишина, мучаясь над каждой строкой, над каждой фразой, над каждым словом, добиваясь наиболее полного и ясного звучания своих мыслей.

Иван Дмитриевич долго обдумывал материал о герое войны. Всё подступал к нему, но так и не подступился.

– Всё уже продумал, набросал вчернове, – говорил мне.
– Осталось переложить на белое.

Но проходили дни, недели, а оно «не переключивалось». Видать, уже было не до того. Тяжёлый недуг всё сильнее наваливался на него. Вот как Мишуков писал об этом сам:

Дни – сплошные январь:
Всё метели да ненастье,
От зари и до зари
Ко мне ластится несчастье.

Ластится. Нет, это сказано слишком мягко. Оно обкладывало его со всех сторон, давило, как гнётом, не давая вздохнуть, собраться с мыслями. Наступали, правда, иногда просветы, и Мишуков снова брался за ручку, писал о том, что больше всего его волновало. Он по-прежнему часто выручал газету, радовал её читателей.

Даже в тот день, когда Ивана Дмитриевича не стало, на его рабочем столе лежали ручка и недописанный лист бумаги, над которым он, по сути, бился до последнего дыхания.

Ольга СЛОБОДКИНА-von Bromssen

г. Москва

ЧТО ЕСТЬ ПОЭЗИЯ, ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

*«Я люблю поэзию, но она чертовски
дорого обходится».*

Пабло Пикассо

*«Но Любовь знает Смерть,
Поэтому – слёзы, поэтому – рифмы
И каменно-длинные всхлипы соборов...»*

Энн Стивенсон

*(перевод с английского Ольги
Слободкиной-von Bromssen)*

«Моя мать была необыкновенно мудрая женщина, – говаривал мой дед, – она произносила не больше двадцати слов в день!»

В детстве я этому очень удивлялась – я же тогда ещё ничего не знала об обетах молчания, и, откровенно говоря, мне такая мудрость и мудростью-то не казалась. Недаром Библия гласит о том, что Премудрость Божья кажется глупостью для людей. Летом на даче я с утра пробовала так же – не более двадцати слов, но после нескольких часов словесного воздержания срывалась в многословие, по крайней мере – внутри себя. Иначе я бы, наверное, не стала поэтом и переводчиком... С детства крутились у меня в голове всякие рифмы...

Тик-так, тик-так – приползает звёздный рак.

Это – загадка, а отгадка – «Ночь».

Или вот ещё:

*В барабаны бьют олени.
Это, дети, – не тюлени.
В барабаны бьют тюлени.
Это – дети, не олени...*

И так далее.

А вот когда я болтала с девчонками во дворе нашего дома, я всегда потом чувствовала необходимость помолчать подольше – очиститься. Благо, мне приходилось часами заниматься музыкой – эти часы и служили благословенными паузами молчания.

Поэзия – огромная часть моей души и жизни. В двадцать лет я уже захлёбывалась любовной лирикой, но и тогда, если бы меня спросили, хочу ли я стать поэтом, я бы очень удивилась: «Поэтом? Зачем? Я хочу стать профессиональным переводчиком».

И стала. Но поэзия не отступала от меня ни на шаг.

*Поэт есть регистратор состояний,
прозрений и падений
своей души...
Так кто же всё запишет,
Когда – Смерть?*

Поэзия есть Нечто, что нисходит на тебя Свыше, и никто тебя не спрашивает, хочешь ты того или нет. Это как любовь.

Конечно, моё образование сыграло свою роль: в первой своей ипостаси я музыкант, во второй – лингвист. Но этого было бы недостаточно, если бы не особый дар, ставший моим Alter Ego.

В двадцать девять лет, пожив какое-то время в приходе отца Василия в Йихве (недалеко от Пюхтицкого монастыря в Эстонии), я дала Богу обет безбрачия... После этого

поэзия хлынула на меня лавиной. За последние четырнадцать лет мною было написано четыре тысячи стихов.

«Ну, матушка! Вы себе выбрали самое трудное – монахиня в миру», – сказал мне на исповеди один священник. Я выбирала? Нет, это Бог так решил. Бог, который вложил в меня три моих основных таланта – музыканта, поэта и художника, отнял меня от чувственной любви и призвал на Служение Себе и Искусству.

*Из сердца первородного огня
Возникнет цвет – зелёный, синий, алый,
И реки перламутра хлынут с гор
Потоками животворящей лавы.*

*В неиссякаемом парении водопада
Я падаю в глубины бытия,
В подземные ключи животворенья,
Но Божий Замысел постигнуть не могу...*

*Потерянно встаю и озираюсь...
О, я – в зелёной яшмовой пещере.
Из стен её струится нежный свет,
И невесомость наполняет тело.*

*Я вижу лики величайшей славы –
Преображённых Ромео and Juliet,
Не гибель их у гробовых дверей,
А яркие венцы развоплощения,
Разъединённые монады вещества –
В огромном Единении... Бессмертно!*

*Но что-то тянет меня вверх,
Всё время вверх...
Пещера растворяется в объёмах
Неимоверного Астрального Пространства...*

*И вот передо мною Три Пути,
Три лестницы – Серебряное Пенне,
Струющаяся Золотая Ленга
И ослепительное блиц-сверкание
Алмазных Неисчисленных Ступеней –
То Жертвенность, Любовь и... Чистый Дух.*

*Я выбираю Третью и ступаю
Нетвёрдыми шагами, как по звёздам.
Вокруг меня – лишь чернота провалов,
Неизречённая Мгла Небытия.*

*И с каждым новым шагом ощущаю
Неведомого чувства приближение,
И слёзы льются по щекам, как ливни,
Смывая страх, обиды и бессилие,*

*И, словно Мельница Космического Дна,
Вращается Расширенное Сердце.*

Всё есть повод для поэзии – порыв свежего ветра, перехватывающий дыхание, задумчивый, заросший кувшинками пруд или человеческое сознание, раскрывающееся в молитве навстречу Иным Мирам. Или пробуждение души – через воспоминание своих предыдущих жизней (есть у меня цикл стихов под названием «Путешествие памяти»). В поэзии я совершенно искренна и пишу только то, что должна написать. Я никогда не пишу от себя, но только, когда Оно приходит само.

*«Стихи, по слову Ахматовой,
действительно растут из
сора; корни прозы не более
благородны».*
Иосиф Бродский
«Нобелевская лекция»

Из сора?

Нет.

Стихи растут из Неба.
Вернее, не растут, а их приносит
Высокий Ангел в белоснежнокрылых
Сверкающих одеждах от Высот.
Посланник он Того, Кто Был в Начале,
Кто был Глагол,
И из Него возникло
Всё остальное –
Звёзды, и пространства,
И сны, и мысли,
В том числе и я.
Живу, дышу, молюсь,
Вдруг слышу Голос.
О, этот Голос, Голос...
Он нежнее
Тычинки лилии.
О, Голос... Он смиреннее
Великомученика –
В Вечность перед смертью,
Когда ему шепнули:
«Ты – со Мною».

И всё же этот Голос,
Он настойчив,
Как ритм прилива,
Ветер перед штормом
Или влюблённый,
Уловивший искру
Во взгляде милой –
Толику любви.

И вот моё сознание уходит...
Высокий Ангел высочайшим взмахом

*Испросит изволения на Службу,
И мне диктуют...*

*Я же – меньший клерк,
Рисующий мудрёный иероглиф,
Египетский мальчишка –
Кисть, папирус...*

*Из сора?
Нет.
Стихи растут из Неба
И почему-то выбрали меня.*

Именно писцом, а не творцом ощущаю я себя при наплыве поэзии.

*Из глубины Божественного Мрака,
Словно бесценный первозданный дар,
Душа выходит в мир,
И ей не страшно.*

*Она не знает суеты Земли,
Не помнит ужасов предшествующей Смерти,
Она ещё – в Высокой Колыбели
И видит только Небо, только Небо...*

Стилистически мои стихи – это раскачанный верлибр с окказиональной рифмой. Странный феномен для русской поэзии. Но именно белый стих, а не рифмованный классический шел мне с пятнадцати лет – тогда весь англоязычный мир уже писал белым стихом. Благоволение ко мне мирового поэтического эгрегора? Кстати сказать, в молодости мне гораздо легче было писать по-английски, как будто русский канал был у меня плохо проработан. Мне приходилось делать над собой усилие, чтобы писать по-русски, в то время как английские стансы перетекали

из моего сознания на белый лист бумаги так же легко и органично, как течёт река.

*Oh, don't you love your take!
Blue clouds over the light-blue hills
stepping a little back,
hovering over the world...*

*Well, this is Koktebel,
The valley of blue rocks and hills,
my tremulous and ardent love.*

*The clouds have played a wistful saga
turning from Angels into miraculous birds
up in the sleepy sky,
ready to have the night...*

*It's cold, it's very cold...
I am alone in this mysterious set
and my enormous feeling,
as rhythmic as the waves,
will never tide...*

А может, я с таким упоением писала по-английски, потому что очень активно учила язык в тот период и он поглощал все мои мысли? Да, если русский был всего лишь родственником, которым я пользовалась для своих нужд, то английский был для меня вдохновенным возлюбленным, неисчерпаемой тайной, и только пожив в Англии и оказавшись на длительное время полностью оторванной от родного языка, я смогла по-настоящему оценить русский – его необыкновенное богатство и уникальную изощренность.

В мае 1994 года я послала небольшую подборку своих стихов Иосифу Бродскому в Нью-Йорк. Я не знала его лично, но его творчество оказало на меня в конце восьмидесятых огромное влияние. Больше всего меня пора-

зила его смелость – человеческая и стихотворческая. Так тогда в Советском Союзе не писал никто. Хотя к Бродскому вела масса путей, мне не хотелось, чтобы он ответил мне из уважения к своему, например, другу. И я послала ему стихи безо всяких ссылок и рекомендаций. Все надо мной смеялись: никто не верил, что он ответит. Никто, кроме меня.

Бродский ответил. Основная мысль его письма, написанного от руки с обеих сторон вырванного из блокнота листа, состоит в следующем: не нужно бояться быть собой – «...разумеется, много разнообразных удач, но в целом дикция Ваших стихотворений уводит вас – от себя в общеизвестную сторону».

Это понимание меня окрылило и раскрепостило. Не напечатают – и хорошо. Можно писать, как слышится. («Пишу, как слышится...» – Марина Цветаева).

Одна критикесса, «работавшая» (прямая цитата) с моими стихами (интересно, как она это делала?) спросила меня: «Вы ведь, очевидно, модернист?»

Не знаю, не знаю.

Ведь песня ещё не допета.

Тра-ла-ла-ла-ла и тра-ла-ла-ла...ла-ла-ла-ла.

Вопрос об «измах» оставляю литературоведам. Совесть есть чужой хлеб, да и не мое это дело. А моё – быть «египетским мальчишкой: кисть, папирус», записывать диктуемое по «Великой Нездешней Любви, которой – ни конца, ни цены, ни забвения...» Извините, приходится брать саму себя в кавычки.

Мой первый поэтический сборник начинался в ЮНЕСКО. Стихи показывали различным издателям, и один вызвался опубликовать 200 экземпляров, оформленных моими же фотографиями, то есть выпустить авторскую книгу поэта и фотохудожника и разослать её по российским библиотекам – сделать, по его словам, «подарок русской культуре».

Когда книга была почти готова, разразился default 1998 года. Издатель разорился и стал не в состоянии дарить культуре такие дорогие подарки, как бесплатное издание моих стихов. Но все уже давно ждали выхода книги, и я решила заплатить сама.

Когда же вторая версия книги подходила к завершению, я поняла, насколько по-дилетантски был выполнен оригинал-макет, не говоря о том, что цвет моих фотографий в полиграфическом исполнении отстоял так же далеко от оригинала, как представления о Рае от самого Рая: глубокие тона бирюзы – неба на фотографии, предназначенной для обложки, превращались при выходе из издательского компьютера в банальную травяную зелень.

Тогда от полного отчаяния я переписала книгу от руки, сама сделала оригинал-макет и вклеила оригинальные фотографии в каждый экземпляр. Так, через препятствие, родилось необычайное издание. «Благословенны препятствия, на вас мы растём» – Елена Рерих.

Моя книга «Есть путь земли и Путь Крыльев» участвовала в Международной конференции «Книга как художественный объект», куда съехалось 11 художественных музеев мира, и была куплена Музеем Современного Искусства в Нью-Йорке и Музеем Виктории и Альберта в Лондоне. Два экземпляра достались Музею книги Российской государственной библиотеки (бывшей Ленинской), два – Залу искусств Библиотеки иностранной литературы. Остальные экземпляры разошлись по не менее уникальным собраниям, как, например, личная коллекция президента Франции Жака Ширака, личная коллекция Генерального консула США Томаса Р. Хатсона, Галерея Современного Искусства Рональда Фельдмана в Нью-Йорке, коллекция Президента Театрального Центра им. Юджина О'Нила г-на Джорджа Уайта, коллекция индийского принца Его Высочества (а теперь уже и Величества) Арвинда сингха Мэвара, коллекция известного шведского актёра Томаса фон Брэмзэна, который к тому же оказался моим родственником по немецкой линии, восходящей

к двенадцатому веку, Американско-Советская Театральная Инициатива, etc.

Что до самой поэзии и её места в современном мире, я рада, что моя книга уже теперь стоит 200 долларов и её стоимость с годами будет только возрастать.

Когда-то Шелли написал эссе «Defense of Poetry» – «В защиту поэзии». На самом деле поэзия не нуждается в защите. Она живёт в высоких сферах, как воздух, снег или ветер – явления видимого мира, а воздух и ветер к тому же отчасти – явления Невидимого Мира, так как мы видим не их самих, но их проявления на воплощённых явлениях видимого мира – деревьях, воде и тому подобном. То же и духи, то же и поэзия. Мы её не видим, но видим её проявления через воплощённые явления материального мира, то есть – через души поэтов.

Через них она в более или менее искажённом виде приходит на землю, но если она здесь не нужна, она, не обиженная, поднимается Домой, подобно Высоким Духам: они могут спускаться к низшим и опять подниматься в Высоту, в то время как низшие могут жить только в низине, а в Высоту им дороги нет.

Меня изумила моя любимая Ольга Седакова. В предисловии к своей книге она пишет: «Эта книга состоит из нескольких самостоятельных книг. Они задумывались как цельные ансамбли, большие или малые».

Как можно задумать ансамбль стихов – большой или малый – я представляю себе слабо. Я никогда ничего не задумываю, даже и одного стихотворения. Если поэзия «пошла», я никогда не знаю, чем это кончится, и потом с удивлением читаю написанное – я бы так не смогла... Проходит несколько лет, и я понимаю: такие-то стихи могли бы составить книгу под названием «-----». Но задумать хотя бы одну поэтическую строку, по моему разумению, совершенно невозможно.

То же и в жизни: если я что-то задумаю, Бог надо мной смеётся. Как сказано в одном древнем мудром изречении: «Человек планирует, Бог смеётся».

*Господь смеётся надо мной
И разрушает мои планы.
Взяла от солнца тент смешной –
Он на залив спустил туманы.*

*Едва пригреюсь, брызги волн –
Как злющих осок поцелуи.
И смехом занебесным полн
Прекрасный бог мой.
Аллилуиа.*

Ведь у Бога – свой план относительно меня. Как я уже говорила, я и поэтом-то не собиралась становиться. Единственное, чего я по-настоящему хотела в юности, – это любить и быть любимой. Но и здесь надо мной посмеялись. И не потому, что никто меня не любил или я никого не любила, а потому что «...мне нужно то, чего на свете нет, чего на свете нет», как сказала Зинаида Гиппиус.

И мне совершенно непонятно, когда кто-то говорит: «У меня – творческий кризис». Я живу не для того, чтобы писать, а просто живу, но, как оказалось, поэзия есть «оправдание бытия» – извините, опять самоцитирование. Если стихи не приходят, я и не вспомню, но вдруг...

*Поэзия приходит не Отсюда.
Зачем она приходит, знает Бог...*

Единственное, что нужно поэту – это отдаться Высшему Поток, а уж Он вынесет в

*Верхнее море, где – яркие птицы цветов,
Воздуха пение, Духа Небесный Улов...*

А вообще поэзия – это путь лишений, не обязательно материальных, более внутренних, и хорошие стихи пишутся либо на колоссальном стрессе, либо – на сверхчувственной радости, например в религиозном экстазе. Они

рождаются от обетов, данных Богу. Поэзия – это «созидательное отчаяние». Так назвал архитектурные творения Антонио Гауди художник и архитектор Герман Финстерлин: «Такие соборы может построить только душа, пребывающая в чудовищном отчаянии или дионисийском экстазе, и только сверхчеловек способен на подобное созидательное отчаяние».

Ещё об архитектуре Гауди говорили, что она – застывшая в камне музыка. Или гениальная поэзия, добавлю я. Гауди близок мне и тем, что он был монахом. Монахом в миру. Утренняя молитва, месса, поход в исповедальню, покупка вечерней газеты. По нему можно было сверять часы. Он был не только величайшим архитектором, но и вдохновенным святым. Несколько раз его пытались канонизировать.

К сожалению, он не оставил никаких записей, так что о работе его души мы можем судить лишь по его мистическим творениям, «застывшим в пространственном величии пустынных белых комнат в стиле аттик – поистине кальвинистским в своем аскетизме», как пишет его биограф Гиз Ван Хенсберген.

Это «созидательное отчаяние» и имел в виду Пикассо, сказав, что поэзия «чертовски дорого обходится». Это подтвердила и Энн Стивенсон: «Но Любовь знает Смерть, поэтому – слёзы, поэтому – рифмы и каменно-длинные всхлипы соборов».

Иосиф Бродский заканчивает свою нобелевскую лекцию следующими словами:

«Стихосложение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков или алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом».

Готова подписаться под каждым его словом.

*Это не волшебство детства,
Не эйфория юности.
Это – искусство,
Духовный наркотик зрелости,
Чьи ароматы – отдохновение души –
подобны молитве...*

И, кроме того, поэзия есть отражение духовного восхождения души, одинокого в этом мире:

*Чем ещё объяснить моё чувство?
Гибкостью яхт?
Отголосками звёзд, что звучат в голове
Бесконечной Симфонией Сфер?
То поднимая меня по винтовой Невбежности,
То опуская на Землю плавностью всех парашютов.
Что это? Что это? Что это?
Кто же мне, кто мне ответит?
Я остаюсь в темноте
Моей кукольно-маленькой комнаты.
И – никого, кроме сердца, что знает сочувствие Неба,
Качели Невидимых Рук.
Разве другой человек
Может в себе отразить
Все переливы сознания?
Нет. Нет. И нет.
Только одно одиночество.
Только оторванность в мире.
Вечно моё восхождение
В Страны Незримых Огней.
Людям – нельзя, отшатнутся.
Скажут: «Опять наваждение!
Что с неё взять, с сумасшедшей!
Ладно. Господь будет с ней».*

ДРАМАТУРГИЯ

Ольга ОПАЛЁВА

г. Москва

ТРИ ГОЛОВЫ

Действующие лица:

МИША.

ЛИЗА.

САША.

РОМА.

БУФЕТЧИЦА, *волшебница, на полставки работающая
в школьном буфете.*

КЛУБОЧЕК, *гид.*

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ.

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ.

АПЧИХ, *мудрец.*

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАУК, *детектор.*

УЧИТЕЛЬНИЦА.

Школьный буфет. Буфетчица, сказочной внешности женщина лет 45–50, с усмешкой ждёт, когда заикающийся мальчик лет 7–8, Саша, выговорит, что ему нужно. Вбегают взмыленные Миша и Рома, его одноклассники. Миша отталкивает Сашу. Пока Миша разговаривает с буфетчицей, Рома всячески дразнит Сашу.

МИША. Воды. Кока-колу.

БУФЕТЧИЦА. Он не расплатился ещё.

МИША. Пока он расплатится, перемена пройдёт.

БУФЕТЧИЦА. Что, тормоз?

МИША. Да просто урод. Из нашего класса. Таких

больше нет! Всё бекает, мекает. И пятёрки получает. Ну, справедливо ли? У него и друзей-то нет.

БУФЕТЧИЦА. А у тебя?

МИША. У меня полно-о-о.

БУФЕТЧИЦА. А не боишься, что и тебя кто-нибудь когда-нибудь будет обижать за то, что ты – не как все?

МИША. Я?! Не боюсь. Я – нормальный.

БУФЕТЧИЦА. А учишься как?

МИША. Как хочу, так учусь.

БУФЕТЧИЦА. Значит, плохо...

МИША. Задают много. Времени мало. У меня не три головы.

БУФЕТЧИЦА. На что время тратишь?

МИША. В компьютер играю. Я лучше всех в классе играю. Бабушка говорит, я буду компьютерщиком.

БУФЕТЧИЦА. А папа что говорит?

МИША. Папа говорит, что компьютер надо сломать. Чтоб я учился.

БУФЕТЧИЦА. А бабушка на это что?

МИША. Бабушка говорит, что много задают. И у меня не три головы. А компьютер – это профессия. Давайте воду.

БУФЕТЧИЦА. Возьми «Богатырь». Новая русская вода. Вкусная. Полезная. Как раз для тебя. И лотерея проводится. Когда выпьешь, оторви наклейку и прочитай с другой стороны. Может, выиграешь приз: путешествие или мопед.

МИША. Я лучше сразу оторву, а потом уже выпью.

БУФЕТЧИЦА. Нет, надо сначала выпить, тогда оторвать. А то не подействует.

МИША. Хорошо, дайте две. Мне и Ромке.

БУФЕТЧИЦА. Роме – эту, а эту – тебе. Настойчиво рекомендую.

МИША. Что это вы обо мне так заботитесь?!

БУФЕТЧИЦА. Ты – мой герой. Мне такие нужны.

Учишься мало, много играешь, обижаешь тех, что не как все. Бросаешь мусор куда попало, я видела. Ты – человек будущего, Миша! Настоящий компьютерщик! Пей.

Миша с Ромой выходят на авансцену.

РОМА. Что ты взял? Где кока?

МИША. Я взял «Богатырь». С лотереей. Можно выиграть приз: путешествие или мопед. Пей. *(Пьют воду.)* Теперь надо оторвать наклейку. Отрывай.

РОМА. Давай ты.

МИША *(командует)*. Рви давай! Быстро! А то как дам!

РОМА. Ну ладно. *(Отрывает.)* Ничего.

МИША. Обманула тётка.

РОМА. Ты рви.

МИША *(отрывает, читает по слогам)*. Приз. Сегодня исполнится одно твоё неожиданное желание. Ха-ха. Вот надули. Давай проверим. Загадаем желание. Хочу, чтобы здесь и сейчас у меня появился мопед. *(Ждут.)* Ладно. Проехали. Хочу, чтобы кто-нибудь заложил бомбу и вот прямо сейчас нас эвакуировали, чтоб контроши по математике не было. *(Ждут.)* Да, такие призы я сам сколько хочешь нарисую. *(Бросает оторванную наклейку и бутылку на пол. Рома повторяет за ним.)*

Входит Учительница.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Миша, подбери, что бросил.

МИША. Что я-то сразу? Это не я.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Я видела. Подбери.

МИША. Тут уборщица есть. Это её работа. Каждый должен выполнять свою работу. И выполнять хорошо.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Правда? Кто тебе такое сказал?

МИША. Бабушка всегда говорит, что всё плохо из-за того, что кто-то плохо выполняет свою работу.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Правда? А ты свою работу хорошо выполняешь?

МИША. Мою работу?! Я – маленький ещё.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Твоя работа – учиться. И ты её делаешь плохо.

МИША. Я буду компьютерщиком. Я компьютер знаю хорошо.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Ты знаешь пять кнопок – вправо, влево, вверх, вниз и по спэйсу стрелять? Это всё?

МИША (*гордо*). Я знаю ещё алт, шифт и искейп. И много чего ещё знаю, чего, может быть, Вы даже не знаете.

УЧИТЕЛЬНИЦА. А читать, писать, считать, историю учить не обязательно?

МИША. На всё времени не хватает. У меня не три головы! Вот было бы у меня три головы...

Грохот. Затемнение. После того как зажигается свет, мы видим, что Миша теперь – Змей Горыныч, или дракон с тремя головами. (*Две головы можно сделать из рук. Можно играть втроём.*) Он недоумённо смотрит в зал несколько секунд. Но тут мимо него пролетают стрелы. Крики: «Дракон! Ещё один! Вот он! Стреляй!» Миша растерян, не знает, что делать. Тут его хватает за одну из голов девочка с огромной, в половину тела, головой и тащит за собой.

ДЕВОЧКА. Бежим! Быстрее! Что ты встал как вкопанный? Сюда.

Дети бегут. За ними гонятся два рыцаря. Наконец рыцари отстают.

МИША. Что это было?

ДЕВОЧКА. Рыцари. Они охотятся за драконами.

МИША. А мы тут при чём? (Тут он видит свою правую голову.) Ой, мама. Чудовище!

ПРАВAYA ГОЛОВА. Конечно, чудовище! Кто бы сомневался.

МИША. Это я?

ПРАВAYA ГОЛОВА. Да, это я.

МИША (медленно поворачивается налево). И... это... тоже я?

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Да, это я. Относись ко всему философски.

МИША. Как это, философски?

ПРАВAYA ГОЛОВА. Короче, забей. Умничать любит наша левая голова.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ум свой применять не любит наша правая голова.

МИША. Мама! За что?! Где я?

ДЕВОЧКА. В стране Турбомбом.

МИША. Странное название.

ДЕВОЧКА. Мне тоже не нравится.

МИША. А у тебя что с головой?

ДЕВОЧКА. Не знаю. Я только сказала... А что я такого сказала? Я сказала: «У меня не такая большая голова, чтоб всё запомнить». И попала сюда. (Плачет.)

МИША. Давно?

ДЕВОЧКА. Вчера. Целый день убегаю от рыцарей. Они охотятся на тех, кто не похож на других. Кричат, что спасают людей. Что делать? Что делать? Не знаю.

МИША. Ты пила напиток «Богатырь»?

ДЕВОЧКА. Нет.

МИША. И не читала на наклейке, что исполнится одно твоё желание?

ДЕВОЧКА. Нет.

МИША. Как же ты тогда сюда попала?

ДЕВОЧКА. Не знаю. Не помню ничего. (Плачет.)

ПРАВAYA ГОЛОВА. Да что я с ней разговариваю? Сразу видно, что дура.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Она, между прочим, спасла мою жизнь.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Непроверенный факт. Это за ней охотятся рыцари, не за мной. Не ной, плакса. А то буду называть тебя «Чучело».

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Как ты разговариваешь с дамой? Ты больше похож на чучело, чем она. Не плачьте. Я буду называть вас «Принцессой».

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Принцессой, как же! Лягушкой-царевной. Сказок надо меньше читать!

МИША. Тихо! Дайте выяснить правду! Как тебя зовут на самом деле?

ДЕВОЧКА. Лиза.

МИША. Лиза, постарайся вспомнить, что было перед тем, как ты попала сюда.

ЛИЗА. Мне купили куклу «Принцесса». Я с ней всё время играла и представляла, что это – я. Что я – принцесса. Я не хотела учить уроки. Принцессам это не нужно. Принцессам нужно наряжаться и ходить на балы. Мама стала ругать меня за оценки, и я сказала: «У меня не такая большая голова, чтобы запомнить всю ерунду, которую надо выучить в школе. Если б голова у меня была в десять раз больше...» Вот потом ничего не помню. Как-то сразу я оказалась здесь. Я пошла к людям, в деревню, чтоб мне помогли. А они испугались, убежали. И почти сразу же появился рыцарь. Сначала один. Потом другой. *(Плачет.)*

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Я бы тоже испугался. Чучело!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Не плачьте, Принцесса. Вы – не чучело. На себя посмотри, дракон!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. И смотреть нечего. Твоя полная копия. Внешне. И полная противоположность внутри.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Тогда молчи и думай, как выбраться отсюда.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. А зачем выбираться? Мне и здесь хорошо! Здесь я отдельно, ты отдельно, он *(показывает на*

Мишу, который пребывает в крайней задумчивости) тоже тут сам по себе.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. В том мире мы тоже отдельно. Только внутри. Мы должны там друг другу помогать.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Помогать?! Оно мне надо? Хватит того, что я живу с тобой под одной крышей! С таким правильным, интеллигентным!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Это плохо?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Это скучно! Я тебя съел бы вообще. Но есть ли тут йод, чтобы ранку замазать? А то ещё кровью истеку.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Я с тобой вообще не разговариваю.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Ага! Испугался! Все труссы, чуть что, «я с тобой не разговариваю».

МИША. Лиза, тебе ещё повезло. У тебя просто большая голова. А у меня тут война между мною и мною.

ЛИЗА. Моя голова – тоже плохо. Она какая-то пустая совсем. И всё время думает о том, что я – принцесса. И что я никому ничего не должна, а мне все должны. Она мешает сосредоточиться, мешает понять, что происходит на самом деле. Ведь, если б я так не думала, может, не оказалась бы здесь? *(Плачет.)*

МИША. Да погоди ты плакать. Расскажи всё, что связано с куклой. Там разыгрывалась какая-нибудь лотерея? И ты выиграла исполняющееся желание?

ЛИЗА. Нет.

МИША. А где ты взяла эту куклу?

ЛИЗА. Купили с мамой на улице, у перехода. Какая-то женщина торговала шариками. Такими смешными, как клоуны. И куклами. Мама не хотела покупать, но я так плакала и топала ногами, что женщина сказала, что уступит куклу за полцены. Что ей такие принцессы, как я, очень нравятся, что ей такие нужны. Мне её слова почему-то не очень понравились, и я уже не хотела куклу, но мама за полцены взяла и купила.

МИША. А как выглядела женщина?

ЛИЗА. Толстая такая, нос крючком, глаза злые-презлые, губы красные-красные, и голос скрипучий.

МИША. Буфетчица! Это она! Злая волшебница! Точно!

ЛИЗА. Злая?! Волшебница?! Ма-мааааа.

МИША. Её надо найти. Она здесь! Где ж ей быть, раз она сказала, что мы ей нужны! Надо найти и потребовать, чтобы она нас вернула назад.

ЛИЗА. Найдиии. Быстреееее.

МИША. А ты?

ЛИЗА. Я – принцесса. Я здесь подождуууу.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Ах-ха-ха, что, Михась, получил? Сейчас! Мы все трое разбежались по первому требованию принцессы. Сама иди и ищи! Нам и здесь хорошо.

ЛИЗА. Ой, Миша, моя пустая голова что-то не то сейчас сказала?

МИША. Да, у тебя тоже раздвоение головы.

ЛИЗА. Да, она меня не слушается совсем. То есть слушается, но не всегда. Куда пойдём?

МИША. Думаю, вон к тому замку. Там нарисован герб, что был у буфетчицы на кармане. Я заметил. Три креста, два кружка, как в крестиках-ноликах.

ЛИЗА. Какой ты внимательный. Я б ни за что не заметила. И умный.

МИША. Я?

ЛИЗА. Идём.

На сцене появляется Клубочек. Он ни минуты не стоит на месте, всё время крутится-вертится.

КЛУБОЧЕК. Здравствуйте (*читая записку, обращаясь к Лизе и Мише*), принцесса и дракон. (*Смотрит на них внимательно.*) Или два дракона? В записке было сказано: принцесса и дракон. Ничего не понимаю, ничего не понимаю. Обычно в записках точно указано, к кому обра-

щаться. А кто из вас принцесса, кто дракон? Что-то напутали, что-то напутали. Ай-яй-яй. Ай-яй-яй. Какая же это принцесса? Чудище-юдище. Ой-ой-ой. Ой-ой-ой. Трудная задача на сегодня.

ЛИЗА. *(Плачет.)!*

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Как вы смеее так разговаривать с принцессой?! Тем более находящейся в беде! Извольте извиниться, сударь!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Чудище-юдище! В точку сказал! Ха-ха-ха. И сам тоже чудище-юдище! Стой на месте, не крутись, а то я тебя съем!

МИША. Тихо все! Кто вы такой?!

КЛУБОЧЕК. Меня зовут Клубочек! Здравствуйте! Вы выполнили первое задание. Догадались, куда надо идти. Поэтому я здесь. Я – гид. Проводник по стране Турбомбом. Когда я узнал о вас, тут же собрал свои вещи и примчался. Но если вы обойдёте без меня, если вам не нужен гид, Клубочек, то есть я, то пожалуйста, пожалуйста, я уйду. До свиданья. До свиданья. До свиданья. *(Укачивается.)*

МИША. Ну вот, из-за вас упустили помощника.

ЛИЗА. И что меня тянуло за язык?

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Надо скорее бежать, догнать и извиниться.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Надо скорее бежать, догнать его и съесть. Очень уж хочется кушать, а он просто вылитый колобок.

Дети гонятся за Клубочком. Выбегают на поляну и прямо налетают на Клубочка, который стоит, замерев.

ЛИЗА. Клубочек! Наконец-то. Догнали. Может, теперь извиниться?

ЛИЗА. Извиниться? Мне? Перед кем?

МИША. Извини, Клубочек, мы были неправы.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Помоги нам, пожалуйста, Клубочек.

ЛИЗА. А он, между прочим, – гид. Знаете, что такое гид? Человек, который за деньги сопровождает группы туристов. Это – его работа.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. А вы ему: «Пожалуйста, помоги». Вы что, просите водителя автобуса довезти вас до школы? Или говорите дворнику: «Пожалуйста, подмети сегодня вокруг дома?» Ещё пойдите и скажите дворнику «спасибо».

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. А что, это было бы неплохо.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Убираться – работа дворника! Сопровождать нас по стране – работа гида.

ЛИЗА. Ну да! Точно! Это его работа. Он сам сказал, что он – гид. И должен нас сопровождать. Возмутительно! Убегать от нас во время работы?!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Надо написать на него жалобу.

ЛИЗА. И пусть его уволят из гидов.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА (*Мише*). А ты что молчишь?

МИША. Не знаю. Бабушка всегда говорит, что всё плохо из-за того, что кто-то плохо выполняет свою работу. Она говорит, что я плохо учусь, потому что учительница плохо меня учит. Что я много болею, потому что врачи плохо лечат. Что кругом столько мусора, потому что дворники плохо работают.

ЛИЗА. А сам ты что думаешь?

МИША. А что? Разве это неправда?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Молодец, Михась! Давай съедим колобка, и дело с концом. И незачем нам искать волшебницу. Нам и здесь хорошо.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ты плохо учишься, потому что не слушаешь учителя, не делаешь уроки и всё время играешь. Я пытаюсь, пытаюсь учиться, а ты всё время слушаешься его. (*Кивает на правую голову.*)

ПРАВАЯ ГОЛОВА. И правильно! Со мной веселее!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ты болеешь, потому что не хочешь

закаляться и заниматься спортом. Впрочем... я это тоже не люблю.

МИША. Зачем мне заниматься спортом? Я и так самый сильный в классе.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Ага. Это я – самый сильный в классе.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ты сильный пока, но так будет не всегда. И про мусор. Кругом много мусора, потому что такие, как ты, бросают мусор не в урну, а где попало. Вас много, и скоро мы утонем, утонем в мусоре.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Не надоело говорить чепуху? После того, как я съем колобка, я тебя точно откушу.

ЛИЗА. Клубочек, ну что ты молчишь?

КЛУБОЧЕК. У меня инструкции.

ЛИЗА. Какие инструкции?

КЛУБОЧЕК. Не мешать вам спорить. Чем больше вы ссоритесь, не соглашаетесь друг с другом, тем больше энергии достанется злой волшебнице.

МИША. Так ты пришёл от злой волшебницы?! А не для того, чтоб спасти нас?

КЛУБОЧЕК. Такие указания у меня тоже имеются. От доброй волшебницы. Но я о них пока помолчу.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Молодец, колобок! Молчи как партизан!

МИША. Ты что же, служишь сразу двум господам?

КЛУБОЧЕК. Здесь все так. Служат двум господам. Другие в страну Турбомбом не попадают. На себя посмотрите.

МИША. Ну, всё, я решил. Пойдем без Клубочка. Прямо к замку волшебницы.

ЛИЗА. Я пыталась вчера. Ничего не получается. Идешь, идешь, и вдруг снова оказываешься на том же месте.

КЛУБОЧЕК. Эта страна так устроена. Без гида не попасть никуда.

МИША. Так что ты стоишь?

КЛУБОЧЕК. Жду, пока вся энергия ссоры достанется злой волшебнице.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Вот здорово! Обожаю ссориться. Но с ней же, с другой головой, даже поссориться нормально нельзя. Вежливая такая, противная. Как будто не с нами вместе в школу ходит. Как будто не с нами рисует на парте. Как будто не с нами носится по коридору. Как будто не с нами дерётся с одноклассниками.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Конечно, с вами! Куда мне деваться? Только я знаю, что рано или поздно ты изменишься, станешь такой же, как я.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Или ты – такой же, как я!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Нет, ты!

ПРАВAYA ГОЛОВА. Нет, ты!

Слышен смех и чавканье злой волшебницы. Детям страшно.

ЛИЗА. Возмутительно просто! Он нас должен спасать, и что?!

ЛИЗА. Опять ты за старое! Никто ничего нам не должен. Клубочек, пожалуйста, миленький, хорошенький, кругленький, проводи нас к замку поскорее.

ЛИЗА. Пожалуйста?! Унижаться?! Перед кем?! Перед гидом?! Мне, принцессе?

МИША. Всё! Тихо! Хватит! Мы будем все заодно! А иначе погибнем.

Все сидят тихо несколько секунд.

КЛУБОЧЕК. Что ж, второе задание кое-как выполнено. Вперёд.

Они начинают движение вперёд, но оттуда долетают стрелы.

КЛУБОЧЕК. Рыцари. Что ж, придётся бежать назад. *(Бежит задом наперёд. Все остальные двигаются за ним как обычно.)* Я сказал: бежим назад.

МИША. А мы и бежим назад.

КЛУБОЧЕК. Ты увидел, как я бегу?

МИША. Увидел, и что?

КЛУБОЧЕК. Думаешь, я не умею бегать иначе?

МИША. Ничего я не думаю. Мне что, подумать больше не о чем?

КЛУБОЧЕК. Я – ваш гид в стране Турбомбом. Это почти что учитель в школе. А учителя надо слушать. Если я говорю – надо делать так, значит, так.

МИША. Зачем?

ЛИЗА. Так ведь труднее бежать. Мы лучше побежим, как нам удобно. Вот еще, бежать задом наперёд.

КЛУБОЧЕК. Как хотите. Но если мы побежим так, как вы, то никогда не вернемся в нужное место. Или вернёмся, но очень нескоро.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Давайте побежим задом наперёд. Уж очень хочется домой.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. А у меня есть план.

ЛИЗА. Какой?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Стратегический.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ты ж в стратегии не любишь играть. Только в стрелялки.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Это я к слову. Конечно, стрелялки круче. Спрячемся тут.

КЛУБОЧЕК. Рисковать жизнью?! Моей? Единственного гида страны Турбомбом?!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Никто твоей жизнью не рискует. Тебя не тронут.

КЛУБОЧЕК. Рыцари? Когда увидят, что я вожусь с драконами?! Тронут! Ещё как!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Спрячься тогда вон там. Как только я расправлюсь с рыцарями, бежим вперёд, и только вперёд. Бегать задом наперёд не для меня.

КЛУБОЧЕК. Я не позволю расправиться с рыцарями!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Это ещё почему?

КЛУБОЧЕК. Они – единственная надежда страны. Они убивают драконов!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. А зачем они убивают драконов?!

КЛУБОЧЕК. Глупый вопрос. Потому что драконы – не такие, как все. Если разрешить кому-то быть не таким, как все, тогда все захотят быть не такими, как все. И что же это будет за страна?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Ты тоже не такой, как все. Тебя ж не убивают.

КЛУБОЧЕК. Я – гид её величества волшебницы. Мне можно. Все знают, что мне можно.

ЛИЗА. Я больше так бежать не могу.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Позвольте предложить вам руку, принцесса, я помогу вам бежать.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Где у тебя руки, дубина?

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Не важно! Позвольте предложить вам мою голову, принцесса.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Ещё хочет, чтобы я со временем стал таким, как он! *(Кричит очень громко и повелительно, так, что все не осмеливаются его послушаться.)* Слушаться меня! Всем стоять! Прятаться за дерево.

Все спрятались. Выбегают рыцари. Правая голова высовывается из-за дерева. Пугает рыцарей. Они пугаются, падают в обморок от страха. Дети и Клубочек убегают в ту сторону, в которую им надо. Один из рыцарей приходит в себя раньше, чем другой. Вскакивает, толкает другого.

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. А? Что?! Где?!

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Пока ты валялся, я сражался с драконом.

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Я не валялся. Я был ранен. Он на-

нёс мне удар необычайной силы. Но я тоже ударил его пару раз. Скорее всего, я отрубил ему одну из голов.

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ (*сомневается*). Да?! И где же голова?

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Не знаю, наверное, он унёс её с собой, чтоб никому не досталась. И всё ж я – герой!

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Герой! Пока ты лежал, я боролся с ним очень долго. Я защищал тебя, чтобы он тебя не съел. И... я снёс ему вторую голову!

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ (*сомневается*). Да?! И где же она?

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Он унёс её с собой, чтоб никому не досталась. Я пытался погнаться за ним, но меня оставили силы после такой великой героической битвы.

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Значит, у дракона осталась одна голова. Может (*сомневается*) быстрее догнать его и отрубить последнюю?

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ (*очень неохотно*). Думаешь?

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ (*ещё более неохотно*). Думаю, наверное...

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Наверное, не надо. Мы слишком слабы. А у дракона на месте отрубленной тут же вырастает сразу три головы. Значит, теперь у него... не могу сосчитать...

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. И я не могу сосчитать.

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Нам надо набраться сил и уже тогда догнать и обезглавить дракона. А лучше просто застрелить.

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Точно. Надо поесть нашей рыцарской еды и попить нашего рыцарского питья и только тогда отправляться в путь.

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Правильно. Так мы и сделаем. (*Едят, пьют, сразу становятся весёлыми.*) А славная была битва сегодня.

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Да. Настоящая героическая битва! Наверное, она войдёт в историю страны как одна из величайших рыцарских битв.

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Обязательно. Обязательно войдёт.

Рыцари уходят. Дети и Клубочек появляются на сцене. Становится всё темнее и темнее.

МИША. Разве уже ночь?

ЛИЗА. Нет, ещё даже не вечер.

КЛУБОЧЕК. Ну вот, ну вот, я думал, я думал, хоть этого мы избежим. Не получилось, не получилось. Всё чаще и чаще. Ужас, ужас, просто кошмар. Где взять столько драконов? Где взять?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Что ты бормочешь, Колобок?

КЛУБОЧЕК. Всё чаще и чаще отворачивается солнце от страны Турбомбом. И если оно отвернётся совсем, беда.

МИША. Говори понятнее, Клубочек!

КЛУБОЧЕК. Давным-давно, в стародавние времена, когда в нашей стране было всё хорошо, у нас поселился брат Солнца, мудрец Апчих. Его так зовут, потому что у него аллергия на мусор. Как только мусора в стране Турбомбом становится много, Апчих заболевает, и тогда... Тогда солнце начинает грустить из-за болезни брата и скрывается в домике на небе. И долго-долго не показывается.

МИША. И долго обычно болеет мудрец?

КЛУБОЧЕК. Когда как.

МИША. А как Солнце узнаёт, что Апчих заболел? Или выздоровел?

КЛУБОЧЕК. Мудрец Апчих занимается тем, что решает задачи. Как только задача решена, в небо пускается солнечный зайчик. Когда зайчика долго нет, Солнце думает, что мудрец заболел, начинает грустить и прячется в домике на небе. Как только зайчик появляется опять, Солнце перестаёт грустить и тут же начинает светить.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Какая ерунда. Солнце – это звезда,

вокруг которой крутятся планеты. В том числе наша Земля. И у него нет никакого брата, который мог бы прилететь на его собственную планету.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Что, сильно умный, да?

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Тут и ума не надо. Это знает любой детсадовец!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Я вот не знаю и знать не хочу. Я хочу выслушать историю Апчиха. Не люблю ходить в темноте!

МИША. И правда, я тоже хочу.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Хорошо, если здравый смысл не для вас, то, пожалуйста, слушайте сказки. Но хочу лишь заметить, что солнечного зайчика в тот момент, когда солнце прячется в домике, не может появиться вообще.

КЛУБОЧЕК. Может быть, где-то и не может, у нас же всё так, как я рассказываю.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Хорошо, а почему вы допускаете, чтобы здесь накопилось достаточно мусора, чтобы мудрец заболел?

КЛУБОЧЕК. А вот это самая печальная часть истории. Мусор появляется у нас от вас. Как только у вас кто-нибудь бросил мусор мимо урны, тут же он появляется здесь.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Но это тоже ерунда. Брошенный мимо урны мусор ещё долго-долго лежит там, где он брошен.

КЛУБОЧЕК. Ну да, у вас он лежит. А у нас появляется двойник. А раз брошенного мусора у вас всё больше и больше, то мудрец Апчих болеет всё чаще. Боимся, что может умереть. Тогда Солнце рассердится и скроется от нас навсегда.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Надо побыстрее выбираться отсюда. Мы можем идти в темноте?

КЛУБОЧЕК. Можем. Но это ничего не даст. В темноте начинает действовать Ночная Крутьверть, и простран-

ство искривляется так, что я не знаю, куда идти. А это то же самое, как если бы вы шли без меня.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Хорошо, тогда рассказывай, кого надо победить, чтоб достать лекарство Апчиху.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Мы не можем никого победить. Мы – маленький мальчик!

ПРАВAYA ГОЛОВА. Можем, ещё как!

КЛУБОЧЕК. Побеждать никого не надо. Надо просто решить задачу, которую решал Апчих, когда заболел.

ЛИЗА. Но мы-то её точно не решим. У меня совсем пустая голова.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. И не обязаны мы её решать. Вот ещё. Задачи решать!

ПРАВAYA ГОЛОВА. Идём, Колобок, где там твой Апчих? Наш умник наконец-то покажет себя.

МИША. Ну что ты говоришь? Он же – я. А я никогда не мог решить ничего сложного.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Это потому, что он тебе всегда мешает. Если обещает не мешать, я попробую.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Конееечно, конечно, обещаю. Я всегда раздаю обещания налево и направо.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Вот именно! И никогда не выполняешь.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Зато тебе всегда бывает от этого стыдно.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. А что, это плохо?!

ПРАВAYA ГОЛОВА. Не плохо, а неприятно!

МИША. Тихо вы! Клубочек, куда надо идти?

КЛУБОЧЕК. Идти никуда не надо. Он здесь.

Из груды мусора появляется мудрец. Он очень похож на солнце, только очень большое и съёжившееся.

АПЧИХ. Апчих. Печальная история, апчих. Здравствуйте, драконы Миша и Лиза.

ЛИЗА. Я – принцесса.

АПЧИХ. Конечно, конечно, апчих.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Давай свою задачу, дядя. У нас тут есть кому её решить.

АПЧИХ. Задача несложная совсем. Смотрите – есть два огромных гвоздя. Они вбиты в доску. И есть картина с верёвкой. Надо обвить верёвку от картины вокруг гвоздиков так, чтобы при вытаскивании любого из гвоздей картина падала на землю. Я сам её решал, когда был маленький. Но теперь совсем забыл ответ. И болею. Апчих. *(Мудрец падает назад в кучу мусора.)*

МИША. Пойдите, пойдите! Апчих! А если мы не решим задачу вовремя?

АПЧИХ *(поднимается)*. Тогда брат мой, Солнце, подумает, что я умер, и улетит в другую галактику.

МИША. А не могли б вы нам чуточку помочь?

АПЧИХ. Нет, я должен надеть противогаз и уснуть. Если я еще чуть-чуть подышу этим мусором, всё! Мне конец. Решайте скорее. Время идет. Апчих. *(Надевает противогаз, заваливается в кучу мусора.)*

МИША. Ну что, за дело?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Верёвку будем ртом держать?

МИША. Мы будем говорить, а Лиза делать.

ЛИЗА. Я?! Вот ещё!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Нет, нет, принцесса, мы сами.

ЛИЗА. Ну что ты, конечно, я.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Итак...

Миша и Левая голова пытаются решить головоломку. Говорят действия Лизе. Та вертит верёвку и так и сяк. В это время на заднем плане появляется Буфетчица.

БУФЕТЧИЦА. А ну-ка, мои верные солдатики. Не выпустим драконов на волю. Игру начи-най!

Тут либо на экране показывается компьютерная игра-стрелялка, либо эту игру должны изображать несколько актёров. Правая голова тут же отвлекается на игрушку. Через какое-то время Миша тоже совершенно не смотрит на решение задачи с картиной. И даже Левая голова иногда, но всё чаще смотрит на игру. В итоге Миша при помощи двух голов, которые на самом деле руки, уже полностью играет в игру, забыв о гвоздях и картине. И Лиза стоит и смотрит, как Миша играет. Сумрак усиливается. Мусор всё сыплется и сыплется сверху на Апчиха. Его совсем почти не видно. Клубочек давно уже спит.

МИША. Что-то уже не видно ничего.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Не отвлекайся, осталось убить ещё двоих. И всё, победа.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Где мы? Что происходит?

МИША. Дома, где! Это моя любимая игрушка.

ЛИЗА. А у меня такой игрушки нет. Мне брат редко даёт поиграть. Я хожу к соседке, Вере. У нее такие глупые игры: одень куклу, например, или собери лицо.

МИША. Какую еще куклу? Ты кто?

ЛИЗА. Лиза.

МИША. Лиза? Какая?

КЛУБОЧЕК (*просыпаясь*). А! (*Бежит к Апчиху.*) Что вы наделали?! Апчих мёртв. Мы никогда больше не увидим Солнце. Это я, это я виноват! Я не должен был спать.

ЛИЗА (*Плачет.*) Это мы, это мы виноваты!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Это ты виноват!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. А что я-то сразу? Я не собирался решать задачу.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ты меня отвлекал!

ПРАВАЯ ГОЛОВА. А ты бы не отвлекался!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Как я мог не отвлекаться? Я только треть головы. И я тоже – мальчик! Я люблю играть!

МИША. Хватит! Что толку ссориться теперь? Надо вы-

тащить Апчиха из мусора и сделать искусственное дыхание.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Как это?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Как это?

ЛИЗА. Как это?

МИША. И я не знаю. Видел как-то по телевизору.

Дети и Клубочек вытаскивают Апчиха и кое-как делают искусственное дыхание прямо в противогазе.

ЛИЗА. А может, противогаз всё же снять?

МИША. Думаешь?

Снимают противогаз, делают искусственное дыхание.

АПЧИХ. Апчих!

ЛИЗА. Апчишек, миленький, жив?!

АПЧИХ. Мне плохо! Вы решили задачу?

МИША. Нет!

АПЧИХ. Прощай, брат мой Солнце.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Решили, решили, посылай зайчик, Клубочек!

КЛУБОЧЕК. Зайчик пускается сам, когда решение найдено.

Левая голова быстро говорит Лизе, как обвить верёвку вокруг гвоздей, и солнечный луч посылается в небо. Тут же становится светлее. Мусор со сцены уползает.

ДЕТИ. Ура!

На сцене появляются рыцари. И на детей опять сыплются стрелы.

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Держи драконов!

Дети и Клубочек убегают. Рыцари поднимают Апчиха, который уже углубился в чтение какой-то книги. Отнимают у него книгу и демонстрируют его, живого и здорового, публике.

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Мы успели вовремя и спасли Апчиха от драконов!

АПЧИХ. Но...

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Если бы не мы, драконы съели бы его!

АПЧИХ. Но...

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Этот наш подвиг тоже запишут в книгу о рыцарях и драконах!

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Как один из величайших подвигов планеты! *(Тычут оба пальцем в книгу Апчиха.)*

АПЧИХ. Но эта книга вовсе не о рыцарях. Она о минералах!

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Живи, отец. Живи и помни!

РЫЦАРЬ ВТОРОЙ. Бежим догонять драконов!

РЫЦАРЬ ПЕРВЫЙ. Бежим!

Рыцари убегают со сцены, оставляя удивлённого Апчиха. Апчих тоже уходит, уткнувшись в книгу. На сцену выбегают дети и Клубочек.

КЛУБОЧЕК. А теперь – через горящий мост на ту сторону Огненной реки.

ЛИЗА. Но мы сгорим.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Надо подумать и найти обходную дорогу.

КЛУБОЧЕК. Некогда думать. Рыцари уже близко.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Может, их опять испугать?

КЛУБОЧЕК. Здесь некуда спрятаться. Нет деревьев.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Давай я спрячусь за тебя.

КЛУБОЧЕК. Я что, такой толстый?

ПРАВAYA ГОЛОВА. А то!

МИША. Ну что же делать?

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Надо подумать. Мы не можем рисковать жизнью принцессы.

ЛИЗА. Спасибо, Миша!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Меня зовут Миша?

МИША. А как?

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Мне казалось... Робин или Айвенго.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Вот псих.

МИША. Некогда ссориться.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Точно! Принцесса, хватайтесь за меня.

Лиза хватается за правую голову, и дракон на всей скорости перебегает по огненному мосту.

ЛИЗА. Спасибо, Робин.

ПРАВAYA ГОЛОВА (*левой голове, самодовольно*). Ты слышал? Это она мне!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА (*бьёт лбом по лбу правой*). Я сказал тебе, нужно подумать! Ты рисковал её жизнью.

ПРАВAYA ГОЛОВА. Ух ты, драться научился! Если бы ты подумал ещё две минуты, то рисковать было бы уже нечем! (*Правая и левая головы дерутся, то есть бодаются.*)

ЛИЗА. Перестаньте, Миша и Миша. Миша, скажи им.

МИША. Хватит... У меня какое-то странное чувство...

КЛУБОЧЕК (*догоняет детей*). Уф, спаслись!

ЛИЗА. А рыцари не погонятся за нами?

КЛУБОЧЕК. Рыцари никогда через мост не перебираются, когда река оживает.

ЛИЗА. Оживает? Река?

КЛУБОЧЕК. Конечно. Она ж не всегда горит. А только когда злая волшебница злится.

ЛИЗА. А долго она будет злиться?

КЛУБОЧЕК. Не знаю. Но река так быстро не остынет.

МИША. А почему рыцари не перебираются через горящую реку?

КЛУБОЧЕК. Потому что им незачем.

МИША. А нам зачем?

КЛУБОЧЕК. У нас такой экскурсионный маршрут.

МИША. А скоро ли замок?

КЛУБОЧЕК. Скоро.

На детей сверху падает сеть. Выползает огромный железный паук.

МИША. Mamочки, что это?

ЛИЗА (*плачет*). Мама! Спасите!

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Не бойтесь, я спасу вас, принцесса.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Не бойтесь, я спасу вас, принцесса.

МИША. Клубочек, ты завёл нас в ловушку?!

КЛУБОЧЕК. Нет. Это пока не ловушка. Ловушка ещё впереди. Это всего лишь железный детектор.

МИША. Железный детектор? Зачем?

КЛУБОЧЕК. У него нет эмоций. Он никого не любит, не ненавидит. Он никого не жалеет и никогда не ошибается в оценках.

ЛИЗА. В школьных оценках?

КЛУБОЧЕК. В оценках людей и драконов. Вот я уже к вам привык, и вы мне не кажетесь такими уж драконами. Мне сложно судить. Рыцарей тоже спрашивать нельзя. Они вас не знают, и гоняются, как за мишенью, у них одна цель – убить вас, поэтому на их мнение тоже нельзя опереться. Железный детектор просканирует вас и поймёт, кто вы на самом деле.

МИША. А зачем же сеть?

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАУК. Чтоб не дёргались, когда я вас буду пытаться.

ДЕТИ. Пытать?!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАУК. Ну, испытывать, какая разница?

ЛИЗА. То есть вы нам ничего плохого не сделаете?

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАУК. Что такое хорошее? Что плохое? Будет работать программа. Какие дадите ответы, такое получите решение.

ЛИЗА. Клубочек, милый, подскажи, какое решение правильное?

КЛУБОЧЕК. Но я же не знаю, что вы хотите получить.

ЛИЗА. Мы хотим домой.

КЛУБОЧЕК. Домой? Не знаю. (*Шёпотом.*) У железного детектора такие чуткие уши. Это вам не на уроке. Чуть слово подскажешь, решение не будет засчитано. Я лучше помолчу.

МИША (*левой голове*). Тогда отвечать будешь ты.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПАУК (*Мише*). Отвечать будешь ты. Задание такое. У тебя три головы. А надо две. Тогда из нее я смогу слепить одну. И ты станешь человеком, не драконом, и вернёшься домой. От какой головы ты готов отказаться? Время пошло.

Слышно, как тикают часы. Никто из детей не говорит ни слова. Паук своими лапами щупальцами окружает детей.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ну что ты молчишь? Избавься от меня. Я – нерешительный, медлительный, нудный. Я два раза чуть не загубил всё дело.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Ну да! Ты решил задачу, спас Апчиха и вернул людям солнце. Я б так не смог. Я всё время отвлекаюсь на глупости и хочу кому-нибудь поставить под глазом фонарь. Не могу иначе. Ничего не получается.

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Иногда очень нужно поставить фонарь. Иногда нужно за себя постоять. А я не могу. Оставь его, Миша. Я тебе бесполезен.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Ты станешь учёным, как дедушка.

Ты откроешь новые законы. Ты очистишь землю от мусора. А я для чего?

ЛЕВАЯ ГОЛОВА. Ты станешь спортсменом, боксёром, мастером спорта. Ведь это из-за меня ты думаешь иногда, что спорт для тех, у кого нет мозгов. Но это не так. Просто у спортсменов совсем другой ум. Ум тела. А это гораздо больше, чем ум одной головы.

МИША. Одной головы?

ВСЕ ТРОЕ. Одной головы.

МИША. Мне не нужна одна голова! Я хочу, чтоб вы оба остались. Человеку нужно всё: решительность и осмотрительность, безалаберность и внимательность, ум и сила. Почему я должен жертвовать частью себя? Если это железное чудовище решит кого-нибудь прихлопнуть, то пусть уж нас всех, троих, вернее, меня одного.

Железная сетка спадает с детей. Глаза железного паука перестают мигать, он заваливается на бок.

МИША. И что это значит?

КЛУБОЧЕК. Это значит, задание выполнено. Замок уже рядом.

ЛИЗА. И что будет в замке?

КЛУБОЧЕК. Посмотрим. Экскурсия, наверное.

Какое-то время они ещё идут. Наконец Клубочек выводит детей на поляну перед замком.

КЛУБОЧЕК. И вот конечный пункт нашего тура-путешествия! Рыцарский турнир!

Посредине поляны на троне сидит Буфетчица. С двух сторон от неё, нацелив на детей луки, стоят Рыцари.

БУФЕТЧИЦА. Наконец-то! Уж я заждалась. И рыца-

ри все спрашивают: когда же, когда же турнир? Мишени прибыли. Турнир сейчас.

МИША. Вы что же, хотите нас пристрелить?

БУФЕТЧИЦА. Не я, не я. Этого требуют все.

ЛИЗА. Кто – все?

БУФЕТЧИЦА. Жители страны Турбомбом. Они боятся драконов и платят рыцарям за то, что те убивают драконов.

МИША. НО МЫ – НЕ ДРАКОНЫ.

БУФЕТЧИЦА. Правда? Принесите драконам зеркало. (*Зеркало выносят.*) Какое отвратительное зрелище.

ЛИЗА. Но это вы превратили нас в драконов! Мы были обычными, обычными детьми.

БУФЕТЧИЦА. Обычных добрых, хороших детей мне никогда не удаётся превратить в драконов. Уж как ни стараюсь, никак. Жалко. Можно было бы всё время устраивать рыцарские турниры. Это так интересно. И держать жителей Турбомбом в послушании гораздо легче, если драконы появляются часто.

МИША. И что, всё кончится прямо сейчас?

БУФЕТЧИЦА. Всё кончится. Всё хорошее когда-нибудь кончается.

МИША. Но мы изменились! Мы стали добрее, вежливей, дружней. Мы не бросаем больше мусор мимо урны. Мы не ругаемся и не дерёмся из-за пустяков.

БУФЕТЧИЦА. Вот как? Значит, вот-вот вы превратитесь в детей? И рыцарский турнир не состоится? Надо поторопиться, люди ждут зрелищ.

ЛИЗА. Клубочек! Но ты же сказал, что у тебя поручение не только от злой, но и от доброй волшебницы. Где она?

КЛУБОЧЕК. Она перед вами. Добрая волшебница Фея ибн Буфет. Она спасает страну от драконов.

ЛИЗА. Она?! А злая волшебница тогда кто же?

КЛУБОЧЕК. Идите, идите сюда. (*Подводит детей к*

другой стороне Буфетчицы.) Злая волшебница Буфет ибн Фея. Она облагает непосильной данью всю страну.

ЛИЗА. Но это же тоже она.

КЛУБОЧЕК. И что? Я ж сказал, здесь все служат сразу двум господам. Фея тоже служит: Добру и Злу. Позвольте откланяться, господа. Моё рабочее время вышло.

МИША. Так останься с нами как друг.

КЛУБОЧЕК. Не могу, не могу, не могу.

БУФЕТЧИЦА. Как друг? У тебя есть друзья?

МИША. Я же сказал: у меня много друзей.

БУФЕТЧИЦА. Ах, как я могла позабыть? И правда, и правда, нечестно. Во всех играх последний шанс – звонок другу. Если хоть один из твоих друзей подтвердит, что ты его настоящий друг, я вас отпускаю. Если нет, извини.

МИША. Спасены, спасены. Лиза! Ты будешь звонить мне, когда мы окажемся дома?

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Ну, вот ещё нежности.

МИША. Цыть.

ЛИЗА. Буду. Я буду звонить тебе каждый день. Нет, лучше три раза в день. Хорошо? Твои родители не будут против?

МИША. Не будут. Но три раза, пожалуй, много. Нам там много надо успеть разных дел. Учиться, заниматься спортом. Я буду учиться плавать. А ты?

ЛИЗА. Я? Принцессы не плавают вообще. Ой, что я опять говорю? Я запишусь в тот же бассейн, что и ты. Хорошо?

МИША. Замётано. А как ты узнаешь, в какой?

ЛИЗА. Но я же тебе позвоню!

БУФЕТЧИЦА. Ваше время, драконы, истекло. Начинаем рыцарский турнир.

МИША и ЛИЗА. Как турнир? А звонок другу?

БУФЕТЧИЦА. Вы что, не знаете? На звонок другу отводится определённое время. Ваше время, увы, истекло.

ПРАВАЯ ГОЛОВА. Я говорил тебе – вот ещё нежности.

МИША. Лиза, прости, я глупо потратил время.

ЛИЗА. Ничего, Миша. Ты знаешь, у меня пустая голова, но я, кажется, кое-что в этой стране поняла. Сейчас проверю. Пожалуйста, дорогая добрая волшебница, дайте нам ещё несколько минут.

БУФЕТЧИЦА. Пожалуйста, конечно, берите. Я сразу становлюсь доброй, когда меня называют доброй волшебницей. И очень злюсь, когда называют злой. Звони друзьям.

МИША (*звонит*). Рома! Ромка, это ты?! Привет!

РОМА. Это кто это?

МИША. Миша.

РОМА. Привет.

МИША. Ты где?

РОМА. Я в школе. А ты где? Говорят – потерялся.

МИША. Ромка, от тебя зависит моя жизнь. Меня отпустят, если ты скажешь, что ты – мой друг.

РОМА. А если не скажу?

МИША. Тогда не отпустят.

РОМА. А где ты?

МИША. В стране Турбомбом.

РОМА. Что за страна-то?

МИША. Вот такая страна. Говори же скорей.

РОМА. Что?

МИША. Что ты – мой друг.

РОМА. А что ты там делаешь, в этой стране?

МИША. Помнишь воду «Богатырь»? И желание, которое исполнится?

РОМА. Помню.

МИША. Я пожелал, чтоб у меня было три головы.

РОМА. Ты что, дурак?

МИША. Я ж не думал... Ну, Ромка, говори.

РОМА. Что?

МИША. Что ты – мой друг.

РОМА. И у тебя теперь три головы?

МИША. Ну да.

РОМА. А рук сколько?

МИША. Какая разница?!

РОМА. Разница большая. От двух твоих рук не знаешь, куда деться.

МИША. Три головы у меня скоро исчезнут, я стану как прежде. Но ты должен для этого сказать!

РОМА. Что?

МИША. Что ты – мой друг.

РОМА. А если не скажу?

МИША. Я останусь здесь навсегда.

РОМА. Вот и хорошо! Оставайся.

МИША. Что? Ты что?!

БУФЕТЧИЦА. Заканчивайте, драконы, разговор. Считаю до трёх. Раз, два...

ЛИЗА. Добрая волшебница, пожалуйста! Подождите, они сейчас договорятся.

МИША. Ты что, мне – не друг? Ты всегда говорил, что...

РОМА. А что я должен был говорить? Ты сильнее. Чуть что, сразу в лоб.

МИША. Это не я, это моя правая голова.

РОМА. Чего?!

МИША. Я ж сказал, у меня три головы. Две смиренные, а правая дерётся. Но я научился с ней справляться. Честно. Вот увидишь! Я больше не буду драться ни с кем. Ну, только в крайних случаях, конечно. Иногда, оказывается, это тоже нужно. Добро должно быть с кулаками, слышал?

РОМА. Сейчас в классе добро с кулаками – это я. Все меня слушаются, как раньше тебя. И чего мне, опять бояться?

МИША. Почему бояться?

РОМА. Потому. Я тебя боялся раньше. Всегда. Оставайся-ка лучше в своей Турбомбом. Или как там? Пока. *(Короткие гудки.)*

МИША. Извини, Лиза, я сделал, что мог.

ЛИЗА. Но он должен был!.. Нет, вру, ничего он не должен. Мы сами во всём виноваты.

БУФЕТЧИЦА (*не очень радостно*). Объявляется рыцарский турнир. Победителем объявят того, кто больше стрел пустил ровно меж глаз чудовищ. Собирайте людей.

РЫЦАРИ. Все на турнир! Все на рыцарский турнир! Обезврежены ещё два дракона!

БУФЕТЧИЦА. А если позвонить кому-нибудь ещё?

МИША. Бесполезно. Ромка всех уже настроил.

БУФЕТЧИЦА. Почему так думаешь?

МИША. Потому что я бы так сделал. А Ромка во всём мне подражал.

Длинные телефонные гудки.

МИША. Рома! Передумал?!

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. А-а-а-а-а.

ЛИЗА. Это что за а-а-а-а? Кто-то очень хочет в туалет?

МИША. Это Саша, из нашего класса. Он просто заикается с детства.

ЛИЗА. Извини, я глупость сказала. Он – твой друг?

МИША. Нет. Он – никто. Я его всё время бил.

ЛИЗА. Плохо...

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Аллю. Здравствуйте. Это Са-са-са-саша. И-и-и-извините, я не сразззу узнаа-а-ал.

БУФЕТЧИЦА. Что хочешь, Саша?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Драааакон, которого зовут Ми-ми-миша.

БУФЕТЧИЦА. Тот, который говорит, что с тобой нельзя общаться, потому что ты – не такой, как все?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Да.

БУФЕТЧИЦА. Который всегда отталкивает тебя в буфете?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. О-о-о-он случайно тоооолкает.

БУФЕТЧИЦА. Неужели?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Ну да, не рассчитывает движения. Он научится. Но я не об этом. Я хотел сказать: он – мой друг.

БУФЕТЧИЦА. Повтори, что ты сказал?

ГОЛОС В ТЕЛЕФОНЕ. Миша – мой друг.

Грохот. Затемнение. Миша стоит рядом с Ромой и учительницей. На заднем плане буфетчица разговаривает с Сашей.

УЧИТЕЛЬНИЦА. Три головы? А не много?

МИША. Три головы – не много. Главное, чтобы они были заодно. *(Он быстро подбирает разбросанные бутылки, бросает их в урну и идёт к Саше.)*

Литературно-художественный альманах «Клад».
Выпуск 14

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Галиченко. О глупости разума 3

СТИХИ

Алексей Витаков (г. Москва). Антонина	12
Ева Кудрич (г. Ярославль). Шторм. Стихи	19
Анатолий Овсянников (г. Старый Оскол). Перун	24
Надежда Сычёва (г. Бирюч). Тютчева творенья	26
Нина Гудова (с. Нижняя Покровка). Прощание с юностью....	27
Иван Бабичев (г. Бирюч). Деревенская Русь	28
Виталий Куделин (г. Бирюч). Кусочек свободы	30
Зоя Иванова (г. Бирюч). Фонтан на Тихой Сосне	32
Виталий Валитар (с. Нижняя Покровка). Барометр души	34
Татьяна Синепупова (г. Бирюч). Жизни смысл	36
Виктор Пьянов (г. Бирюч). Детство	37
Вера Котенёва (г. Старый Оскол). Ожидание	38
Нила Лычак (г. Старый Оскол). Горный полёт	40
Зоя Буцаева (г. Старый Оскол). Ёж и певчие птицы	42
Вероника Дрожичева (г. Старый Оскол). Листопад	43
Нелли Амунова (г. Старый Оскол). Другу	44
Антонина Алексеева (г. Старый Оскол). Весна пришла	45
Марианна Володина (г. Старый Оскол). Оля	46
Тамара Дронова (г. Старый Оскол). Под покровом Твоим	48
Александр Бражников (г. Старый Оскол). От слова до прикосновенья...	49
Павел Делидон (г. Старый Оскол). Войнушки	50

АФОРИЗМЫ

Николай Шилохвостов (г. Старый Оскол) 52

ПРОЗА

Елена Соколова (г. Кострома). Книга на счастье 56

Владимир Калущкий (г. Бирюч). Приручение дракона64

Антонида Милованова (г. Старый Оскол). Васильковая дружба
..... 73

Пётр Немцев (г. Старый Оскол). Год с двумя пятёрками 78

Борис Новичихин (г. Старый Оскол). Реквием детству 89

Виктор Верин (г. Старый Оскол). Бег к победе 123

ПУБЛИЦИСТИКА

Любовь Рыжкова (г. Рязань). Жрец истины150

Николай Цыкаленко. До последнего дыхания 170

Ольга Слободкина-von Bromssen (г. Москва). Что есть поэзия,
что есть любовь? 178

ДРАМАТУРГИЯ

Ольга Опалёва (г. Москва). Три головы. Пьеса 192

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ВЫПУСКОВ АЛЬМАНАХА «КЛАД»

альманах «Клад». Выпуск № 13

- С. Галиченко.
Границы компромисса.
С. Посохов. Воедино.
М. Быкова. Укроет меня
облетевшей листвой.
М. Сергеева. На перекрёстке
параллелей.
В. Проскурин.
Люди, послушайте – вы не поверите.
В. Горожанкин.
Конечные решения.
М. Володина. Безответная любовь.
Т. Дронова. Мудрость.
Р. Степаненко. Что ж ты плачешь, Февраль?
Ю. Мартынцева. Несбыточность.
М. Веселов. Давайте будем интеллигентничать.
Е. Тарусская. Ночная элегия.
В. Куделин. Шаг.
В. Котенёва. Ода поэтам провинции.
А. Спиридонова. Воровба.
В. Валитар. Вестник мира.
Л. Киргетова. На кольцевой.
З. Келехсаева. Пираты.
О. Слободкина-von Bromssen. «The First European Journey of Arts».
И. Ватутина. Я – не «почти».
Д. Довженко. Сон.
А. Овсянников. Марфуша.
Н. Стрельникова. Гном.
Е. Скрынникова. Лес выбросил свою одежду.
А. Бражников. Разве Богу легко?
Б. Новичихин. Признание.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

КЛАД

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

Н. Егорова. Я выздоравливаю.
В. Волновская. Наутро глупая улыбка.
О. Лабозин. Печаль поглотила небо.
М. Анисимов. Небесный меридиан.
В. Калуцкий. Саваоф, или Соломенный остров.
О. Лофицкая. Картошка.
Г. Кондратьева. Бабье лето.
А. Комарова. «Рабочий и Колхозница».
В. Верин. Битая.
Н. ЛАН. Легенда о Ревекке и рыцаре де Бриане.
Ю. Микулин. О слове несуетном.
А. Кириллов. Размышления автомобилиста.
Ю. Градинаров. Прожил, как песню спел.
П. Немцев. Жюри и соловей.
З. Буцаева. Пересмешки.
И. Горюнова. Прыг.
Ю. Бабенко. Почти детективная история.
В. Дрожичева. Тополиный снегопад.
Н. Белякова. Сквознячок.
А. Чубарова, И. Егорова. Комнатушка в четыре стены.

альманах «Клад». Выпуск № 12

С. Галиченко. Гармония художественного слова.
М. Веселов. Быть может. Дорога к морю.
И. Баженова. На мокром тротуаре белый снег...
Е. Олейникова. Зеркало. Осенняя прогулка.
Т. Ярошенко. Посвящение группе «Поиск».
В. Ансимова. Сосед.
Н. Аникеев. Давай о любви поговорим.
Н. Амунова. Не в силах обойти чужую боль...
П. Медянкин. Тишина. Мой класс.
З. Буцаева. Белки в колесе. Переменчивый апрель.

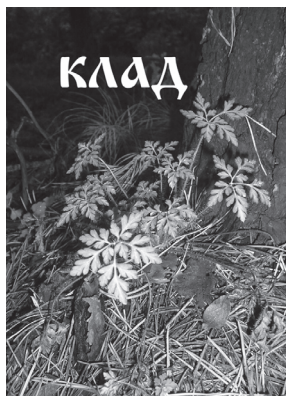

Е. Скрынникова. Притча о черезокеанском разговоре.
М. Володина. Кольцо.
Т. Дронова. Утро на лугу.
В. Котенёва. Безмерный риск...
С. Туренко. РОСА. Не пора ль поставить точку?
А. Мавлыга. Бросьте! Оставьте! Не надо...
Б. Новичихин. Противостояние.
М. Сергеева. Настенька.
И. Бабичев. РОСА. Заколдованный сон.
Н. Ковалёва. Без компаса. Сад счастья.
Т. Синепупова. Снова в школу.
Н. Сычёва. Если б рядом он был.
Н. Быкова. Колодец чувств.
В. Дрожичева. Женщина-весна.
С. Агеева. Ночь. А мне, равнодушной к рассветам...
М. Быкова. Укроет меня облетевшей листвой...
Р. Степаненко. В прошлое мосты.
И. Левашов. Цена стихов.
В. Борзиков. Нежная красавица.
А. Проценко. Тайна неба.
Г. Черников. Прощание с летом.
В. Тюльпин. Я ещё поживу.
А. Алексеева. Призывникам 2007 года.
А. Милованова. Гавань интересов.
Н. Безух. Хозяйка.
Т. Лихолетова. Не унывай.
Д. Шишкин. Вавилоны рушились...
А. и Р. Уваровы. Природы ход не быстр, не скор...
С. Главацкая. Имя – предвестник беды.
А. Спиридонова. Прильну движением волны.
В. Волновская. Я вам почитаю стихи, хотите?
Н. Стрельникова. Аллейка. Душа.
О. Лабозин. Наша ночь – слепая птица... Считалочка.
А. Бражников. Из детства. Из-за леса за рекою...
В. Горожанкин. Словно птицы в раю.
Ю. Микулин. «Прости, целую. Папа».
Е. Мухин. Покаяние. Рабство. Не вера. Мука.

А. Александров. Собака с белой звездой во лбу на февральской улице Старого Оскола.
Ю. Пархимчик. Пусть жизнь моя скользит...
С. Посохов. Post scriptum. Русское.
М. Машкара. Баллада. Письмо.
Д. Довженко. Оставьте слёзы палачу.
Г. Щербинина. Дороги осени. Другьям-поэтам.
В. Валитар. Роковая черта. Большое видится на расстоянии...
В. Зиненко. Шиповник.
В. Левинская. Виньетки. Ощущения.
Т. Олейникова. На пороге. Элегия.
Ю. Мартынцева. Любя тебя.
И. Горюнова. Ах, моя Родина, Русь многоликая...
М. Алексеев. Ты приходи... Я был на развилке дорог.
В. Куделин. Элька – повелительница крыс.
Н. Лычак. Пропасть.
О. Лофицкая. Ромка.
Е. Батурин. Без сознания.
В. Калуцкий. Страж пустоты.
В. Верин. Проститутка.
А. Чубарова. Чисто женская история.

альманах «Клад». Выпуск № 11

С. Галиченко. Клад РОСА. Вместо предисловия.
Н. Амунова. Все лучшее в прошлом – воскреснет...
С. Агеева. Как жаль, что не художник я
Л. Алексеенко. Не отступите, свет и терпение!
Л. Алёшин. Яблоневый снег. Романс.
И. Баженова. Просыпаюсь счастливой и нежной...
Валитар. Рассветная поэма.
А. Вислогузова. Я открыла душу ветру и пороку...
П. Васильев. Сообщения на пейджер (к Тебе).

В. Горожанкин. Подоспело, что хлебушек, солнце...
А. Дёменко. Тускло мерцают жёлтые окна домов...
Г. Горожанкин. Дорога трубача.
И. Горюнова. Золото, успех и слава...
Д. Довженко. Вальс расставания.
В. Желтов. Между прочим...
Ю. Дровникова. Моей тетради со стихами...
И. Жаворонкова. Фиалок ясные глаза.
В. Ивженко. И так каждый день. Кроссвордорешалка.
О. Ишкова. Я подожду...
Н. Ковалёва. Русь. На свете мало ли чудес?
В. Котенёва. Сергею Есенину.
Ю. Колесников. Интернет – наркотик мой.
А. Уваров. Солдатская могила.
Р. Уваров. Россия – светлая отрада.
Е. Корсакова. Он искал её неустанно...
О. Лабозин. Песенка ни про что.
С. Любимченко. Песня о городе.
Е. Мартыненко. Зажгите свечи, зажгите!
С. Посохов. Солдат.
П. Медянкин. Солнце каплей золотой. Россию узнаю.
А. Муренков. Домский собор.
И. Цыганкова. Так грустно мне, любовь моя...
Е. Мухин. Ночь мою боль заласкает...
Е. Олейникова. Звезда остановилась на лету...
Ю. Пархимчик. Всю душу выплеснуть в словах...
В. Проскурин. Каких-то двадцать лет – так много и так мало...
А. Проценко. Существа. Голос твой, и не с тобой...
П. Делидон. Последний писк моды.
А. Деменов. Богема.
Е. Скрынникова. Эмигранту.
С. Туренко. Талисман.
Н. Стрельникова. Диалог.
Г. Щербинина. Ивушка моя, ивушка...
В. Грищенко. Любовь от жизни всё берёт...
Е. Нестерова. Я. Ты.
Е. Шаповалова. Ночь на Ивана Купалу.

В. Левинская. Хуанхэ.
Е. Чеснокова. Мёртвые стихи.
Ю. Каблова. Блюз.
Анна Веста. Материнское сердце.
А. Филонова. Дымят костры, листвою пахнет...
В. Верин. Дорожная услуга.
В. Крайнев. Дора, Дора, Помидора.
З. Буцаева. Не засоряй ты свои дни...
О. Слободкина. Марэ.
Д. Тарарико. Мне надоело преклоняться перед тобой ...
Е. Петухова. Житие поэта.
Л. Каневская. Красный, красный...
В. Калущкий. Конец электричества.
Е. Батурин. Кузьмич. (Младший Помпа).
А. Сисак. Здесь и сейчас.
В. Ерошенко. Странный кот.

альманах «Клад». Выпуск № 10

С. Викторов. Не забывайте
стоимость ПОБЕДЫ.
Р. Крылаткова. На Прохоровском
поле.
В. Котенёва. Ветеран.
С. Агеева. На старой
фотографии – война.
Е. Батурин. Как горько
осознание оплаченной цены.
В. Горожанкин. Солдат застыл
на пьедестале.
Н. Ковалёва. Война во сне.
С. Туренко. У памятника Жукову.
Л. Середина. Было точно такое же утро.
Л. Оскольская. Бабий Яр.
Т. Ярошенко. Защитникам ОТЕЧЕСТВА.
А. Филонова. Солдат.
Е. Шаповалова. Встреча в музее.
А. и Р. Уваровы. Не седина.

Е. Скрынникова. Сухарик. Наш путь.
 Д. Довженко. Черная злоба клыки свои скалит...
 Г. Щербинина. За крестом.
 С. Соколов. Радуги.
 Г. Горожанкин. Если я не приду к утру...
 А. Дёменко. Время.
 Е. Довженко. Я вижу солнце.
 И. Жаворонкова. Когда-нибудь, за гранью бытия...
 В. Желтов. Не каюсь и не отрекаюсь.
 О. Ишкова. Разговор со смертью.
 Ю. Микулин. Ночной звонок, молчание, гудки...
 Е. Мухин. Очи вечера тают...
 Д. Охлопков. О нём, о том, кто истину узрел...
 Ю. Пархимчик. Край мой печальный и милый!
 А. Проценко. Новое на смену старому. Шум.
 В. Валитар. У Вечного Огня.
 В. Федотенко. ПОБЕДА.
 Р. Романов. Умирал ветеран.

альманах «Клад». Выпуск № 9

С. Галиченко. Рассказ о том,
 как 200 000 человек одного
 чиновника кормят.
 И. Сафронов. Клятва Гиппократа
 у поэта...
 С. Агеева. Спасибо судьбе за тебя...
 С. Дровников. Два города, сожжённые
 дотла... Одиночество.
 В. Валитар. Берегите свои лица. Апостол любви.
 А. Проценко. Ничего не случится опять.
 А. Дёменко. Злая боль. Осколки. Просто о любви.
 И. Жаворонкова. Убегу на вольну волю...
 Д. Башвинова. «Куплю! Продам!»
 Д. Довженко. Здравствуй, милая. Я на улице встретил щенка.
 Е. Довженко. Осень. Остывшее солнце всё ещё в небе...
 М. Бодров. Мне надоел тоскливый, серый мрак...
 С. Туренко. Я, в общем, – не поэт... Рабочие руки.
 В. Ивженко. Взгляд из окна.

В. Горожанкин. Ключ. Слияние. Ненужная.
А. Латынин. Когда небо опустилось вечерней зарёй...
Е. Скрынникова. Почему человек обстоятельства...
О. Ишкова. Звери.
В. Желтов. Этюды.
А. Муренков. Предчувствие весны.
А. Зайдулин. Плач тихо тающей снежинки.
Н. Нечаева. А знаешь, как жила я без тебя?
С. Соколов. Мне не хватает тебя
Е. Степанова. Я сама себя рисую. Я вспоминаю Петербург...
Г. Тисецкий. Возможность.
И. Цыганкова. Чувства твои, как улитка...
Г. Щербинина. Пыль на кованных сапогах...
В. Карпов. Горит душа, она горит и плачет...
В. Цуканов. Письмо. Ответ.
В. Корсаков. Игумену Николаю посвящается.
Игумен Николай. Ответ Корсакову В.
В. Федотенко. Весна. Тварь божья.
В. Никитин. День рождения фронтовика.
Л. Ткаченко. Смеются над нами боги...
А. Железнова. Не выпускай меня из рук, не выпускай...
В. Иванов. Посредством собственных проблем пищеварения...
Е. Троянская. Я беру карандаш. Разбегаются строчки...
О. Ракитский. Случайный взгляд на юное создание...
С. Лоренц. Если верить календарю...
Г. Горожанкин. Тупик.
И. Подколодный, С. Стрельченко. Шесть. Шесть. Шесть.
Ю. Воропайкин. «Дурная примета».
Серж Казбич. Так порой и проходит жизнь...
Е. Батурин. Младший «Помпа».
С. Галиченко. Ювелир.
Л. Сметанкина. Золотой голос XXI века.
Т. Нефёдова. Сокровище.
В. Меснянкина. Я сижу, я играю.
Л. Иванов. Ночь прошла, вот и день.
Будь ты проклята, ночь без покоя.
А. Лящёв. Напиши мне.
В. Калуцкий. Родное.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «РОСА»

ОТРАЖЕНИЯ СЛОВ.

Ирина Горюнова. Стихи.

Избранная поэзия разных лет из ранее вышедших сборников: «Зарисовки Коломбины», «На струне ветра. Мысли по-японски», «Турбулентность», «Философские граффити», «Реквием» (поэма), «Переводы» (с французского и болгарского).

РУССКИЙ ЛЕГИОН.

Виктор Верин. Повесть.

Повесть о любви, предательстве, дружбе, о приобретениях и утратах на пути самопознания. Главный герой, разочаровавшись в жизни, отправляется на поиски смерти в рядах боевой нелегальной организации под названием «Русский легион». После ранения он попадает в госпиталь. Здесь, не надеясь выжить, он пишет письмо своей бывшей девушке. Но судьба распорядилась иначе – он выжил, а письма стали его регулярной потребностью. В них параллельно тексту записок легионера идёт разговор о том, что происходит в его душе, как возвращается вкус к жизни, как воспринимаются понятия основных человеческих ценностей.

«...В повести нет ни грамма лжи, неискренности, надуманности. Смертельная опасность обостряет чувства человека, раскрывая его сущность, что и удалось показать Виктору Верину в «Русском легионе» без излишних правдоучений и пустопорожних рассуждений. И даже такое прекрасное чувство, как любовь, порой проверяется жизненными испытаниями, требующими сделать выбор между жизнью и смертью, честью и благополучием, справедливостью и безнаказанностью...» (Антониды Алексеева, участник Российского общества современных авторов, с 1991 по 1993 гг. – редактор русских передач Курган-Тюбинского областного радио).

ИЗ СИМФОНИИ МГНОВЕНИЙ.

Скрынникова Елена.

Цветные иллюстрации

Юлии Винокуровой. Стихи и сказки.

«...Пробуем показать, как человек растёт. Каждое стихотворение иллюстрирует определённый этап его движения вперёд. От одной картинки к другой становится он всё старше и старше. Всё глубже и глубже он видит и постигает мир» (Е. Скрынникова, член Российского общества современных авторов).

ОТ «КУКУШКИ» ДО ЭЛЕКТРОВОЗА.

Вера Котенёва. Историческое повествование.

В книге рассказывается о старейшем предприятии Юго-Восточной магистрали – локомотивном депо Старый Оскол. Это второй краеведческий труд староскольского поэта и публициста Веры Котенёвой. В сборнике прослеживаются история развития предприятия и судьбы людей, сделавших эту историю, – от простого рабочего до руководителя депо.

Повествование охватывает период с начала прошлого века по сегодняшний день. Издание богато иллюстрировано фотографиями.

ВЕДРУССКИЙ ПОСОХ.

Виталий Валитар. Стихи.

Поэтической дорогой ведёт автор читателя по страницам сборника, сменяя посохи: глашатая, вдохновения, мудрости, странника, скомороха, радости, песни, дружбы, мужества, памяти. В стихах Валитара прослеживается крепкая связь с историческими корнями.

«ПРАВДА ЖИЗНИ - 2». Сборник прозы и публицистики: выпуск второй.

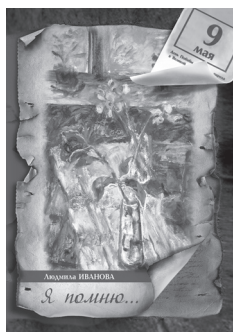
Сборник выпущен по итогам конкурса «Правда жизни». В жюри конкурса вошли: М. Замшев, гл. редактор журнала «Российский колокол», секретарь Исполкома Международного Сообщества Писательских Союзов, член Союза писателей России (Москва); Е. Степанов, ген. директор издательства «Вест-Консалтинг», гл. редактор журнала «Дети Ра», член Союза писателей Москвы, член ПЕН-центра (Москва); Евгений Цуканов, заведующий кафедрой журналистики Старооскольского филиала Воронежского гос. университета (Старый Оскол); Сергей Галиченко, председатель жюри, ген. директор издательства кпц «Роса», Председатель Российского общества современных авторов (Старый Оскол). В жанре «публицистика» в пятёрку лучших авторов вошли Юрий Градинаров (Старый Оскол), Виктория Жукова (Москва), Владимир Калущий (Бирюч), Иван Крупа (Новый Оскол). Первое место присуждено Виктору Василенко (Белгород). В жанре «художественная проза» в пятёрку лучших авторов вошли Нила Лычак и Людмила Александрова (Тюменская область), Владимир Майоров (Москва), Елена Соколова (Кострома), Ирина Горюнова (Москва). Обладателем диплома стала Ольга Лофицкая (Старый Оскол).

ГРОЗЫ НАД РОССИЕЙ.

Михаил Анисимов. Стихи. 2008.

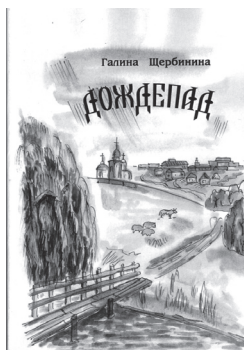
В сборник вошло 41 стихотворение. Поэзия Михаила Анисимова несёт в себе мощный патриотический заряд и пронизана переживанием за судьбу своей родины, своего народа. Автор родился на Белгородчине, окончил с золотой медалью среднюю школу, затем юридический факультет МГУ. Кадровый офицер.

Я ПОМНЮ...

Людмила Иванова. Воспоминания. 2008.

Воспоминания народной артистки России Людмилы Ивановой охватывают период от «до войны» по наши дни. В книгу также вошла пьеса Л. Ивановой «Москва, 41-й». Издание богато иллюстрировано фотографиями.

ДОЖДЕПАД.

Галина Щербина. Стихи.

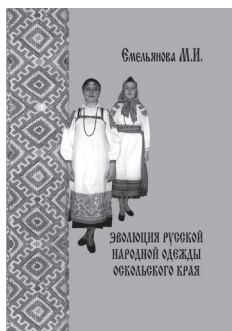
«Прочитанные однажды слова вольно или невольно откладываются в памяти, чтобы выплыть, напомнив о себе в самый, казалось, непредсказуемый момент. Для меня очень важно, чтобы так происходило с моими стихами. И пусть посветлеет у Читателя на душе от моих мыслей, даже если они и с грустинкой» (Г.В. Щербина).

РОССИЯ... РУСЬ...

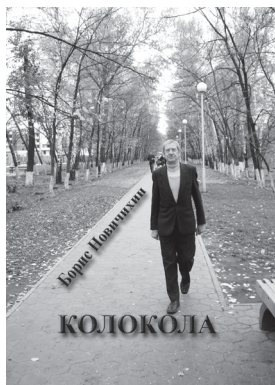
Андрей и Роман Уваровы. Стихи.

Совместное творчество молодых авторов характеризуется традиционным русским лирическим стилем, вобравшим в себя образы Родины и Души, проявляющимся в картинах природы, в человеческих чувствах, в отношении к окружающей действительности....

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ОДЕЖДЫ ОСКОЛЬСКОГО КРАЯ (2-Я ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX ВЕКА). Историко-этнографическое исследование. М.И. Емельянова.

В монографии впервые глубоко и обстоятельно освещаются основные проблемы развития местной народной одежды, её региональная специфика и локальные особенности. Основным источником являются богатый и разносторонний личный архив исследователя, собранный в фольклорно-этнографических экспедициях в течение нескольких десятков лет (1960-1990 годы), фонды народного Русского музея педагогического колледжа. М.И. Емельянова, методист по краеведению, руководитель народного Русского музея Старооскольского педагогического колледжа, кандидат исторических наук, опирается в своей работе также на обширный историко-этнографический материал, фундаментальные труды учёных и исследователей русской одежды. В книге 145 иллюстраций. Используются документальные фотоматериалы начала XX века, современные фотографии, сделаны рисунки и схемы с подлинных образцов русской народной одежды Приосколья.

КОЛОКОЛА.

Б.Г. Новичихин Стихотворения.

В сборник включены стихотворения, басни и миниатюры разнообразного характера. Их тематика отражает богатый жизненный опыт автора, не понаслышке знакомого со многими, порой необычными явлениями. Его стихи, как колокола, звучат то тихо, то громко, вызывая ответный резонанс в жизни. В них много оптимизма и веры в человека и его предназначение. Критичный взгляд на себя и окружающую действительность, ирония и юмор также не чужды автору.

ВАЛИ ВСЁ НА МЕРКУРИЯ.

Алексей Витаков. Роман.

Детективная история разворачивается в наше время вокруг рукописи о противостоянии смоленского воеводы Меркурия монгольскому войску в XIII веке и дневника автора о событиях прошлого, XX века, о тех условиях, в которых был написан роман, почему так долго не был опубликован и какова судьба его автора. Роман в романе – не новшество, но язык исторического повествования захватывает...

ГОРОДСКОЙ РОМАНС.

Тамара Дронова. Стихи.

Это музыка души, которая льётся из каждой строчки, наполняя любовью и нежностью, благородством и изящностью, мудростью и благоразумием. Сборник рассчитан на широкий круг читателей. Стихи и любви и о природе чередуются с произведениями, посвящёнными православию и философии. Это третий сборник староскольского автора.

ЛЕТАЮЩИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ.

В. Прокочук. Повесть, рассказы, стихи.

События происходят в пятитысячном столетии нашей эры. Все гуманоиды, стоящие на верхней ступени развития, обладающие абсолютным логическим мышлением и высоким интеллектуальным потенциалом, объединились для дальнейшего изучения космоса. Они создали корпорацию межпланетных космических научно-исследовательских институтов, председателем которой стала представительница Земли Антала Ланата.

В КРАЮ БЕРЕЗ И НЕЗАБУДОК.

Стихи и песни.

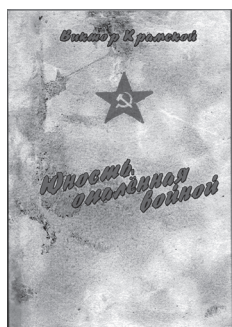
Сборник стихов и песен о природе родного края, о Родине, о любви. В них отражается взгляд автора на прошлое и настоящее...

«КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ»

В.П. Малашенко. Монография.

В работе представлена концепция новой экономической теории – теории социального развития, обосновывающая необходимость создания качественно новой мировой конкурентной среды на основе ценностей Всеобщей декларации прав человека, распространения экономической свободы, ликвидации нищеты и бедности в развивающихся странах, достижения в них гражданского согласия на основе согласованного применения в странах, участвующих в процессах глобализации, единых для всех государств, высоких социальных стандартов жизнедеятельности человека.

ЮНОСТЬ, ОПАЛЁННАЯ ВОЙНОЙ.

Виктор Крамской. Воспоминания.

Здесь нет вымышленных героев и событий. Свободное владение обширным материалом и любовь к своему краю позволили автору подробно и разносторонне раскрыть жизнь оскольчан. Он оставил свои воспоминания о себе, своих товарищах, которые юношами прошли через ад войны, лагерей... Повествование охватывает период от основания Старого Оскола до начала XXI века.

ПАМЯТИ ПРЕДКОВ.

*Анатолий Овсянников. Стихи.
Серия «Сигнальный экземпляр».*

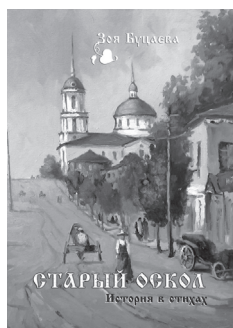
Анатолий Овсянников – кандидат в члены РОСА. В 2008 г. стал лауреатом III Славянского межрегионального поэтического фестиваля «Ведрусский посох». В 2009 г. его стихи были опубликованы в альманахе «Клад». В 2010 г. стал обладателем специальной премии VI Русской Ярмарки Талантов «За сохранение и развитие славянских традиций в литературном творчестве». В настоящем сборнике представлены стихи, посвящённые памяти наших славянских предков.

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ.

*Вл. Калужский. Повести, очерки
и рассказы.*

Это книга для тех, кто не боится мыслить и чувствовать вопреки догмам официальной науки, вопреки мнению авторитетного большинства, кто не жалеет времени на формулировку вопросов и поиск ответов на них. Под одной обложкой собраны повести, очерки и рассказы самобытного провинциального писателя.

СТАРЫЙ ОСКОЛ. ИСТОРИЯ В СТИХАХ.

Зоя Буцаева.

Второе издание, переработанное и дополненное, с иллюстрациями Александра Красникова. В оформлении книги использованы репродукции картин Александра Филишпова и Леонида Филишпова. Автор поэмы прослеживает историю города Старый Оскол с древнейших времён до наших дней.

Литературно-художественный альманах

КЛАД

Выпуск 14

Корректор Мария Шевлякова
Дизайн, компьютерная вёрстка – Пётр Гасев
Фото на обложке – Пётр Гасев

Издательство РОСА
Российское общество современных авторов
309512, Белгородская обл., г. Старый Оскол, а/я 577, Галиченко С.В.
e-mail: 885533@mail.ru <http://art.oskol.info/>

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура Book Antiqua. Усл. печ. л. 14,12.
Тираж 3000 экз. 1-й завод (представительский тираж) – 200 экз.
Подписано в печать 27.05. 2011 г. Заказ № 100
Отпечатано в типографии «Квадрат».
309504, Белгородская обл., г. Старый Оскол, пр-т Комсомольский, 73

ISBN 978-5-903659-75-3

9 785903 659753